

Лабиринт.

Моему талантливому отцу, личности творческой, увлекшей меня своим любимым делом. Благодаря отцу я нашла работу, которая позволяет мне понежиться утром в постели.
А также моему жениху Мику. Дорогой, ты хитер, как лис. А я не могу ждать!
Стефани Перри

Я бежал от него ночью и днем; я бежал от него долгие годы; я бежал от него по лабиринтам собственной души; и я скрывался от него в потоках слез и раскатах смеха.
Фрэнсис Томпсон, 1893

Пролог.

Его окружала тьма. Она скрывала гнездо. Он чувствовал там - в грязной пещере - какое-то осторожное, звериное шевеление. Существо развернулось в его сторону. Раздался странный звук, напоминающий удар кости о кость, а затем послышалось зловещее шипение... Нечеловеческое. Чужое. Остальные - счастливики, - конечно, мертвы. Или уже не осознают, что такое жизнь, - а это в общем-то одно и то же. Его друзьям улыбнулось безумие, лихорадочно и бессмысленно прикоснувшееся к их отлетающим душам. Он слышал и ощущал это. Он знал это, когда умирало его сердце, а мозг требовал освобождения, словно эхо повторяя отдаленные, безумные крики его любимых.

Существо из полуночного кошмара придвинулось ближе, за ним последовало еще одно.

В душе несчастного забрезжило что-то напоминающее надежду, какое-то слабое свечение. Может, это смерть? Интересно, в аду бывают чудеса?.. Не осталось ничего, за что следовало бы бороться, никакого желания даже пытаться.

Демоны тянулись к нему - черные и безжалостные, а он не сопротивлялся, только начали подергиваться уголки рта. Они почему-то странно пошли вверх, хотя несчастный этого совсем не хотел.

Улыбка смерти.

Все его чувства были жестоко сметены, все, кто был дорог, погибли... И смерть стала желанной для него.

Он так удивился этому открытию, что рассмеялся, не обращая внимания на ужасные хрипы, вырывающиеся из его разорванной глотки и гулким эхом пронесившиеся по лабиринту...

Глава 1

Какое-то время ничего не было - только абсолютная чернота космоса. Ни звезд. Ни малейшего движения. Пустота. А затем, в конце вечности, в темноте показалась одинокая красивая маленькая мигающая зеленая точка, сочетание движения, света и пения птиц. Вслед за этим появился горький отвратительный смрад, чем-то напоминающий застарелый неприятный запах пота.

Креспи приподнял брови, медленно моргнул и прищурился, защищая глаза от света тусклых ламп, снова появился пульсирующий зеленый огонек - мигающий курсор на экране компьютера у его ног, сопровождаемый действующим на нервы писком. Реальность оказалась гораздо уродливее, чем он предполагал. Веки произвольно опустились, и он нырнул назад, в сладкую бездну...

"Биип!" - требовательно напомнил о себе компьютер.

- Да, да,- пробормотал Креспи и медленно сел.

Он разозлился из-за того, что его заставили проснуться. Какое-то время Креспи свирепо смотрел затуманенным взглядом на пол, ощущая боль в каждой мышце - у него все тело зудело, но не было сил почесаться. Креспи стал почти на год старше, и он сожалел о каждой утраченной минуте жизни.

Компьютер снова занял. Креспи бросил сердитый взгляд в его сторону, а потом склонился ближе и уставился на высвечиваемые дисплеем слова:

"Тони, просыпайся, я на шесть месяцев старше, чем был ты... О... Смерть... где твое жало? Аи! 2467... Хел".

Даже не желая того, Креспи улыбнулся. Хеллер в своем репертуаре - как всегда, без шуток обойтись не может. Хеллер был остряком, душой компании, но позволял себе вольности с начальством, прекрасно осознавая, что он - пилот, один из самых важных членов экипажа...

- Не смешно, мой дорогой, - ответил Креспи, хотя Хеллер его услышать не мог.

Креспи широко зевнул и протянул руку к дискетам с кодами, лежащими перед экраном, затем нажал кнопку переговорного устройства:

- Говорит полковник Креспи. Как дела? - Голос слегка дрожал: в горле все пересохло. Но он прилагал все усилия, чтобы слова звучали официально.

Креспи поднял руки над головой, потянулся и снова зевнул.

- Говорит подполковник Хеллер. Дела у нас прекрасно, сэр. "Аркхэм" должен произвести стыковку с "Безымянной" в девять ноль-ноль... - Последовала пауза, и Креспи почувствовал, что пилот улыбается.

- Как вы спали, сэр?

Креспи провел рукой по щетине на щеках.

- Как убитый. Есть какая-нибудь информация?

- Да, сэр. Сейчас прочитаю.

Креспи покачал головой и, когда на экране начали мелькать коды, вставил свою дискету в дисковод компьютера. Никаких "зачитаю" - только с экрана.

- Спасибо, подполковник, я посмотрю сам, - сказал Креспи, вглядываясь в экран. - Встретимся в капитанской рубке через двадцать минут.

- Есть. - Хеллер прервал связь.

Креспи легким ударом пальца отключил переговорное устройство и нахмурился. То, что он решил просмотреть информацию с личного компьютера, несомненно, даст пищу для пересудов экипажу, если, конечно, ее и так недостаточно.

Он сидел на краю кровати и смотрел на текст, появляющийся на экране, его лицо морщилось от слабой боли в мышцах живота. Слишком мало времени, чтобы их разработать. Вот если бы принять душ...

На экране, среди прочих, появилось послание, которое мгновенно заставило Креспи забыть о физических упражнениях. Посланию был присвоен код NP117 - "крайне срочно".

"Тони, приказом Генерального Штаба номер NNJB907H все оставляется на твое полное усмотрение. Ты уполномочен (в случае необходимости - силой) брать на себя командование "Безымянной" для выяснения возможных причин происходящих на ней событий".

Давались ссылка и подтверждение. Черт побери! Послание шло прямо от адмирала Д. Ю. Пикмана - идиота, возглавлявшего элитные войска по борьбе с чрезвычайными ситуациями. Он был фанатиком в борьбе с чужими, лично организовывал по меньшей мере сотню тайных операций по уничтожению чудовищ, включая провал Уоллера на Майне-8, когда погибли пятьдесят гражданских лиц и более дюжины десантников. Громкое дело - тогда даже повредили вращающиеся стыковочные палубы станции. Адмирал кричал "Гнездо!" на любую тень, и ему всюду мерещились чужие, даже когда это было совсем уж мало вероятно.

Но если хотя бы половина того, что Креспи слышал о "Безымянной", окажется правдой, то... В данном случае, возможно, адмирал и прав.

- Доброе утро, - приветствовал он сам себя скрипучим голосом и отправился в душ.

Через восемнадцать минут Креспи зашнуровал ботинки и встал перед зеркалом, придирчиво осматривая себя. На него глядело усталое и старое лицо, несмотря на то что он только что побрился и принял душ. Он был в хорошей (черт побери, даже очень хорошей!) форме для сорока одного года, но морщины, изрезавшие лицо, говорили о многом.

Он вздохнул и протянул руку за фуражкой, размышляя о том, почему не чувствует никакого волнения. Считалось честью получить возможность работать вместе с доктором Чёрчем, даже в роли ассистента. Доктор Чёрч начал проводить изыскания около десяти лет назад серией биологических экспериментов с космическим вирусом, который уничтожил три колонии переселенцев в двух различных мирах. Чёрч обнаружил вирус, классифицировал его и приготовил сыворотку, когда лучшие ученые на Земле еще только распаковывали свои пробирки.

В свою бытность рядовым десантником Креспи мечтал о подобных престижных исследованиях, и это единственное, что заставляло его двигаться вверх по служебной лестнице. Он много работал, чтобы оказаться здесь. И он заслужил это.

И все равно он чувствовал себя отвратительно. Конечно, сказывались последствия анабиоза, но он испытывал... неуверенность. На самом деле он прекрасно понимал, что это естественное беспокойство, не только нервы. Любой бы дрожал от волнения перед встречей с Чёрчем. Но Креспи отлично знал

свое дело и терпеть не мог идолопоклонничества. Кроме всего прочего, они находились в одном звании...

Полковник снова посмотрел в зеркало и покачал головой. Нет времени на необоснованные тревоги. Он теоретик-аналитик, ученый, у него за спиной более пятнадцати лет работы в этой сфере. В молодости он всегда полагался на интуицию, и это помогало ему оставаться в живых, но те дни давно миновали.

"Безымьянная" - исследовательская станция, там ему придется действовать с осторожностью, даже выбирая блюда на обед - искусственную курицу или искусственную говядину. Но тем не менее...

Но тем не менее - ничего. Прочь несвоевременные мысли, иначе он опоздает.

Креспи распрямил плечи и направился на мостик. Слабо освещенный коридор оказался пуст, создавалось впечатление, что корабль покинут. За исключением тихого жужжания рециркулятора воздуха, не было слышно никаких звуков. Воздух был холодным и сухим, как в гробнице.

Большинство экипажа должно находиться в столовой, пить кофе и пытаться отойти от анабиоза.

Несколько секунд у Креспи оставалось чувство, что он - единственный человек на корабле, последний человек во Вселенной. Снова появилось неопределенное беспокойство, возможно, начинался приступ клаустрофобии...

Полковник моргнул, нахмурился. "Что за чушь с единственным оставшимся в живых? После этого станешь бояться спать в темноте... Это все проклятые слухи. Они достанут кого угодно. Признайся хоть самому себе, что ты просто боишься, сам не зная чего".

Может, так оно и было на самом деле, но требовалось приставить автомат к его виску, чтобы он вслух сознался в этом. Слухи - это обычно по большей части искаженная информация. Сколько раз в прошлом ему доводилось слышать фразы типа "зловещие эксперименты" и "скрытые смерти"? А в процессе работе? Каждый год возникали разговоры о каком-то ученом-ренегате или о ком-то из высшего военного руководства, у кого поехала крыша и он организовал очередную эксцентричную операцию. Например, информация о докторе Реуфе и применении дезоксирибонуклеиновой кислоты. Или о генерале Спирее и армии гигантских чужих. Потяни за веревочку с той стороны, что тебе больше понравится, и зазвонят колокольчики со всех сторон, раздувая из мухи слона.

С другой стороны, его никогда не направляли ни в одно из таких мест. А текущая работа Чёрча держалась под таким секретом, что адмирал Стивенс даже не представлял, чем он занимается. И это, несомненно, являлось одной из причин, объясняющих, почему он послал именно старину Креспи, знающего свое дело, выяснить, какие тайны пытается скрыть Чёрч. Креспи один из немногих, кто может разобраться в ученых заморочках и, как хороший маленький солдатик, представить толковый отчет, не пытаясь навести тень на плетень и за научными фразами скрыть собственную некомпетентность...

Он быстренько во всем разберется!

Креспи миновал поворот в коридоре и вошел в капитанскую рубку. Дверь за ним мягко встала на прежнее место.

Здесь было тепло и пахло свежесваренным кофе. Хеллер и Шаннон сидели у компьютера перед иллюминатором. Блейк стоял за ними, положив руки на спинку стула Шаннона. Они тихо разговаривали, поглядывая на станцию за бортом.

- Привет всем, - поздоровался Креспи, направляясь к пилотам.

- Здравствуйте, сэр,- ответил лейтенант Блейк.

Трое мужчин, заметив начальство, приветственно встали.

Креспи махнул рукой, чтобы сели, подошел к иллюминатору и несколько секунд изучал "Безымьянную". Стандартная крупная военно-исследовательская станция, серия "700". Ему доводилось бывать на полудюжине подобных этой. Такая станция, как правило, имеет несколько лабораторий и с легкостью может вместить двести человек. Хотя, в соответствии с документацией, в данный момент на "Безымьянной" находилось меньше ста. Станция неясно вырисовывалась перед ними, как темный маяк; тусклый свет, идущий от посадочных модулей, едва освещал стыковочные узлы.

Так вот, значит, какая она, - тихо сказал он, - та, что не может быть названа.

Вы там не бывали раньше, сэр? - спросил подполковник Шаннон. Глаза у него были усталыми, воспаленными.

Креспи снова осмотрел станцию.

- Нет...

"Безымьянная", его новый дом - темный, холодный...

Натянуто откашлялся Блейк. Хеллер повернулся на стуле и взглянул на Креспи:

- М-м... сэр, предполагается, что мы не знаем о том, что происходит на "Безымянной", но я хотел поинтересоваться, не могли бы вы прояснить кое-какие неприятные слухи...

- Что за слухи? - сухо спросил Креспи, стараясь сохранять невозмутимость. Хеллер переглянулся с Блейком.

- Понимаете, сэр... - Хеллер замолчал, а потом заговорил очень быстро: - Мы слышали, что там проводятся странные эксперименты и что члены экипажа не считаются потерями в живой силе. Их используют в этих экспериментах...

- Успокойтесь, подполковник. На вашем месте я не стал бы так волноваться из-за каких-то слухов. Для мужчины нежелательно приобретать репутацию сплетника.

Слова прозвучали резко, и это неожиданно разозлило Креспи. Он рассердился на самого себя, потому что и сам беспокоился. Но это же не дом с привидениями, а они - не дети. Это, черт побери, научная лаборатория, где Чёрч, вероятно, работает, изучая интеллект у растений или еще что-нибудь.

Хеллер покраснел и снова посмотрел на Блейка. Все молчали несколько секунд, потом на выручку пришел Шаннон:

- Хотите кофе, сэр?

Он показал на кофейный аппарат, стоявший возле компьютера. От кофе поднимался ароматный пар. Креспи покачал головой и повернулся к двери.

- Нет, спасибо. Встретимся при посадке, господа.

- Есть, - ответили они хором. Унылый голос Хеллера прозвучал тише остальных.

Креспи остановился у выхода и обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на "Безымянную", в одиночестве висевшую в пустоте. Обычная исследовательская станция - и все.

Он вышел, мысленно повторяя, словно уговаривая себя:

"Обычная исследовательская станция, ничего более".

Глава 2

Лет в восемнадцать-девятнадцать Шэрон МакГиннесс перепробовала большинство синтетических наркотиков, которыми увлекались ее сверстники, но они не оказали на нее никакого впечатления. Наркотики доставляли ей удовольствие и развлекали, как эксперимент, не больше. Она отнюдь не жалела. Она знала, что теряет, - но наркотическое расслабление по несколько дней подряд быстро утратило для нее новизну. На нее также оказала впечатление участь наименее уравновешенных из ее знакомых, которые пристрастились к наркотикам и исчезли в неизвестном направлении, выбрав жизнь не в реальном мире, а в одуряющей бездне, из которой нет возврата.

Еще больше, чем потерю логически последовательных и связных мыслей, она ненавидела просыпаться утром после принятия наркотиков, выползая не ранее чем после полудня из кровати, с липкими губами и слабой тошнотой - в дополнение ко вполне определенному ощущению того, что мозг умер. Все это в целом не слишком привлекало ее.

"И посмотрите на меня теперь! После анабиоза те же последствия и никакого удовольствия. И все потому, что я взрослая! Ура!"

МакГиннесс склонилась над термосом и подождала, чтобы запах дрянного растворимого кофе сделал что-то с ее мозгом. Шесть или семь парней кружили вокруг, ворча и еле волоча ноги, еще полностью не отойдя после пробуждения. Как и она, остальные члены экипажа как можно скорее добрались до столовой в надежде, что хоть какая-то пища поможет им, прекрасно зная, что такого никогда не случается. Даже чуть теплый душ почти не стоил усилий, затраченных на то, чтобы его принять: струя рециркулирующей воды не разгоняла оцепенение и сонливость.

- ...Черт побери, живем в век неотехнологии, и никто еще не изобрел приличный растворимый кофе... - произнес лейтенант Кори, ни к кому конкретно не обращаясь. Молодой офицер стоял рядом с кофейным аппаратом и напоминал потрепанного зомби с крупными синяками под глазами.

Обычное ворчание ко всему привыкшего десантника.

МакГиннесс слабо улыбнулась в его сторону. Но в его словах был смысл. Она отдала бы левую грудь за двойной "эспрессо". Ну может быть, отдала бы...

Кори внезапно выпрямился и исполнил жалкое подобие отдания чести.

- Сэр! - воскликнул он.

МакГиннесс повернула свой затуманенный взор к двери и уже начала вставать, лениво подумав: "Начальник..."

- Всем вольно. Продолжайте свои занятия.

МакГиннесс опустилась на место, размышляя, как это удавалось полковнику всегда быть в форме. Креспи спал столько же, сколько и они, но выглядел бодрым и полностью проснувшимся, его глубокий голос звучал сильно и четко - словно он только что был не в анабиозе, а встал после полноценного сна, да еще и побегал трусцой.

"Черт старый!"

Креспи посмотрел на их затуманенные глаза после того, как каждый из них снова погрузился в ступор. МакГиннесс плохо знала Креспи - только его репутацию: холоден, точен, не гений-создатель, но исключительно внимателен к деталям. Другими словами, идеальный ученый. Не говоря уже о том, что он знающий дело десантник - настолько, насколько это только возможно. Он был лет на десять старше нее, хотя во внешности это особо не проявлялось - за исключением, пожалуй, морщинок на лице: поддерживал себя в форме и выглядел значительно моложе своих лет. Темные глаза его, казалось, светились, а взгляд их пронзал насквозь, словно взгляд ястреба...

МакГиннесс резко прекратила свои скучные размышления, когда поняла, что пришла ее очередь говорить с начальством. Полковник остановился в нескольких метрах от ее стола и приподнял одну бровь в немом вопросе.

МакГиннесс откашлялась:

- Э... я не очень хорошо себя чувствую, сэр.

Полковник сел на один из отлитых по форме тела стульев напротив нее:

- И я также, МакГиннесс. На самом деле, я, должно быть, чувствую себя так, как вы выглядите... В комнате послышались смешки. У Креспи на лице появился намек на улыбку.

- Я... - Она закрыла рот, пока еще не успела наговорить глупостей, откинула голову назад и уставилась на пластиковый потолок. - Да, сэр. Я прекрасно себя чувствую.

На этот раз смешки попытались скрыть, притворяясь, что откашливаются. МакГиннесс распрямила плечи и посмотрела на добродушно улыбающегося полковника.

- Несомненно, лейтенант. Ваша поправка вдохновит нас всех.

По крайней мере, у него есть хоть какое-то чувство юмора. Офицеры вернулись к вялому передвижению по столовой и односложным фразам. МакГиннесс ждала, что Креспи скажет что-то еще, но он молчал и снова начал наблюдать за членами экипажа, бесцельно бродящими вокруг.

Она почувствовала приступ резкой боли в животе, как от сильного удара кулаком. Чтобы отвлечься от боли, она решила выяснить, что знает Креспи. Глотнув из термоса слабого кофе, она постаралась задать вопрос таким тоном, словно ответ ее совершенно не интересовал:

- Я буду работать под вашим началом на борту "Безымянной", сэр?

Креспи снова посмотрел на нее своим проницательным взглядом:

- Мало вероятно, МакГиннесс. Если, конечно, вам не изменит удача. Я предполагаю заниматься серией мучительно банальных и скучных экспериментов.

Ей показалось, или он действительно пытался что-то скрыть. Узел у нее в животе еще более затянулся. Понять, что у Креспи на уме, было безумно сложно, но если бы ей пришлось делать ставки, она сказала бы, что он, как и все остальные, ничего не знает.

- Звучит обнадеживающе,- произнесла она и отвернулась, продолжая притворяться скучающей. - "Безымянная" слишком засекречена, чтобы мне это понравилось.

Креспи наклонился к женщине:

- Если так, то почему вы сами вызвались лететь сюда?

МакГиннесс пожала плечами:

- Хороший вопрос.

"И вам совсем не обязательно знать ответ, сэр", - добавила она про себя.

Несколько секунд они молчали. В конце концов она посмотрела на него, на складку над проницательными глазами, изучавшими ее лицо. Казалось, что полковник собирается сказать что-то еще...

Из громкоговорителя послышался голос:

- Вызывается полковник Креспи. Сэр, полковник Томпсон хочет видеть вас на верхнем мостике перед посадкой.

Креспи смотрел на женщину еще секунду, потом отвел взгляд:

- Хорошо. - Он встал, кивнул ей и отошел от стола. МакГиннесс с облегчением сделала еще глоток кофе. "Он быстро соображает, не исключено, что даже слишком быстро, но это может оказаться плюсом..."

Кто-то из мужчин пошутил - она не расслышала слов, но рассмеялась вместе с остальными. И задумчиво уставилась на свои бледные руки, которые внезапно задрожали, совсем чуть-чуть...

Глава 3

Креспи стоял на посадочной площадке "Безымянной" и терпеливо ждал. Несмотря на то что его обдувал холодный воздух, он почувствовал, как голова под форменной фуражкой начинает потеть. Причина в том, что эти проклятые фуражки до сих пор шьют из искусственной шерсти. Креспи знал о многих случаях, когда солдаты, стоя на плацу в жаркий день в полном обмундировании, падали, теряя сознание. Вероятно, эти военнослужащие были даже слишком хорошо вымуштрованы и четко усвоили, что не имеют права снимать головные уборы, в особенности в тех случаях, когда приходится ждать прибытия кого-то рангом выше и тем более если ты еще ни разу не встречался со своим новым начальником... Как Креспи с адмиралом Тавесом, например.

- Вы - полковник Креспи? - послышался громкий голос, отражающийся от высокого потолка. - Я - адмирал Тавес.

Креспи расправил плечи. К нему обращался пожилой мужчина с бочкообразной грудной клеткой. Тавес быстро подошел к Креспи. Весь его облик выражал нетерпение.

Креспи принял строевую стойку и отдал честь.

- Полковник Креспи рапортует о прибытии на новое место службы, сэр, - выпалил Креспи. Когда Тавес подошел к нему, Креспи стал украдкой изучать своего нового начальника. Он совсем не так представлял его. Креспи слышал, что большую часть лет службы Тавес провел в местах боевых действий. Однако об этом невозможно было догадаться по внешнему виду адмирала: он казался добродушным стариком. Его седые, вьющиеся волнами волосы были зачесаны назад и прилипли к голове. Конечно, военная выправка - которую Креспи ожидал увидеть у любого старого вояки - никуда не исчезла, несмотря на небольшой животик, но сразу же становилось ясно, что в военных действиях Тавес принимал участие по меньшей мере десятков лет назад.

С другой стороны, лицо адмирала с отвисшим подбородком было изрезано морщинами. Видно, Тавес побывал во многих переделках. Сломанный когда-то нос плохо сросся. Он оказался красным, как сгнившая свекла. Лопнувшие капилляры свидетельствовали о значительном, может, даже излишнем количестве выпитого "Мартини".

Тавес стоял напротив Креспи и улыбался, скаля ровные пожелтевшие зубы. Креспи уловил слабый запах сигар и бальзама для волос. Адмирал хлопнул Креспи по плечу, словно старого приятеля, которого встретил после долгих лет разлуки:

- Вольно, Креспи. По крайней мере пока не поступит дальнейших указаний. Добро пожаловать на борт "Безымянной". - Тавес улыбнулся и покачал головой. -

Должно быть, у вас на Земле влиятельные друзья, - продолжал он. - На тот пост, на который назначили вас, претендовало немало хороших парней.

Тавес развернулся и, не дожидаясь ответа, направился к двери посадочного модуля. Креспи вздохнул и пошел задним.

- По крайней мере, мне лично не известно ни проодного влиятельного друга, сэр, - сообщил Креспи, стараясь сохранять нейтральный тон. - Мой опыт...

- Я не имел в виду протекцию или кумовство, полковник, - перебил его Тавес, поднимая пухлую руку, но даже не оборачиваясь, чтобы взглянуть на Креспи. - Ваше досье говорит само за себя. Вам приходилось выполнять много конфиденциальных заданий, правда?

Адмирал вел себя дружелюбно, старался казаться веселым, однако у Креспи сложилось впечатление, что Тавес играет роль, как обычно делает начальство, если вдруг вынуждено столкнуться с человеком, от которого неизвестно что можно ждать. Очевидно, Тавес в курсе, что Креспи послали на "Безымянную" не только для того, чтобы заниматься научной работой. Но что на самом деле известно адмиралу?

- В некотором роде да, сэр, - ответил Креспи. - Правда, разведдеятельность никогда не была моей сильной...

- Теоретик-аналитик всегда считается ценным приобретением, - перебил Тавес, наконец оглядываясь на Креспи и продолжая улыбаться. - Доктор Чёрч, не исключено, найдет для вас достойное применение.

Тавес снова отвернулся от Креспи и пошел дальше - толкнул широкую металлическую дверь, и в результате они оказались в тихом коридоре типичного военного учреждения, где все было казенным, вплоть до темных синтетических стенных панелей и дрянных обогревателей у плинтусов. Все было очень дешевым, о чем свидетельствовали трещины в стенах и на голом полу. Больше всего пострадали участки вокруг обогревателей.

Хотя воздух оставался прохладным, в этой части станции многое можно было бы улучшить. Слабо пахло дезинфицирующими средствами и человеческим потом. Креспи подумал, что этот воздух, прогоняя через фильтры и обогащая кислородом, использовали уже чрезмерное количество раз. За долгие годы службы полковник привык к подобному, но здесь воздух оказался значительно хуже, чем обычно.

"Какое убожество, - подумал Креспи. - Если я правильно помню план станции, то мы направляемся к каютам, отведенным для офицеров".

Так где все-таки зарыта собака? Адмирал не только постоянно прерывал Креспи, но и намекнул, что в курсе того, что полковник прибыл с целью покопаться в грязном белье. Вполне очевидно, что Тавес считает, будто Креспи известно гораздо больше, чем на самом деле. Не исключено, что это пойдет на пользу полковнику во время выполнения порученного ему секретного задания, только все зависит от того, удастся ли Креспи не упустить открывающиеся возможности...

- Я, естественно, надеюсь работать в тесном со трудничестве с доктором Чёрчем, - заявил Креспи.

Адмирал продолжал идти вперед. Не оборачиваясь, он снова заговорил исключительно любезным, но покровительственным тоном:

- Чтобы что-то высечь из камня...

"Достаточно. Мне осточертели эти уклончивые ответы", - подумал Креспи, нахмурился, догнал адмирала и пошел рядом с ним.

- Сэр, - обратился Креспи к адмиралу, - я не хочу, чтобы между нами оставалось хоть какое-то недопонимание. Мне поручено заменить полковника Леннокса, партнера доктора Чёрча в проводимых исследованиях.

Тавес и Креспи завернули за угол. Продолжая улыбаться, адмирал указал на первую дверь.

- Вы будете жить здесь, Креспи, - заявил он. - Каюта А восемьдесят девять. Включите видеоплеер и изучите все инструкции, ознакомьтесь с расположением служб. Можете вызвать своего ординарца и...

- Адмирал Тавес, - перебил Креспи, - я прибыл сюда, чтобы работать вместе с доктором Чёрчем, не так ли?

Они стояли перед дверью каюты Креспи и смотрели друг на друга. Креспи глядел сверху вниз на коренастого адмирала. Тавес продолжал улыбаться, но в его глазах появился нехороший огонек. Они в этот момент напоминали глаза шарлатана, что совсем не вязалось с лицом, изрезанным шрамами.

- Этот вопрос придется решать, полковник. Почему бы вам не ознакомиться пока со всеми инструкциями и не попросить своего ординарца провести вас по станции? У нас имеется отличная комната отдыха, которая может удивить даже вас, а также...

- Я предпочел бы немедленно встретиться с доктором Чёрчем и быть введенным в курс дела, сэр. Адмирал улыбнулся еще шире, однако эта улыбка больше не казалась приятной. Создавалось впечатление, что она дается ему с трудом. Он всеми силами пытался убедить доктора Креспи в неразумности его требований.

- Креспи, - обратился к нему адмирал, - в ваше распоряжение предоставляется самая большая исследовательская лаборатория на станции. У вас будет достаточно времени для проведения какой угодно работы - той, что вы захотите. Но почему бы вам сейчас-то не расслабиться?

"Он чего-то боится, - наконец понял Креспи. - Того гляди, в штаны наложит".

Полковник растерялся, поражаясь способности адмирала уходить от прямого ответа на какой бы то ни было вопрос.

Тавес теперь улыбался, как конспиратор, и продолжал говорить:

- Возможно, вы посчитаете меня чересчур прямым человеком, Креспи, но мой опыт научил меня, что от последствий анабиоза легко избавиться в компании женщины. Ну вы сами знаете, как представительницы прекрасного пола... Если вы отправитесь в комнату отдыха, то найдете там...

- Разрешите и мне прямо сказать вам, адмирал, что единственное, что интересует меня в настоящий момент, так это встретиться с доктором Чёрчем и приступить к работе.

Если уж быть честным до конца, то Креспи испытывал искушение хорошенько ударить адмирала по голове своим "дипломатом", хотя сейчас это, конечно, неразумно. А жаль.

Тавес вздохнул.

- Ну, - медленно произнес он, - я с сожалением вынужден сообщить вам, что Чёрч пришел к выводу, что ему не требуется новый помощник. Но не волнуйтесь: в ваше распоряжение будет предоставлена лучшая лаборатория и команда, которую нам только удастся собрать. Я имею в виду, что мы...

Креспи сжал кулаки. Он не отличался вспыльчивым, характером, никогда не позволял себе вольностей с начальством, не выходил из себя в их присутствии, но эта бульдожья морда с толстым приплюснутым носом зашла слишком далеко.

- Сэр, - обратился к нему Креспи, - я настоятельно прошу встречи с доктором Чёрчем. Немедленно.

Слова полковника никак не подействовали на Тавеса. Адмирал пожал плечами и поднял руку, словно хотел извиниться:

- Ну что ж. Вам отказано в вашей просьбе.

Креспи гневно посмотрел на него. Полковник давно так ни на кого не злился. У него снова возникло желание хорошенько врезать по этим растянутым в елейную улыбку губам, причем так, чтобы прошибить голову адмирала до самого затылка.

"Сделай глубокий вдох, Тони", - приказал Креспи сам себе.

Креспи медленно разжал кулаки - вначале один, потом второй. За его спиной стоит Пикман, который его всегда поддержит, а Пикман пользуется гораздо большим влиянием, чем Тавес. Не стоит уж так выходить из себя и портить себе нервы.

Креспи еще раз глубоко вдохнул воздух и заговорил гораздо тише:

- Адмирал Тавес, мне дано вполне определенное задание, и я намерен его выполнять. Если для этого мне потребуется обратиться в вышестоящие инстанции, минуя вас, я сделаю это.

Улыбка наконец сошла с лица адмирала, и Креспи впервые увидел то, что подняло Тавеса до занимаемого им теперь положения. Адмирал расправил плечи и, казалось, стал выше ростом, потом холодно посмотрел на Креспи.

- Черт возьми! - воскликнул Тавес. - Вы - крепкий орешек, Креспи. Прекрасное дополнение к нашей команде. - В его голосе слышался сарказм, но, по крайней мере, вся снисходительность пропала. - Идите в отведенную вам каюту, полковник. Расслабьтесь. А я пока схожу к доктору Чёрчу, чтобы обсудить с ним этот вопрос.

Тавес смотрел на Креспи злым взглядом и ждал. Креспи отдал честь и должным образом ответил:

- Есть!

Его начальник развернулся и пошел назад по коридору. Креспи открыл дверь своего нового жилья и швырнул "дипломат" через всю комнату.

Глава 4

Чёрч сидел за своим письменным столом - за пустым столом в пустой комнате, если не считать нескольких клавиш у монитора, соединяющего его с остальной станцией. Он периодически нажимал на эти клавиши - и устройство мгновенно реагировало на легкое прикосновение его ловких пальцев. Он словно ласкал их, как ласкают женщину...

Чёрч вздохнул, а затем сильно нажал длинным указательным пальцем на одну из клавиш. Пришло время встретиться с великим Креспи, который заставил так сильно поволноваться Тавеса.

Неслыханно. Подобное просто неслыханно.

- Да? - прозвучал робкий голос адмирала Тавеса. Бедняга Тавес! Такое отчаяние слышится в его голосе.

- Ладно, - сказал Чёрч. - Присылайте его ко мне.

- Хорошо. Сейчас. - Облегчение в голосе адмирала было очевидным, хотя он и пытался его всячески скрыть. - Я думаю, что все уладится, доктор. Я полностью поддерживаю ваше решение...

- Прекрасно, - перебил его Чёрч и отключил переговорное устройство, чтобы не слышать больше лепета адмирала, любившего польстить и прихвастнуть.

Доктора Чёрча особо не беспокоило появление Креспи на борту станции, но Тавеса полковник довел до полуистерического состояния. Адмирала следовало успокоить. Это окупится в дальнейшем. Тавесу требовалось жить в мире иллюзий - считать, что он обладает какой-то властью, хотя Чёрч уже давно держал его у себя под каблуком - о чем знали все, находившиеся на борту, и принимали это как факт,

точно так же, как и слепоту Тавеса, не понимавшего до сих пор, что его спользуют. Адмирал делал все, что от него требовалось - в плане руководства работой станции, - и оставлял Чёрча в покое. Доктора это полностью устраивало, и он не желал ничего менять. Однако если Креспи окажется таким, каким описал его Тавес, хотя бы наполовину оправдает ожидания Чёрча, то, не исключено, его можно будет привлечь к проводимым исследованиям...

"Хоть какое-то разнообразие в рутине", - подумал доктор Чёрч.

А если на борту станции наконец оказался ученый его уровня? Когда подобное случалось в последний раз? Сколько дней, недель, месяцев тому назад? Чёрч уже потерял им счет. Наверное, во всей изученной к настоящему времени Вселенной есть лишь с десяток людей, способных понять то, чем он занимается, способных вникнуть в суть. Работа ученого-исследователя напоминает жизнь отшельника, потому что шанс встретить других специалистов, увлеченных тем же самым, практически равен нулю - это все равно что искать курицу с зубами.

Чёрч уже привык к одиночеству, и оно его не беспокоило. Большинство людей казались ему скучными и неинтересными. Однако в последнее время ему вдруг захотелось найти соратника, того, кто хотя бы смог с ним спорить. Конечно, о равном партнере не приходилось даже мечтать...

Ход его мыслей нарушил действующий на нервы звонок, что свидетельствовало о том, что приглашенный прибыл. "Этот проклятый звонок следует отключить, - подумал Чёрч, - по крайней мере сделать звук более приятным". Доктор снова вздохнул, встал и направился встречать посетителя. Чёрч распахнул дверь. На дороге стоял высокий темноволосый мужчина лет сорока с небольшим, с суровыми чертами лица, в военной форме. Посмотрев на него, можно было предположить, что он рассержен, а складка между бровями свидетельствовала о том, что смеется он довольно редко.

"Разговор обещает быть весьма интересным", - подумал доктор.

- Полковник Креспи? Я - Пол Чёрч. Заходите.

Чёрч отступил в сторону и жестом пригласил Креспи войти.

- Спасибо, - поблагодарил Креспи грубоватым голосом.

"Вежлив, хотя и ведет себя несколько натянуто, - отметил про себя Чёрч. - Очевидно, Тавес перестарался".

Чёрч развернулся и кивнул на неудобный стул, приваренный к полу перед письменным столом.

- Садитесь, пожалуйста, - предложил Чёрч.

- Спасибо.

"Прекрасные манеры. Его мать, несомненно, гордилась сыном. Однако пришло время выяснить, что он собой представляет".

- Как прошел полет? - поинтересовался Чёрч после того, как Креспи опустился на стул напротив него.

На губах Креспи появилась легкая улыбка:

- Без каких-либо происшествий, как может быть только в анабиозе.

- А что вы думаете о предстоящих месяцах? Они окажутся приятными - или наоборот?

Креспи не стал отвечать, а внимательно посмотрел на Чёрча.

"По крайней мере этот думает перед тем, как отвечать, - в отличие от адмирала Тавеса", - пронеслось в голове у доктора.

Чёрч ждал. Казалось, что Креспи весь ушел в себя в поисках наиболее подходящего ответа на такой бесцеремонный и дерзкий вопрос. Чёрч еще раз подумал о том, как ему не хватает общения с умными людьми. После того как не стало Дэвида, на борту "Безымянной" было и поговорить не с кем. Лентя и бездельники.

К сожалению, времени было слишком мало, чтобы играть в игры с вновь прибывшим и делать какие-то косвенные намеки, хотя это и могло оказаться весьма интересным. Требовалось быстро разобраться с тем, что представляет из себя этот полковник.

- На станции установлен определенный порядок, Креспи, - заявил доктор Чёрч. - В настоящий момент мы занимаемся рутинной работой. Не было необходимости посылать вас в качестве замены Ленноксу. Фактически, я даже приложил кое-какие усилия, чтобы этому воспрепятствовать. - Чёрч мило улыбнулся осторожничавшему Креспи и продолжал объяснения: - Если бы Леннокс не умер тогда, его перевели бы на другое место службы. Ему здесь было нечего делать. Как и вам.

Чёрч откинулся на жесткую спинку стула, сплел пальцы на затылке и продолжал говорить дружелюбным тоном, одновременно показывая, что ему все надоело:

- Объем моих исследований значительно сокращен. Откровенно говоря, мне самому сейчас не хватает работы. Я занимаюсь космическими вирусами. Довольно скучная вещь.

Чёрч смотрел прямо на Креспи, размышляя, в какую сторону тот прыгнет. Какая будет реакция? Чёрч предположил, что последует раздражение, гнев, хотя не исключено, что вновь прибывший попытается применить дипломатический подход к делу, начнет его уговаривать и увещевать...

Креспи встал, опустил руки на письменный стол на ширину своих плеч и со злым лицом наклонился вперед.

- Насколько мне известно, - заявил он, - один из ваших "вирусов" явился причиной того, что мозг полковника Леннокса вылетел у него из затылка.

Так, злость, но поднесено прекрасно: хладнокровно и спокойно, вместо ожидаемой бравады.

Очевидно, Креспи считает, что его слово где-то имеет вес, например, какое-то влиятельное лицо подставляет ухо, когда он говорит, или...

Чёрч усмехнулся:

- О нет, Креспи. Вы представили случившееся каким-то кошмаром. Вирусы - это маленькие, вполне безобидные существа.

Креспи наклонился еще ниже:

- Чёрч, я не терплю, когда мне пытаются навешать лапшу на уши или обвести вокруг пальца.

Если вы откажетесь говорить мне правду, вам придется объясняться проверочной комиссии.

"Так-так. Мы показываем свою власть".

- Партнеры ведут нечестную игру, а вы бежите жаловаться папе, - улыбнулся Чёрч, показывая тем самым, что не обиделся. - Откровенно говоря, Креспи, меня разочаровывает отсутствие у вас изобретательности и находчивости.

Креспи продолжал хмуриться. "А также полное отсутствие чувства юмора", - добавил про себя Чёрч. Чёрч прекратил улыбаться и тоже встал. Он устал от этой игры.

- Вы не у себя дома, Креспи. Ваши начальники послали вас на "Безымянную". Это примерно то же самое, что делали первобытные люди, когда бросали собаку в пруд, чтобы ловить свои отражения.

Ответа не последовало. Разозленный Креспи продолжал молча смотреть на Чёрча. "В общем-то, ведет себя мужественно", - признал Чёрч и решил, что пока придется действовать в обход Креспи. Это, конечно, осложняющее обстоятельство, но единственный способ вернуться к исследованиям. Не исключено, что Креспи продолжит работу Дэвида, пока Чёрч размышляет над тем, что с -ним делать.

- Ладно, пойдете, - обратился Чёрч к Креспи. - Я покажу вам, чем мы занимаемся.

Они направились к двери. Креспи начал понемногу расслабляться. Мужчины вышли в тускло освещенный коридор. Чёрч кивнул в направлении лаборатории "G". Он обратил внимание на то, как высоко Креспи держит голову, как расправляет плечи, и в каждом его движении чувствуется власть.

Интересный тип.

Пол Чёрч определенно оказался не таким, как предполагал Креспи. Они шли по пустому коридору. Чёрч едва доставал до плеча Креспи. Внешне Чёрч походил на эксцентричного гения: редкие, длинные, грязные седые волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб, очки давно следовало протереть, из-под белого халата, в которых обычно работают в лабораториях, торчала куртка от спортивного костюма.

Креспи насторожился не внешним видом, а весьма странное отношение Чёрча - довольно бесцеремонное, практически безразличное. Однако у Креспи сложилось впечатление, что Чёрч с ним играет, по крайней мере думает, что играет.

Но Креспи получил приказ от командования, а если для его выполнения потребуется терпеть покровительственное отношение таинственного Чёрча - ну что ж, значит, он будет с этим мириться. Креспи пришлось целых двадцать минут париться у себя в каюте перед тем, как Тавес связался с ним и сообщил, что Чёрч его примет. Это означало, что Чёрч дал согласие с ним встретиться. Если нужно играть в игры - ну что ж, Креспи будет играть в игры. Важны результаты, а не средства их достижения.

Они подошли к двери в лабораторию, перед которой стояли два вооруженных до зубов охранника. Они словно собирались выйти на поле брани. Креспи доводилось надевать на себя нечто подобное, когда он служил рядовым десантником, только на этих двоих был усовершенствованный вариант того,

что в свое время носил Креспи: кислотостойкое обмундирование, вплоть до головного убора, автоматы с длинными стволами...

Креспи не хотелось вспоминать о тех днях, когда ему приходилось ими пользоваться.

Чёрч улыбнулся двум охранникам.

- О'Хара, Лолесс, - обратился он к ним, - это полковник Креспи. Он будет работать вместе со мной в лаборатории "G".

Мужчины отдали честь. Креспи кивнул в ответ. "Что они здесь охраняют?" - подумал он.

- Естественно, меня необходимо как можно скорее ввести в базу данных биосканера, - заметил Креспи.

- А? - словно проснулся Чёрч и одним костлявым пальцем набрал код допуска на прикрепленном к двери пульте. - Нам некуда торопиться. Посмотрим, как пойдут дела.

Креспи сжал зубы, чтобы сдержаться и не закричать на всю станцию. Ему так надоело, что все уходит от ответов на вопросы, которые он задает. Тяжелая дверь открылась, и Чёрч вошел в небольшой коридор, очевидно ведущий непосредственно в лабораторию. Креспи подождал, пока дверь за ними не встала на место, и только после этого обратился к Чёрчу:

- Хочу вам напомнить, что вы не являетесь моим начальником. А все эти устанавливаемые передо мной преграды пойдут вам совсем не на пользу.

"Но я сорву ваши планы, - добавил Креспи про себя, - даже если мне для этого потребуется пинать вас сапогом под зад или довести до сердечного приступа".

Чёрч открыл вторую дверь и мило улыбнулся через плечо.

- А на Земле еще выпускают хороший шоколад? - поинтересовался он. - Я слышал, что его производство прекращено.

Боже, кого ему потребуется убить, чтобы получить прямой ответ хотя бы на один вопрос? Куда он попал? "Безымянная" никоим образом не напоминала военную станцию, потому что на них действуют вполне определенные правила и инструкции.

Креспи нахмурился, но последовал за Чёрчем. Его ботинки издавали слабый скрип, соприкасаясь с синтетическим материалом пола. Мужчины остановились на небольшой приподнятой платформе в огромном помещении. Она нависала в двух метрах над полом. На нижнем уровне в разных местах трудились четыре или пять техников. Двое из них сидели перед пультом управления компьютера, занимавшего целую стену огромного помещения. Пахло каким-то дезинфицирующим средством.

- У вас железные нервы, Чёрч... - начал Креспи.

- Спасибо за комплимент, - ответил пожилой ученый и направился к ограждению, перегнулся через перила и посмотрел вниз в какое-то углубление.

Креспи обалдело оглядывался вокруг себя. Что здесь происходит? Вооруженная охрана. Секретные коды доступа. Какое изучение вирусов? Это больше напоминает зону военных действий.

- И как долго, по вашему мнению, все это будет сходить вам с рук? - обратился Креспи к Чёрчу, показывая жестом на все вокруг.

Чёрч оглянулся на него с виноватым выражением лица.

- Вам когда-нибудь доводилось давать показания против друга? - спросил он. - Я не в состоянии заставить себя пойти на это.

- Что вы пытаетесь...

Чёрч дружелюбно улыбнулся, а потом показал пальцем вниз, на то, что находилось за ограждением.

- Взгляните сами, - предложил он.

Креспи прошел вперед и увидел то, что было там... Его сердце начало часто биться в груди, все тело покрыл холодный пот.

- Ш-ш-ш, не разбудите его, - прошептал Чёрч, но слова не зарегистрировались в мозгу у Креспи.

Под ними, скрючившись в одном углу загона, лежал взрослый гигантский чужой. Казалось, что его блестящая, отвратительного вида темная шкура поглощает тусклый свет, которым освещалось помещение. Когда Креспи склонился вперед, чудовище подняло свою вытянутую черную голову и посмотрело на людей, стоявших на обзорной площадке. Его хвост обвился вокруг твердого металлического туловища.

Если Чёрч и сказал что-то еще, Креспи его не слышал, потому что не мог отвести взгляд от гигантского чужого и внезапно мысленно перенесся на миллионы миль от "Безымянной"...

Сержант Креспи зевнул, причем сделал это украдкой, так, чтобы его открытый рот не заметил капитан Уилл-кокс и никто другой из их экипажа. Прошлой ночью Креспи почти не спал, а покачивание бронетранспортера клонило ко сну, несмотря на то что они двигались по твердому грунту.

Креспи был вторым лицом в экипаже после Уиллкокса, по крайней мере если считать тех, кто сейчас сидел в бронемашине, но это не давало ему права едва волочить ноги после бессонной ночи, в особенности на глазах у капитана, который, казалось, мог вообще обходиться без сна и всегда был готов выполнять любые задания.

Креспи с нетерпением ждал начала хоть каких-то действий. Вчера после долгой беседы и нескольких стаканчиков, выпитых в компании Кейли Траск, они отправились к ней - и продолжили там обсуждение ряда вопросов, за чем последовало несколько весьма приятных часов без каких-либо разговоров вообще. Креспи посмотрел на окружавших его сержантов и с трудом сдержал еще один зевнок. Капрал Траск поймала на себе его взгляд и улыбнулась перед тем, как скромно отвернуться. Ее волосы были затянуты в узел под шлемом. Она совсем не казалась усталой, что просто поражало Креспи. Может, даже - совсем чуть-чуть - разочарованной?

"Боже, неужели я был так плох?" - в ужасе подумал Креспи.

Креспи никогда не уделял много времени любовным утехам: работа всегда была у него на первом плане. Молодость прошла не в поисках все новых и новых сексуальных партнерш и не в погоне за юбками, потому что в результате проблем всегда оказывалось больше, чем полученного удовольствия, однако ему совсем не хотелось думать, что его способности в этом плане... неадекватны. Они должны быть по меньшей мере приемлемыми.

Да, Траск - это что-то. Сообразительная, веселая, симпатичная. Делает себе карьеру. В основном занимается биотехникой. Возможно, что после завершения этой маленькой операции он узнает, на какую станцию она должна отправиться...

Машина остановилась в многоуровневой пещере. Креспи моргнул и сел прямо. В экипаже их было одиннадцать человек, не считая Уиллкокса и двух его бойцов. Капитану, очевидно, уже доводилось вступать в схватку с гигантскими чужими, хотя остальные члены экипажа ни разу не встречали живого чудовища, разве что только на видео. Креспи их тоже никогда не видел. Сегодня сержантов и капралов специально привезли сюда, чтобы они поглядели на живых гигантских чужих своими глазами и получили какой-то практический опыт. Большинство членов команды занимались биоанализом - тем или иным его аспектом, и руководство решило, что им будет полезно съездить сюда, в эту пещеру, чтобы осмотреть все на месте.

Ходили слухи, что те, кто станет специализироваться на изучении гигантских чужих, быстро пойдут вверх по служебной лестнице, хотя открытым текстом руководство ничего не обещало. Считалось, что эти существа представляют собой новую угрозу человечеству, в самое ближайшее время она превратится в наиболее серьезную опасность... Всегда находилось что-то, о чем говорили именно таким образом.

Креспи решил, что эти гигантские чужие не могут быть настолько страшны, раз их экипаж послали сюда только для того, чтобы на них взглянуть. Креспи провел рукой по груди. Он чувствовал себя несколько неуютно, потому что привык к более многочисленным средствам защиты. Как сказал Уиллкокс, им не потребуются никаких специальных защитных костюмов или дополнительного вооружения - нужны лишь элементарные меры предосторожности, потому что они прибыли сюда с единственной целью: посмотреть. Уиллкокс, конечно, много говорил о том, что за ужасные существа эти чужие, но не сомневался, что они не представляют никакой угрозы экипажу бронетранспортера. Креспи вообще было непонятно, зачем они теряют несколько месяцев работы, чтобы слетать на какой-то безымянный астероид и стать свидетелями того, как кто-то прикончит парочку больших жуков. Капитан встал и обвел глазами сидевших в машине.

- Итак, - обратился он к ним, - в приказе говорится, что вы - резерв и должны будете в случае необходимости прикрывать основное звено.

Уиллкокс откашлялся и самодовольно улыбнулся. Эта улыбка выглядела несколько странно на его худом, изрезанном морщинами лице.

- Но на самом деле вы будете просто сидеть в машине, расслабляться и наблюдать за тем, как Рупп и Холлистер ликвидируют всех чудовищ, живущих в этой пещере.

Уиллкокс кивнул двум солдатам, стоявшим навтыжку за его спиной. Вот они-то как раз походили на чудовищ - были облачены в специальные костюмы, изготовленные, как казалось, из серебряных пластин. Их лица смутно просматривались сквозь толстое темное оргстекло. Каждый из них имел при

себе по два новейших изобретения военной техники - огнеметы, выбрасывающие частицы плазмы. Солдаты держали по огнемету в каждой руке. Пока орудия оставались в специальных футлярах, но все равно выглядели зловеще. Они напоминали установки для запуска ракет - только из них вылетал поток заряженных частиц. Креспи был свидетелем проводившихся экспериментов - видел, как это оружие тестировалось. Если кто-то или что-то окажется на пути - он или оно мгновенно превратится в суп-пюре.

Задняя часть бронетранспортера открылась, чтобы выпустить двух солдат. Внутри проник влажный пещерный воздух с отвратительным запахом. "Боже, какая вонь", - пронеслось в голове у Креспи. Воздух казался спертым и теплым. Создавалось впечатление, что в пещере что-то гниет, причем уже давно начало разлагаться.

Фары машины бросили лучи метров на десять вперед. Члены экипажа увидели голые стены пещеры. Они показались им слишком гладкими, скользкими и блестящими. Наверное, вода попадает сюда с одного из верхних уровней - только так можно объяснить влажность, но запах... Ни с чем подобным Креспи не доводилось сталкиваться ни разу в жизни.

Уилкоккс повернулся к солдатам в тяжелом обмундировании:

- Вы должны здесь все очистить, парни. Я хочу, чтобы это место было стерилизовано.

- Есть, - ответил один из них. Его голос казался приглушенным и походил на какой-то треск, доносимый из-за оргстекла.

Солдаты вышли из бронетранспортера через заднюю дверь и исчезли во мраке пещеры.

Креспи склонился вперед, чтобы лучше видеть происходящее. Рупп и Холлистер осторожно двигались вперед, с тяжелым хрустом опуская ботинки на пол пещеры. Звук их шагов отдавался от стен.

Каждому их движению вторило эхо. До сидевших в машине доносилось даже дыхание солдат: замкнутое пространство усиливало все звуки.

Они отошли от машины метров на пять или шесть, когда один из них, видимо Холлистер, тихо сказал:

- Смотри: вон там!

Послышался какой-то странный звук, чем-то напоминающий царапанье когтем о камень, за ним последовало тихое гортанное шипение.

В пещере было три чужих - огромных черных существа. Они сгруппировались, а потом прыгнули в круг света от фар машины. Их вытянутые скользкие головы и стучащие зубами челюсти, из которых на пол капала кислота, выглядели омерзительно.

Тьму пещеры пронзили два ярких луча: это Холлистер нажал на спусковые крючки своих огнеметов. Заряженные частицы с завыванием полетели вперед. Рупп тоже выстрелил - и третий и четвертый лучи пронзили тьму. Их темные туловища отшвырнуло назад, а развороченные тела попадали на пол. Из них с шипением начала выливаться кислота.

Кислота сожгла скалу, находившуюся за спинами чудовищ. Появился какой-то резкий едкий запах.

- Боже праведный! - прошептал кто-то за спиной Креспи.

- Я сказал бы, что тварям пришел конец, - заметил Уилкоккс.

- Черт побери, - пробормотал кто-то еще.

Креспи не мог отвести взгляд от дымящихся скал и существ с оторванными конечностями, лежащих перед ними. Он как будто застыл на месте, словно кровь у него в жилах внезапно заменили жидким азотом. Другие члены команды за его спиной что-то бормотали или смеялись, восхищенные кто в большей, кто в меньшей степени, однако сам Креспи чувствовал что-то сродни ужасу. В пещере лежали поверженные чудовища. Но их-то, ученых, зачем сюда послали? - недоумевал он.

Большинство из членов экипажа ни разу не участвовали в военных действиях, лишь только много лет назад получили какие-то навыки ведения операций в тренировочном лагере. Но это было так давно - еще до окончания учебных заведений. Здесь же требовались специально обученные войска. Но они-то, сидящие сейчас в бронетранспортере, никоим образом не подходили на эту роль. Ни один из них. Не думая, Креспи инстинктивно протянул руку к своему автомату. Его холодная ладонь так и оставалась лежать на стволе.

Креспи, потрясенный и ошеломленный, на секунду оторвал взгляд от поверженных чудовищ и увидел, как капитан Уилкоккс смотрит на мертвых чужих со странной улыбкой на тонких губах.

- Вот и все. Развлечение закончилось, - заявил Уилкоккс, глаза которого горели от возбуждения.

"Черт побери, - выругался про себя Креспи. - Не может быть, что все так просто. Ведь операциям по уничтожению чужих обычно присваивают код "красный" - повышенной опасности. Эти чудовища смертоносны..."

Холлистер и Рупп исчезли из поля зрения экипажа, скрывшись за одной из стенок машины. Внезапно шипение расплавляющейся лавы стало громче.

"Да это же не только лава, - в ужасе подумал Креспи. - К нам приближается кто-то еще. Другие чудовища".

- Новые гости пожаловали, - слышались уверенные и возбужденные голоса двух солдат.

- Прикончите их, пока не успели разбежаться, - приказал Уилкоккс.

Последовали вспышки из огнеметов, удары заряженных частиц в цель, а потом - раздалась нечеловеческие крики, полные ярости, такие громкие, что, казалось, в пещере находятся дюжины, может, даже сотни чудовищ.

Снова зашипела кислота, заливающая скалы, дым с невероятной скоростью начал заползать в машину.

Уилкоккс прыгнул вперед, чтобы нажать на рычаг, опускающий заднюю дверцу, однако до того, как она успела встать на место, Креспи заметил, как поток ядовитой кислоты заливает каменный пол пещеры и приближается к их машине.

Креспи резко повернулся и обвел взглядом своих друзей. У Кейди в глазах стоял ужас, внезапно страх появился и на лицах остальных. Снаружи слышались звуки выстрелов - снова и снова. Дым сгустился.

- Холлистер! - заорал в панике Рупп.

- Я ничего не вижу! Я ничего не вижу! Внезапно бронетранспортер начал клониться на один бок.

Несколько членов экипажа закричали в панике:

- Дым проникает внутрь! Пары попали в машину! Слишком высокая концентрация. Нечем дышать!

Колеса расплавляются!

"Слишком много кислоты", - подумал Креспи, соскочил со своего места и бросился в переднюю часть бронетранспортера. Снаружи доносились дикие крики чудовищ. Их было так много, что звуки огнеметов тонули в их воплях.

- Креспи! Открывай запасной выход! - приказал Уилкоккс.

- Есть!

Крышка люка открылась наружу, и в лицо Креспи сверху хлынула новая струя дыма. Креспи приготовил свой автомат и выполз во тьму. Его глаза начали слезиться, голова закружилась.

- Вы должны сражаться! - кричал за его спиной Уилкоккс. - Вы должны сражаться! Прикончите их всех, ребята!

Креспи осмотрелся, пытаясь в тумане разглядеть, где же находятся Холлистер и Рупп. Ему пришлось развернуться на сорок пять градусов, прежде чем он заметил одного из солдат. Над ним склонилось чудовище, которое может только присниться в страшном сне: оживший ночной кошмар, высотой три с половиной метра, состоящий из черного металла и нержавеющей стали, с длинным закрученным хвостом, как хлыст, рассекающим воздух позади себя и шлепающим по лужам едкой и все разъедающей жидкости, достигающей до лодыжек.

Вокруг валялось множество тел поверженных чудовищ, оторванные конечности, части конечностей, разбитые черепа. Но из тьмы, из дыма к машине приближались другие чудовища, живые и жаждущие уничтожить пришельцев.

Кругом слышались выстрелы: это члены экипажа выбрались на крышу бронетранспортера и стреляли по чужим. Креспи выбрал для себя монстра, взобравшегося на упавшего солдата, и несколько раз нажал на спусковой крючок.

Пары слепили Креспи, разъедали горло и ноздри. Холлистер уже не целился, а вслепую стрелял в приближающихся существ, которые разбрызгивали все больше и больше кислоты по пещере. Креспи слышал крики своих товарищей, когда кровь чудовищ попадала на не защищенную специальными костюмами кожу.

Один из чужих, появившихся словно ниоткуда, бросился к Холлистеру, обхватил его сзади огромными лапищами и разорвал ему горло металлическими челюстями. Брызнула алая кровь.

- Они схватили Холлистера!

- Они схватят нас всех, если вы не будете сражаться, черт побери! - кричал Уилкоккс, голос которого был практически не слышен в шуме. - Сражайтесь! Сражайтесь! Идиоты! Кретины!

Появились новые чужие и по лужам кислотной крови бросились к машине. Их едкая кровь попадала на человеческую кожу и вызывала страшные ожоги.

У Креспи кружилась голова. Он вырвал пустой магазин из своего автомата и вставил новый. Один из тех, кто стоял на крыше бронетранспортера, рухнул вниз. Звуки выстрелов тонули в воплях гигантских чужих и криках ужаса людей. Капрал Чан оказался вторым, кто упал в кислоту, воскликнув:

- Мама, помоги мне!

Креспи выстрелил еще раз и увидел Тома Олсена, согнувшегося пополам и закрывающего руками рану в животе. Кровь просачивалась сквозь его ладони. Олсен, шатаясь, прошел мимо Креспи и упал без сознания. Его окровавленные ребра начали шипеть и плавиться. Рядовой Олсен, друг Креспи, был мертв.

Чужие тоже несли потери, падали и умирали, но сквозь тьму и дым Креспи видел, что им на подмогу прибывают все новые и новые, перелезают через упавшие черные тела и продвигаются к машине, на которой приехали люди.

- Милостивый Будда, - начал молиться кто-то из товарищей Креспи. - Нет!!!

Креспи развернулся, и очереди, выпущенные из его автомата, разнесли в куски одно из чудовищ, пытавшееся забраться на крышу бронетранспортера. Креспи увидел, как расплавляется то ли мужское, то ли женское лицо - было уже не разобрать - и превращается в идущую пузырями красную массу. Только что стрелявший капрал Акели внезапно упал, а из его живота высунулся длинный коготь: чудовище запустило лапищу в его тело. В пещеру приехали четырнадцать человек, а сейчас их осталось не больше четырех, может, пяти...

Крики чудовищ казались громче, чем звуки выстрелов.

Вставляя новый магазин в автомат, Креспи завопил нечеловеческим голосом, не обращая ни к кому конкретно:

- Это безнадежно! Мы не выберемся отсюда живыми!

- Стреляй! Только не останавливайся! - послышался у него из-за спины голос Уилкокса.

Креспи не видел его, только слышал. Его глаза разъедало, он практически ослеп.

- Тони, ты жив?

Уловив свое имя, Креспи на мгновение прекратил стрелять, развернулся и увидел ее - Кейди Траск, скорчившуюся и смотрящую на него снизу вверх. Она выглядела спокойной. Ее рыжие волосы разметались по плечам, шлем куда-то скатился, лицо побелело и казалось нереальным в окружавшем ее дыму.

У нее оторвало правую руку, остаток плеча шипел, из него выливалась красная пена. Кровь текла также и из ее рта: она прокусила нижнюю губу от боли.

Кейди смотрела на Креспи какую-то долю секунды, показавшуюся им обоим вечностью, а потом длинная, изгибающаяся лапа обвила ее и потащила в лужу кислоты.

- Нет! - закричал Креспи, когда чудовище начало исчезать в тумане, и выпустил еще одну очередь - в надежде, что его пули долетят до Кейди раньше, чем дотянутся металлические зубы. Внезапно послышался страшный треск. Креспи на мгновение потерял способность мыслить. Машина покачнулась, наклонилась вперед - и в результате еще один человек встретил свою смерть в луже кислоты.

- Что происходит? - заорал Креспи.

Уилкокс выпустил очередь в чужого.

- Пласт смещается, - ответил он. - Это...

Остальные его слова потерялись в оглушительном треске. "Это же целый лабиринт", - только и успел подумать Креспи.

- Хватайся за что-нибудь, за машину например, постарайся удержаться наверху! - кричал Уилкокс.

Креспи упал, но в последний момент успел просунуть руку в одну из металлических подпорок, второй все еще удерживая автомат. Все вокруг начало кружиться, снова послышался ужасающий треск - и машина, внезапно ставшая такой маленькой, полетела в бездну.

Глава 6.

Креспи внутренне собрался, готовясь к удару, плотно закрыл глаза и изо всей силы держался за толстую металлическую подпорку. Бронетранспортер летел сквозь тьму на протяжении нескольких непомерно долгих секунд. Вокруг слышались крики чудовищ, также падающих вниз вслед за ним. Бамм! - они наконец достигли дна бездны.

В результате падения Креспи вывихнул плечо и ударился головой о металлическую панель, после чего все вокруг еще больше затуманилось. Надо было действовать немедленно - и он резко дернул свою руку вперед и вверх, сжав зубы от боли, - в результате сустав встал на место.

Сверху падали какие-то камни и обломки железа, с грохотом ударяясь о каменный пол пещеры. Из разбитого бронетранспортера раздавался треск статического электричества. Воздух здесь был чище, и из какой-то щели слева от Креспи просачивался слабый свет.

Рядом с ним что-то шевелилось и пыталось встать. Это оказался чужой, наполовину заваленный камнями.

Креспи соскользнул с покосившейся крыши разбитой машины и прицелился. Нажал на спусковой крючок. Извивающееся туловище чудовища пару раз дернулось - и перестало двигаться.

За спиной у Креспи раздался подозрительный скрежет, показавшийся ему необычайно тихим после только что выпущенной автоматной очереди. Креспи резко развернулся, снова прицелился - и увидел, как из-за корпуса бронетранспортера выползает сержант Карл Гиббс.

Он кашлял, шатался, но не выпускал из рук автомат, потом выпрямился и, покачиваясь, направился к Креспи. Страх исказил мужественные черты его лица. Такое выражение совсем не подходило ему. Широкие плечи были опущены, он весь напрягся. Всего несколько дней назад Гиббс рассказывал Креспи о том, что любит в свободное время заняться кузнечным делом, старым дедовским способом... Креспи потряс головой, стараясь прогнать неуместные в этот момент мысли. Ему требовалось немедленно сконцентрироваться на происходящем вокруг.

"Этого не может быть! - кричал внутренний голос. - Такое не могло с нами случиться! Это не должно было произойти!"

Какое-то мгновение и Креспи, и Гиббс созерцали окружавший их ужас - оторванные шипящие куски тел чужих, практически неопознаваемые останки своих товарищей. Креспи смог узнать тело Уилкокса - только по форме, потому что на месте головы лежал обломок скалы. Креспи был не в состоянии вынести вида того, что осталось от Кейди, или Тома, или кого-то еще из экипажа.

Где-то в темноте за их спинами снова послышался враждебный звук. Больше всего на свете в этот момент ему хотелось, чтобы этот звук ему только почудился. Креспи посчитал, сколько патронов осталось в магазине. Только на три очереди.

Послышалось шипение. Коготь скользнул по камню.

- Черт побери! - выругался Гиббс, бросился к трупам Уилкокса и вырвал автомат из безвольной руки капитана.

Креспи в отчаянии огляделся вокруг себя, но увидел лишь камни и смерть.

Из бесполезного теперь бронетранспортера снова послышался треск статического электричества.

"Машина 103, прием... Что... там у вас..."

Креспи кинулся к разбитой двери и прокричал в бормочущую рацию:

- SOS! Они наступают! Вытащите нас отсюда! SOS!

- Креспи! - прозвучал у него за спиной голос Гиббса.

Креспи попытался найти в машине хоть какое-то оружие, но ничего под рукой не оказалось. Времени что-либо искать не было. Он побежал назад и увидел, как Гиббс стреляет в первого чужого. За ним последовал второй - и тоже упал, получив автоматную очередь. Затем третий...

Креспи целился очень внимательно и не почувствовал никакого облегчения, когда три последние очереди врезались в кричащее чудовище, потому что показались другие твари. Правда, они были еще далеко, им требовалось несколько секунд, чтобы до него добраться. Может, это последние мгновения его жизни?

Когда эхо выстрелов начало затихать, среди приближающихся шагов новых чужих снова послышалось бормотание рации из разбитого бронетранспортера:

"...нельзя угрожать безопасности... кто находится за пределами... прием".

"Черт побери! - заорал про себя Креспи. - Нам никто не придет на помощь. Мы обречены".

- Креспи! У нас осталась одна граната.

Креспи повернулся и увидел, как Гиббс бросает гранату, взрывающуюся через шесть секунд после того, как из нее вынимают чеку. Она полетела в направлении той стены пещеры, сквозь щель в которой просачивался какой-то свет. Креспи откинул в сторону бесполезный автомат, бросился к груде камней за бронетранспортером и пригнулся. Его примеру последовал Гиббс.

За их спинами кто-то завопил. Гиббс повернулся и выстрелил в чудовище, бежавшее по направлению к ним.

В этот момент взорвалась граната. Раздался оглушительный грохот, заполнивший всю пещеру. Вокруг падали камни и поднималась вверх пыль. Бронетранспортер покачнулся, но остался стоять на месте. Креспи почувствовал, как из одного уха и из носа у него потекли струйки крови. Он практически не осознавал, что вокруг наступила тишина. Гиббс пытался поднять его, тянул за руку.

Пошатываясь, они стали пробираться сквозь еще не осевшую пыль и обломки скалы, потом Гиббс полез куда-то вверх и потянул за собой Креспи.

- Ну, давай же, - услышал Креспи слабый шепот, хотя на самом деле Гиббс, наверное, кричал. "О Господи, дневной свет", - пронеслось в голове у Креспи. Внезапно в его затуманенном мозгу появилась робкая надежда. Они проползли сквозь дыру, образовавшуюся в результате взрыва гранаты, вылезли из пещеры и оказались на голом склоне, одном из нескольких, находящихся вокруг. Креспи оглянулся и заметил, что к ним приближаются черные тени.

Гиббс подталкивал его в спину и поддерживал. Наконец они оба покатались вниз по склону, удаляясь от ужасной пещеры, где жили чудовища. Креспи почувствовал, что сломал ребро, потом еще одно, он несколько раз крикнул от боли, но он радовался тому, что теперь они, по крайней мере, находятся на свету, а не в логовище чужих.

Креспи больше не катился вниз. Он неподвижно лежал на одном месте. Он увидел, что Гиббс находится поблизости. Сержант кричал:

- Вставай, мы успеем до него добраться!

Креспи поднял голову и посмотрел в том направлении, куда показывал Гиббс, и увидел космический корабль. Он подумал, что это их спасение: корабль унесет их далеко-далеко от этого кошмара...

Мужчины понимали, что им нужно самим добираться до корабля, потому что он не полетит за ними. До него оставалось несколько сотен метров. Они должны идти.

Креспи поднялся на ноги и оглянулся назад. Из проема в скале одно за другим вылезали черные блестящие существа, казавшиеся не менее ужасными при дневном свете. Они приближались к Креспи и Гиббсу. Мужчины знали, что должны бежать что есть мочи, чтобы спастись.

Гиббс несколько раз оглянулся на чужих и, хромая, поковылял к транспортному кораблю. Креспи сделал несколько шагов и упал, снова встал и двигался к заветной цели, несмотря на страшную боль в ребрах, в плече, во всем теле. Но желание жить гнало его вперед. Позади был ад.

Креспи не оглядывался, его взгляд был прикован к кораблю впереди. Гиббс бежал значительно быстрее, несмотря на то что здорово хромал. Оба отдавали себе отчет, что все равно они продвигаются очень медленно, слишком медленно. Корабль пока оставался на месте, но готовился к взлету: вокруг него вверх вздымались столбы пыли, потому что какие-то механизмы, уже были включены.

В ушах у Креспи звенело, он не слышал приближения чудовищ, но внезапно почувствовал, подсознательно понял, что что-то находится прямо за ним - что-то передвигающееся значительно быстрее, чем он сам.

Один его бок пронзила острая боль: это темная лапа схватила его за сломанные ребра. Его развернули. Креспи в ужасе заорал, увидя чудовище, державшее его. Креспи не слышал своего голоса, потому что уши заложило.

Его схватила гигантских размеров самка, на спине которой вздымался огромный черный блестящий гребень. У нее было две пары передних лап с длинными острыми когтями. По груди Креспи текла кровь. Затуманенным взором он увидел то, что находилось за ее спиной: вход в еще одну адскую пещеру - ее логово.

Эта самка определенно была королевой чужих, она оказалась гораздо выше и больше своих подданных. Она шипела на него и открывала свою ужасную пасть, но почему-то из нее не вылетало ни одного звука - или Креспи просто не слышал издаваемых ею воплей.

Самка поднесла Креспи поближе к себе. Он увидел, как на ее стальных зубах блестит белая слюна. Ужасные челюсти открылись ("Неужели пасть может быть такой широкой?" - пронеслось в голове у Креспи), а затем вперед начал выдвигаться второй ряд зубов. Креспи с ужасом наблюдал, как эти зубы все ближе и ближе продвигаются к нему.

Он отчаянно сопротивлялся, кричал, бил своими покрытыми пылью ботинками по ее голове, но она оказалась слишком сильна и все приближала и приближала его к своим огромным зубам, с которых капала слюна. Креспи понял, что сейчас умрет.

"Как жаль..." - только и успел подумать он.

Внезапно самка дернулась, закричала. Креспи услышал, как в ее тело попадают пули, и увидел, как из ее спины в пыль хлещет кровь. Ее огромные лапищи сжали его еще сильнее, сдавливая все кости, которые, казалось, сейчас сломаются...

Но она не успела превратить его в месиво: лапы разжались, и королева швырнула его на землю, повернулась, завопила в ярости, а потом упала. Ей тоже было больно, она извивалась в пыли, а потом стала отползать от Креспи назад в свое логовище, в знакомую ей тьму. Удивительно, но только

несколько капель ее едкой крови попали на Креспи, причем не на обнаженную плоть, а на броню, защищающую его грудь.

Его подхватили человеческие руки, быстро сняли шипящую броню и отбросили в сторону. Это были руки Гиббса.

- С тобой все в порядке? - спросил друг.

Гиббс снова поднял Креспи на ноги. Из горла у Креспи вырвалось сдавленное рыдание. Он понял, что все-таки остался в живых. У него болела каждая клеточка тела, но он был жив.

- Нет... - пробормотал он в ответ.

Гиббс положил руку Креспи себе на шею и похромал вместе с ним к космическому кораблю. Гиббс сам с трудом передвигал ноги и стонал при каждом шаге, но подбадривал Креспи и постоянно повторял:

- Мы должны выйти на открытую местность, чтобы они увидели нас и открыли люк. Мы успеем. Держись.

Казалось, что камни и пыль у них под ногами никогда не кончатся. Креспи слышал, что звук работающих воздушных компрессоров корабля становится громче. Но усиливался не только звук компрессоров, но и крики преследующих их чудовищ. Гиббс продолжал говорить, не всегда можно было разобрать произносимые им слова, но Креспи знал, что друг старается его поддержать. Креспи понял, что находится в шоковом состоянии, потому что, несмотря на жару - они находились в пустыне, - он дрожал от холода.

Только внезапно прозвучавший смех Гиббса заставил его поднять глаза. Прямо перед ними, не более чем в пяти метрах, открылся люк транспортного корабля. Гиббс отпустил друга на долю секунды, подтянулся на руках и оказался на платформе, затем помог Креспи.

Гиббс был крупным мужчиной, и ему не составило труда поднять более легкого Креспи. Он помог ему перебраться через перила, достигающие до талии, и залезть внутрь корабля. Креспи все еще дрожал, но ему удалось изобразить улыбку в ответ на широко растянутые губы Гиббса. Креспи протянул руку Гиббсу, чтобы, в свою очередь, помочь ему подняться в корабль.

Корабль пошел вверх, несмотря на то что люк был пока еще не закрыт. Платформа, на которой стоял Гиббс, слегка задрожала. Задрожал весь корабль. Вверх взмыло облако пыли.

Боже, они спасены! Они добрались до безопасного места. Они живы. Креспи начал хохотать. Гиббс улыбался, забираясь в люк.

Внезапно его губы изменили форму, глаза вылезли из орбит. Гиббс закричал. Его толстые пальцы в конвульсиях хватались за поручень, кожа на них лопалась.

- Нет!!! - одновременно заорали и он, и Креспи.

Черная металлическая лапа, скользкая и окрашенная человеческой кровью, с омерзительными когтями на конце, вылезла из открытого рта Гиббса. Его череп раскололся на две части. На Креспи брызнула струя крови с мозгами и кусками плоти. В последние секунды жизни Гиббс протянул вперед одну уже практически безвольную руку - все еще работал инстинкт самосохранения, - а потом упал назад.

Челюсти чудовища щелкали, откусывая человеческую плоть.

Чужой, убивший Гиббса, потерялся среди других черных тварей, оставшихся внизу. Они шипели и свистели, поднимая свои отвратительные головы вверх, глядя на удаляющийся корабль.

Креспи рухнул на колени. Горячий ветер обдувал его тело. Креспи упал на бок. У него болело все; тело, казалось, представляло собой одну единую рану. И в конце концов он отключился.

Глава 7

Чёрч наблюдал за тем, как лицо Креспи бледнело. Создавалось такое впечатление, что перед его глазами в этот момент проходили события давно минувших дней, какой-то кошмар, который ему довелось пережить.

"Очень интересно", - подумал Чёрч. Не исключено, что Креспи окажется родственной душой. Может, им довелось испытать что-то похожее. А может, какой-нибудь маленький трутень когда-то в прошлом выпрыгнул на Креспи из-за скалы во время выполнения им какого-то задания, а в результате полковник намочил штаны. Какой удар по самолюбию.

Чёрч повернулся к лежащему в загоне чужому. Уголки рта доктора тронула улыбка. Жизнь идет по кругу. Ты имеешь право считать себя счастливым, если тебе удастся преодолеть один полный круг и перейти во второй, потому что только тогда ты сможешь с иронией относиться ко всему происходящему.

Чёрч моргнул - и в ту долю секунды, на которую закрылись его глаза, он вспомнил то, что происходило много лет назад. Нет, он не мог воспроизвести у себя в мозгу ничего конкретного, типа звуков или запахов, он помнил ощущения - как он тогда ненавидел тех чужеродных существ и как все внутри него кричало, когда он осознал, что душа отделяется от тела.

Чёрч моргнул еще раз - и все исчезло. Под ними тихо шипело во сне чудовище. Оно погрузилось в свои темные грезы. И в этот момент Чёрч по-настоящему улыбнулся, потому что почувствовал что-то, напоминающее привязанность или даже любовь к этому существу. У него был еще один повод улыбаться: он сам, Пол Чёрч, был свободен, не сидел в вольере, клетке, вообще в каком-либо месте заточения.

Креспи определенно вошел в транс, вспоминая что-то из своего предыдущего опыта, так что Чёрчу пришлось вежливо откашляться, и только после этого он обратился к полковнику:

- Вы считаете, что не сможете полюбить этого бойкого малыша?

Глаза Креспи немного прояснились, но лицо все еще оставалось мертвенно-бледным.

- А если... что случится, если... он выпрыгнет? - заикаясь, пробормотал Креспи.

Чёрч покачал головой:

- Не беспокойтесь. Как вы понимаете, сюда подведены электроды. К тому же глубина ямы, в которой он сидит, - семь метров. Никаких точек опоры. Стенки обшиты сплавом, нейтрализующим кислоту.

Чёрчу показалось, что он так и не смог убедить Креспи. Полковник продолжал неотрывно смотреть на чужого. Чёрч показал пальцем на дюжину электродов, вмонтированных в нижнюю часть стен загона.

- Видите их? - обратился он к Креспи. - Они активизируются при малейшем движении. Если тварь попытается выпрыгнуть, то сгорит заживо.

Мужчины какое-то время молча неотрывно смотрели на спящее чудовище, но оно даже не пошевелилось.

Чёрч повернулся и направился к металлическим ступенькам. Он уже сделал шаг вниз, когда понял, что Креспи не пошел за ним следом.

- Полковник Креспи! - позвал Чёрч.

Креспи потряс головой, словно приходя в себя, потом отошел от ограждения на обзорной площадке.

Чёрч первым пошел вниз и остановился у пульта управления перед огромным экраном. Чёрч нажал на несколько клавиш. На экране появилась схема лаборатории.

- Вот взгляните. Это даст вам представление об объеме проводимых нами исследований.

Креспи внимательно изучил план. Он нахмурился в задумчивости и заметил:

- Похоже, что вы задействовали половину невозобновляемых ресурсов "Безымянной".

Чёрч улыбнулся и ответил:

- Я сказал бы, пять восьмых.

Когда Креспи отвел глаза от экрана, он все еще хмурился, однако лицо приняло обычный цвет.

- Почему вы так стараетесь помочь мне прекратить вашу работу? - спросил он.

Чёрч склонился вперед, нажал еще несколько клавиш, а затем, когда на экране поменялось изображение, кивнул в сторону экрана.

- Задайте мне этот вопрос немного позднее, Креспи. А теперь взгляните на экран.

На экране крупным планом появился спящий чужой. Скрытая камера показывала чудовище целиком, передавая мельчайшие оттенки цвета. Чёрч снова улыбнулся. Он признался сам себе, что страшно любит забавляться так, как он позабавится сейчас...

Чёрч нажал на маленькую желтую кнопку - и чужой тут же проснулся, вскочил и взвыл...

Когда этот леденящий душу вопль пронзил тишину лаборатории, у Креспи бешено забилося сердце. Он не мог отвести глаз от огромного экрана, на котором чудовище в ярости металось то в одну, то в другую сторону, вытягивало лапы, готовое разрушить все и вся. Его длинный хвост, как хлыст, рассекал воздух, бил по стенам с металлическим звуком, из челюстей капал ихор. Чужой искал своего мучителя, бросаясь то туда, то сюда. Чёрч подверг его электрическому шоку, причем дал довольно сильное напряжение.

- Зачем вы это сделали? - спросил Креспи, не в состоянии скрыть дрожь в голосе.

Чёрч внимательно посмотрел на полковника и прекратил улыбаться.

- Чужих периодически необходимо подвергать электрическому шоку, если они находятся в заточении, - объяснил Чёрч. - В противном случае они становятся

пассивными или вообще впадают в спячку. У меня на борту находятся еще четыре взрослых особи. Я держу их в специальных вольерах, где поддерживается довольно низкая температура. Когда их изолируют от себе подобных, они долго не живут, а я стараюсь получить от них все, что только возможно.

Креспи повернулся назад к экрану и принялся изучать разозленное чудовище. "Наверное, подобные исследования представляют для кого-то интерес", - подумал Креспи, однако он сам не хотел заниматься изучением чудовищ, убивших его друзей, его женщину и чуть не убивших его самого. Несколько месяцев, даже лет, после схватки в той пещере он был не в состоянии даже говорить о том, что произошло, а при любом упоминании о чужих он вздрагивал и бледнел. Но, может, все-таки стоит заняться ими...

- Откровенно говоря, я и сам бы не прочь поджарить эту особь, - признался Креспи. - По старой памяти. Мне один раз довелось попасть в их гнездо.

- Правда? - холодно посмотрел на него Чёрч, по которому невозможно было понять, что он думает в этот момент.

Креспи снова уставился на существо в загоне. Теперь оно тихо шипело и медленно поворачивало свою омерзительную голову из стороны в сторону.

- Да. Много лет назад... В скалах недалеко от луны Солано. Они атаковали наш дивизион. Убили всех, кроме меня. Конечно, нас предупреждали, что они опасны, но мы не знали... - Креспи замолчал, подыскивая нужные слова, но ему это не удалось, и он просто сказал: - Мы даже не могли предположить, какие они на самом деле.

Казалось, что Креспи не в состоянии отвести взгляд от чудовища. Все, что произошло в тот ужасный день на астероиде, всплыло из прошлого, а он столько лет пытался забыть пережитый кошмар.

- Я помню совсем немного, - медленно говорил он. - Какие-то обрывки. Черная кожа, омерзительный запах, лязгающие зубы. Гиббса...

Креспи посмотрел на Чёрча и понял, что бормочет что-то несвязное, а если он подробно расскажет о своих впечатлениях, то, скорее всего, совсем не удивит доктора, потому что тот, наверное, уже имеет соответствующий опыт.

- В общем, все погибли, - закончил Креспи. Глаза Чёрча все еще ничего не выражали.

- Боже мой, как это было ужасно для вас, - только и сказал он.

Креспи кивнул и постарался вернуться к действительности. То столкновение с чудовищами произошло много лет назад. Креспи отогнал от себя воспоминания и заново сфокусировался на Чёрче.

- По-моему, я когда-то читал, что вам тоже удалось выжить после столкновения с ними? - спросил Креспи.

Он на самом деле читал об этом в личном деле Чёрча перед тем, как улететь с Земли. Правда, там не давалось никаких деталей, просто констатировался факт и стояла дата - более сорока лет назад.

- Сэр, система готова, - послышался голос позади них.

Креспи резко дернулся и обернулся. К ним подошел молодой сотрудник в чистом сером комбинезоне. Чёрч улыбнулся:

- Прекрасно, Хаукс.

Чёрч посмотрел на молодого человека, потом кивнул на Креспи.

- Это полковник Креспи, - сообщил он. - Прибыл, чтобы раскрыть наши... незаконные операции. Хаукс отдал честь. На его лице изобразилась неуверенность.

- Добрый день, сэр... Незаконные операции? Простите, но я вас не понимаю.

Чёрч направился к другому экрану и ответил через плечо:

- Не забивай себе этим голову, Хаукс. Он тоже не понимает. Подойдите, пожалуйста, сюда, полковник.

Креспи ответил на приветствие Хаукса и последовал за Чёрчем. Он прибыл на "Безымянную" не для того, чтобы обмениваться рассказами об ужасах. Шок от увиденного живого чужого быстро проходил. Пришло время получить несколько прямых ответов на вопросы.

"Ты в самом деле хочешь их получить? - спросил внутренний голос. - Или просто мечтаешь навсегда забыть о том, что тебе довелось испытать?"

Креспи велел своему внутреннему голосу заткнуться.

Они оказались у экрана больших размеров. На этот раз камера была направлена под другим углом.

Креспи нахмурился, заметив, что находившаяся в загоне дверца открылась в какой-то коридор, скорее

всего лабиринт из нескольких проходов на нижнем уровне, которые Креспи только что изучал на показанном Чёрчем плане лаборатории.

Чёрч говорил медленно, таким тоном, словно объяснял что-то непонятливому ребенку:

- Эта дверь ведет в лабиринт. Когда существо окажется там, ему будет предоставлено несколько возможных вариантов выбора. Давайте проверим, удастся ли вам предугадать его поведение.

Креспи нахмурился, уже открыл рот, чтобы что-то ответить, но решил промолчать. Изображение на экране изменилось: теперь работала камера, установленная за спиной чужого. Чудовище осторожно выходило в коридор. В проходе стоял маленький столик, прикрепленный болтами к стене. На нем лежала свинья - настоящая свинья! - то ли напичканная наркотиками, то ли спящая. А рядом со столом стоял живой человек!

- Там человек! - закричал Креспи. Он не мог скрыть беспокойства.

Мужчина в лабиринте был одет в защитный костюм и вооружен.

"Боже, чем занимается Чёрч?" - пронеслось в голове у Креспи.

- Да, - кивнул доктор, спокойно поглядывая на Креспи сквозь очки. - У чужих нет глаз, их нельзя обмануть голограммами. Но не стоит беспокоиться, по тому что я предпринял все меры предосторожности. Если существо решится атаковать, то автоматические датчики мгновенно активируют электроды... Чужой, ко которого вы видите, Креспи, очень голоден. Может быть, вам известно, что эти существа обожают свинину. Как вы думаете, что он сделает?

Чёрч говорил уверенно и спокойно. Он определенно не испытывал никакого волнения. Он же не мог пойти на то, чтобы убивать десантников?! Эксперимент должен быть абсолютно безопасен. Креспи ломал голову над тем, что предложили солдату за то, чтобы он согласился войти в лабиринт.

Креспи сглотнул слюну и попытался найти ответ на поставленный Чёрчем вопрос.

- Насколько я знаю, чудовище не станет отступать, - заявил Креспи, - но...

Полковник задумался. "Чужой голоден. Голоден".

- Я думаю, что он нападет на свинью, съест ее, а потом атакует человека.

Чудовище продвигалось все ближе и ближе к двум возможным вариантам выбора и тихо шипело.

- Вы ошиблись, Креспи, - шепотом ответил Чёрч, словно чудовище могло его услышать. - Ошиблись. Ошиблись.

Чужой издал дикий вопль и бросился на человека в защитном костюме, вытянув вперед свои лапищи.

Креспи успел заметить ужас в глазах бедняги. Десантник поднял автомат.

Последовала вспышка. Чужой вновь закричал - теперь от страха и боли. Он скорчился на полу в полубессознательном состоянии. От его черного туловища поднимались пар и дым.

Вооруженный десантник в лабиринте был мертвенно-бледен, но абсолютно не пострадал. Он попятился к двери, расположенной в нескольких метрах позади него, и быстро скрылся из виду.

Чёрч продолжал говорить таким спокойным тоном, словно не произошло ничего особенного:

- Как вы видели, Креспи, существо практически не колебалось. Оно лучше умрет с голоду, чем упустит возможность атаковать врага.

Креспи сглотнул и силой воли заставил сердце биться в груди не так часто.

Чёрч кивнул на изображенного на экране лежащего без движения чужого.

- Я считаю, - заявил Чёрч, - что они не воспринимают себя как отдельную личность. Они борются за свой вид, не за себя как за индивидуума. Их невозможно испугать, застрашать или подкупить, чтобы они отказались от нападения. Они рассматривают угрозу одному как угрозу всем. Они не могут допустить, чтобы эта угроза оставалась. Это противоречит их инстинктам.

Поэтому они немедленно атакуют. Ничто не уменьшает их агрессивности - ни боль, ни усталость, ни то, что имеющиеся шансы складываются далеко не в их пользу.

Чёрч кивнул на экран. Чужой медленно поднялся на ноги и шипел на невидимого врага. Доктор улыбнулся:

- Как вы видите, Креспи, он снова встал и готов к борьбе. И сейчас ему придется сделать еще один выбор.

Чудовище приблизилось к свинье. Включилась камера над его головой. Собравшимся у экрана представился вид сверху. Креспи заметил, что свинья за одну ногу прикована цепью к столу. Услышав шум борьбы, она проснулась и издавала спросонья какие-то непонятные звуки.

Слева от свиньи в полу темнел небольшой лаз. Чужой остановился между свиньей и отверстием. Его хвост слегка ударял по полу у него за спиной.

Экспериментатор немного увеличил изображение, нажав на какую-то кнопку.

- Сейчас твари предоставляется выбор между едой и возможностью побега. Небольшой туннель ведет в складское помещение. Чужой чувствует, что в туннеле нет людей. Он понимает, что если бежать - то нужно бросаться именно туда.

Креспи приподнял брови.

"Тварь голодна. Но если выбор стоит между едой и шансом убежать..."

Свинья засопела. В этот момент чужой повернулся к проему в полу. Креспи почувствовал, как его мышцы расслабились. До этой минуты он не осознавал, насколько напряжен.

Внезапно чудовище развернулось, издало дикий вопль и сорвало свинью с цепи. Визг испуганного животного наполнил всю лабораторию. Огромные черные лапищи разрывали ее шкуру, разбрызгивая по стенам струи крови.

Чудовище склонило голову, вперед выдвинулась вторая челюсть, и беспомощная свинья начала исчезать в пасти гигантской твари. Животное превратилось в куски заливаемой кровью плоти. Эта кровь капала на лапы чудовища, которое орало, наслаждаясь победой.

На этот раз никакие электроды не включались. Креспи отвернулся от экрана: он был не в состоянии смотреть, как тварь набивает утробу. Но он заметил, как внимательно наблюдает за происходящим Чёрч.

Доктор улыбался.

Глава 8.

В конце концов МакГиннесс откинулась на спинку кресла, стоявшего в ее по-спартански оборудованной каюте, и приказала себе расслабиться. Она провела больше часа, подключившись через компьютер к основной системе станции, но то, к чему имелся доступ, не представляло для нее интереса. Ей требовалось совсем другое. Хотя, если быть полностью откровенной с самой собой, она не представляла точно, что именно ей требовалось. Наверное, какие-то фамилии и цифры, доступ к которым возможен только при наличии секретного кода. Скорее всего, нужна пластиковая карта с кодами. Но где ее взять? Не исключено, что, если у нее будет свободное время, она найдет пароль, если, конечно, будет знать, в каком месте искать. Или что именно искать. Может, это совсем и не пластиковая карта, а что-то еще.

МакГиннесс вздохнула и уставилась на пустой экран персонального компьютера очень старой модели. Она училась работать на более новых моделях. А это было сколько там лет назад?

Целых пятнадцать? Черт побери. Если бы тогда кто-то сказал ей, где она окажется через пятнадцать лет, она смеялась бы до слез. Или, не исключено, расплакалась бы. Специалист-системщик третьего класса, дававшая на экзаменах сто пятьдесят правильных ответов за час, создававшая программы для судебной медицины... И через пятнадцать лет она все еще в десантных войсках, сидит на плохо оборудованной научной станции в отдаленном уголке Вселенной и пытается раскопать какие-то секреты.

МакГиннесс задумчиво закусил губу. Она не шпионка. Ей не следовало сюда приезжать, тем более заново вербоваться. Срок ее службы истек полгода назад. Она могла бы навсегда расстаться с армией.

"Только если я не докопаюсь до сути того, что здесь произошло, кто сделает это вместо меня?!"

Вот именно. Никто не сделает. И она могла бы спокойно жить дальше, а не пытаться найти правду.

Что, черт побери, происходит на этой проклятой станции? Если бы она не приехала сюда, то жалела бы об упущенной возможности всю оставшуюся жизнь. Она считала бы, что предала свои воспоминания и свою любовь.

Женщина потрясла головой, не желая думать о том, зачем она попросила назначения именно на "Безымянную". Она прибыла сюда, чтобы выяснить, что же скрывает доктор Чёрч. Следует отбросить эмоции в сторону. Не исключено, что Чёрч или Тавес допустят какой-то просчет, может, положат не туда документ или что-то, доставленное сюда контрабандным путем. Она все время должна быть наготове, в напряжении, не расслабляться. Она должна внимательно следить за происходящим и, конечно, использовать свои знания, полученные при изучении судебной медицины. Что-то обязательно подвернется.

Но пока придется ждать. Терпение никогда не числилось среди ее добродетелей, но ей требовались какие-то доказательства для того, чтобы отправиться к Креспи. А пока не произошло чего-то экстраординарного, она не в состоянии решить, с чего начать.

МакГиннесс снова вздохнула и встала. До совещания оставался еще целый час. Скоро она узнает о своих обязанностях и сможет приступить к работе. Может, стоит заскочить в комнату отдыха и задать кое-кому несколько вопросов...

Внезапно компьютер запищал, и на экране появилось несколько строк. МакГиннесс склонилась вперед и нахмурилась.

"Всем сотрудникам немедленно занять свои рабочие места. Нарушен режим секретности в вольере К-4. Категория 07".

Она почувствовала, как что-то внутри у нее сжалось. Она пока не уполномочена ни на какие действия, однако если она просто подойдет к одному из пультов управления станции...

МакГиннесс схватила свою временную карту, удостоверяющую личность и обеспечивающую доступ в ряд помещений, и направилась к двери. Наверное, надеяться не на что, так скоро по крайней мере, но не исключено, что именно сейчас она найдет ключ к разгадке тайны, произойдет какое-то событие, в результате чего ее мятущаяся душа обретет покой, а Пол Чёрч потерпит сокрушительное поражение.

Чёрч позволил чужому заглотить половину убитой им свиньи, а затем с неохотой еще раз пустил электрический ток, чтобы успокоить чудовище. Чёрч любил наблюдать за тем, как они едят, за проявлениями неподдельного наслаждения и откровенного удовольствия, которое они получают, одержав победу.

Два вооруженных до зубов техника заползли в проход и убрали то, что осталось от свиньи, ни на секунду не сводя глаз с растянувшегося на полу чудовища.

- Нельзя допускать, чтобы он много ел в ослабленном состоянии, а то может умереть, - объяснил Чёрч.

Креспи казался заинтересованным, но вид у него все равно был упрямый, он плотно сжал зубы и выглядел как капризный маленький мальчик, намеренный ни в коем случае не сдаваться.

"Это скоро изменится, - подумал Чёрч, наблюдая за полковником. - Он станет совсем другим".

- Вы обратили внимание, Креспи, что он не просто убил свинью, а как бы полностью погрузился в нее. Испуганная жертва привлекает чужих. Они разрывают несчастное существо на мелкие части, а не приканчивают одним ударом. Я не считаю это игрой, но чужие определенно наслаждаются, убивая.

Креспи сглотнул, потом кивнул. Он чувствовал себя несколько неуютно, что расстраивало Чёрча, потому что такое эмоциональное состояние влияло на мыслительный процесс ученого. Сам Чёрч давно успешно справился с подобной проблемой - несколько десятилетий назад. Иногда с эмоциями бывает сложно совладать, но истинный ученый всегда сможет от них абстрагироваться, чтобы докопаться до великой правды. По крайней мере Креспи в состоянии вникнуть в суть происходящего, а это уже кое-что... Для начала.

В лабиринт вошли два техника. Они ждали, пока чудовище не пошевелится. У одного в руках был автомат, второй оказался не вооружен.

Чужой тихо шипел, потом с трудом начал подниматься на ноги, медленно поворачивая свою длинную голову из стороны в сторону.

Чёрч попытался снова включить Креспи в игру:

- Попробуйте отгадать, кого он атакует на этот раз?

Креспи колебался несколько секунд, потом откашлялся и высказал предположение:

- Вооруженного?

Креспи не успел произнести это слово, как чужой уже бросился на человека с автоматом. Он действовал быстро и молча. На лице мужчины появился панический страх. Сидящим у экрана это выражение могло показаться даже комичным. Как и обычно, сработали датчики, существо ударили электрическим током, и оно черной грудой рухнуло на пол.

Чёрч казался довольным.

- Отлично, доктор! - похвалил он Креспи. - Чужой всегда нападает на того, кто, как он чувствует, представляет угрозу. Я провел сотни подобных экспериментов с дюжинами таких существ и еще ни разу не наблюдал отклонения от этого правила.

Креспи раздраженно посмотрел на него:

- Сотни экспериментов? С дюжинами существ? То, что вы сейчас говорите, подобно признанию, Чёрч.

Чёрч вздохнул про себя и ничего не выражающим взглядом посмотрел на Креспи. Неужели этот полковник не понимает, свидетелем чего он является? Только за допуск к участию в подобных исследованиях масса людей готова убить кого угодно, а он изображает стойкого оловянного

солдатика, в точности выполняющего приказы группы начальников-параноиков. Ограниченность Креспи выглядела патетично и довольно сильно раздражала. Ну почему он ставит себя в такие рамки? Креспи несколько секунд выдерживал его взгляд, потом нахмурился и отвернулся:

- Ладно, давайте на некоторое время оставим эту тему. Вы наблюдали несколько довольно простых типов поведения. Но в чем смысл повторных экспериментов?

"Ну наконец-то", - подумал Чёрч.

- Это не повторные эксперименты, - принялся за объяснения Чёрч. - Я постоянно меняю лабиринт и устанавливаю все новые и новые датчики. Я собираю данные для общего обзора. Я скажу новое слово в биоанализе.

Чёрч перевел взгляд на экран. Коппер и Вагнер зашли в коридор, в котором лежал чужой. Чудовище только-только начинало двигаться.

- Теперь вы увидите кое-что весьма интересное, Креспи, - продолжал Чёрч мягким голосом. - Ни один из людей, находящихся в лабиринте, не вооружен, однако тому, что идет сзади, был введен специальный препарат, который усиливает чувство неуязвимости, укрепляет волю и ускоряет мыслительный процесс.

И на самом деле Коппер выглядел так, словно был готов сожрать упавшее чудовище. Человек шел, высоко поднимая голову, расправив плечи и даже слегка оскалившись, словно только и ждал, чтобы чужой пошевелился.

- Как вы видите, Креспи, второй мужчина не принимал никаких препаратов и не выпил ни капли алкоголя. И он напуган до смерти. Смотрите внимательно.

Чужой снова начал медленно подниматься с пола и двигаться по направлению к двум мужчинам.

Чудовище приостановилось на какую-то долю секунды - и прыгнуло на Вагнера, который истошно закричал и поднял вверх одну руку, словно пытаясь остановить его атаку.

На этот раз ни один датчик не сработал.

Креспи смотрел, как чужой прыгает... "Черт побери!!!"

Ну где этот проклятый электрический ток? Чудовище уже почти дотянулось до трезвого и перепуганного до смерти Вагнера и было готово разорвать его на части.

Шаг вперед сделал Коппер, находившийся под воздействием наркотического вещества, и уставился на приближающееся чудовище так, словно намеревался прикончить его своим взглядом. Визжащая тварь протянула вперед одну лапищу, растопырив когти, но больше ничего не сделала. Остановилась. Замерла.

И только в этот момент наконец сработал датчик. Сбитый электрическим разрядом, чужой свалился на пол.

Чёрч был крайне возбужден. Казалось, что он готов прыгать до потолка.

- Вы видели? Вы видели? - повторял он.

Креспи отвел взгляд от экрана, где в этот момент Вагнера и Коппера выводили из лабиринта два других техника. Вагнер, которого чужой чуть не убил, дрожал, как лист на ветру.

- Я не могу точно определить, что именно я видел, - ответил Креспи. - Существо уже начало атаку, а потом... словно изменило свое решение.

- Не совсем так. Вначале оно бросилось на испуганного человека. Чудовище заставила остановиться сила воли второго десантника, находящегося под воздействием наркотического вещества.

Чёрч принялся ходить по лаборатории, заложив руки за спину.

- Чужие общаются друг с другом с помощью телепатии. Они чувствуют страх у животных. Моя рабочая гипотеза заключается в том, что они в состоянии физически "видеть", что находится в мозгу человека, но не могут понять людей.

Креспи пожал плечами:

- Не исключено, конечно, что все так и есть, но...

- Что "но"? Вы только что стали свидетелем того, как чужой заколебался во время атаки. Вам доводилось когда-либо раньше слышать о подобном? Человек под воздействием определенного наркотического вещества силой воли приказал чудовищу остановиться, и оно остановилось!

Чёрч прекратил курсировать по лаборатории и встал прямо напротив Креспи. Полковник внезапно заметил то, что упустил раньше: в глазах пожилого доктора горел огонь, свидетельствующий о глубоком уме и вдохновении. Такой огонь бывает только у гениев. Или у сумасшедших.

- Полковник Креспи, эксперимент, свидетелем которого вы стали, а также другие, ранее проводившиеся мною, говорят о том, что человек силой своей воли может влиять на действия осл абленного чужого, правда, он должен находиться в экзальтированном состоянии.

Чёрч замолчал. Наверное, он хотел, чтобы Креспи хорошо усвоил только что сказанное. Неожиданно полковник начал воспринимать происходящее гораздо менее объективно, чем ему хотелось бы.

"Неужели подобное возможно?" - подумал он.

- Если то, что вы утверждаете, правда, - начал Креспи, но не закончил фразу: он заколебался. - Значение...

Чёрч улыбнулся.

- Если это правда, то я это докажу, - заявил он. - Эти исследования начались совсем недавно... Только подумайте, Креспи: чужие одним нажатием кнопки превращаются в послушных щенков, логова становятся зоопарками.

Внезапно улыбка сошла с лица Чёрча, и он опять посмотрел на Креспи ничего не выражающим взглядом.

- Но насколько неясно и запутанно для традиционного исследования, не правда ли? Рискованно, беспорядочно, неубедительно, может, даже аморально. Есть глубокий потенциал для неправильного использования.

Чёрч с невинным видом отвел взгляд и добавил:

- И даже исследователи высшего ранга, совмещающие научную работу с разведдеятельностью, прибывают, чтобы выяснить все, что только удастся разузнать.

- Вы это о чем? - спросил нахмурившийся Креспи.

Чёрч проигнорировал вопрос и сам обратился к полковнику:

- Я думаю, что нам, наверное, прямо сейчас стоит ввести вас в базу данных биосканера.

Креспи молчал. Его уже постарались каким-то образом использовать, правда, он еще не смог толком разобраться, каким именно. Однако ему предлагают стать одним из участников исследования. Ему было тяжело даже просто наблюдать этих чудовищ, а каково будет оказаться вовлеченным в эти эксперименты? Он сможет здесь работать?

Внезапно в памяти всплыло мертвенно-бледное, красивое лицо Кейди Траск, такое, каким оно было в последнее мгновение перед тем, как навсегда исчезнуть во тьме, перед тем, как ее изувечили и убили чудовища в той пещере. Креспи вспомнил запах расплавляемых скал, застилающий глаза дым, несколько недель, которые потребовались ему для поправки здоровья, долгие беседы с психиатром, ночные кошмары, ненависть к самому себе, для преодоления которой потребовались годы, и, наконец, осознание того, что он был не в состоянии сделать больше, чем сделал...

Так он сможет участвовать в этих исследованиях?

А он может себе позволить не участвовать?

Это по-настоящему большая и важная работа. Она должна изменить всю его жизнь. Чёрч, конечно, странный тип, но его исследования необычны, они возбуждают, и, самое главное, они потенциально смертельны для чужих. Адмиралу Пикману следует послать рапорт с описанием исследования телепатических способностей чудовищ. Это в общем-то нельзя назвать ложью. Просто не вся правда. Но какая опасность! Будет ли Чёрч с ним полностью откровенен, привлечет ли он его ко всему, чем занимается?

Креспи решил получить ответ на один интересующий его вопрос, после чего он примет решение: соглашаться или нет.

- Сколько человек погибло во время проводимых вами исследований?

Чёрч улыбнулся. Его глаза продолжали светиться этим странным внутренним светом.

- Все зависит от того, кого вы об этом спросите.

"Он что, издевается надо мной?"

- Я спрашиваю вас.

Чёрч, не колеблясь, встретился с ним взглядом:

- Ни одного.

Креспи несколько секунд изучал его лицо, глубокие морщины вокруг все замечающих глаз. Потом медленно кивнул.

- Я с радостью буду работать вместе с вами, доктор, - заявил Креспи.

Чёрч широко улыбнулся и кивнул в ответ.

- Отлично,- сказал он.

К ним быстрым шагом подошла молодая женщина. Ее каблучки громко стучали по отполированному полу. На ее лице выражалось беспокойство, брови были нахмурены.

- Простите, доктор Чёрч, - обратилась она к пожилому доктору неуверенным дрожащим голосом, - был ли куда-то переведен объект из вольера К-4?

- Переведен? - переспросил Чёрч.- Нет.

Женщина, по форме которой становилось ясно, что она работает патологоанатомом, с беспокойством закусила губу.

- Тогда что-то не так, сэр, - сообщила она, глубоко вдохнула воздух и сглотнула. - Дверца в вольер К-4 открыта, а чужого там нет.

Глава 9.

Не моргнув глазом, Чёрч уточнил:

- Вы уверены?

Женщина кивнула:

- Да, сэр. Мы искали...

Чёрч не дослушал ее ответ, а широкими шагами отошел от монитора, по которому они вместе с Креспи наблюдали за экспериментами в лабиринте. По пути Чёрч отдавал приказы. Креспи последовал за ним. Он находился в замешательстве... Но ведь подобное просто не могло случиться, ведь всюду же встроены системы, делающие побег невозможным, мониторы, датчики... Если только кто-то специально не выпустил чудовище из его вольера.

От этой мысли все внутри у Креспи похолодело.

- ...внимание. Уильяме, займитесь системами слежения. Бриггс, поставьте в известность адмирала Тавеса и...- Чёрч внезапно замолчал, быстро оглядываясь.-

Вебстер, проверьте весь личный состав.

Со всех сторон слышалось "есть". Чёрч взбежал по ступенькам на обзорную площадку, а затем спустился к охраняемому входу. Креспи догнал его, когда пожилой доктор отдавал приказы охране.

- Плотно закройте двери. Вызовите подкрепление. Необходимо взять под контроль все выходы из лаборатории.

- Есть!

Чёрч почти бежал, Креспи трусцой следовал за ним. Они миновали множество поворотов и изгибов, пока наконец не оказались в диспетчерской. Креспи не мог подавить в себе чувство страха, ожидая за каждым поворотом увидеть чужого - длинного, черного и жаждущего крови...

Креспи потряс головой, чтобы избавиться от этой мысли, и увеличил скорость, чтобы не отстать от Чёрча. Ему казалось, что все случившееся в этот день нереально. В это невозможно поверить. Все произошло слишком быстро. Вначале на него нахлынули воспоминания о том, что он пережил много лет назад в той пещере, потом он наблюдал за настоящим чужим, а затем осознал то, что он, Креспи, хочет работать здесь и заниматься всем этим...

- Нет, конечно, не этим - не гоняться за смертоносными чудовищами по коридорам станции. Он не желает никогда больше участвовать в охоте на них, никогда, нигде... Исследования - это, конечно, другое дело.

Чёрч что-то говорил, пытаясь объяснить:

- ...невозможно, но мы готовы ко всему, даже к невозможному. К каждому чужому прикреплен датчик, так что это лишь вопрос времени...

Чёрч замолчал, потому что они еще раз завернули за угол и вошли в какое-то помещение. Стены были уставлены небольшими экранами, за которыми внимательно следило несколько сотрудников с озабоченными лицами.

Креспи заметил Шэрон МакГиннесс, стоящую за спиной одного из сидящих мужчин. Она так крепко держалась за спинку его стула, что у нее даже побелели костяшки пальцев. МакГиннесс резко дернулась, когда в комнате появились Креспи и Чёрч.

- Доложить обстановку! - приказал Чёрч.

Из переговорного устройства послышался голос:

- Доктор Чёрч, местонахождение всего личного состава известно, за исключением лейтенанта Мортенсона.

Чёрч подошел к одному из мониторов.

- Найдите Мортенсона хоть какой-то камерой, - велел ой. - Я сейчас попытаюсь выследить чужого.

Креспи провел рукой по волосам и с беспомощным видом огляделся. Сам он был не в состоянии ничего предпринять. Ему показалось, что МакГиннесс чувствует себя точно так же. Он на секунду встретился с ней взглядом и заметил в нем разочарование. Они смотрели в глаза друг другу лишь какую-то долю секунды, а потом снова повернулись к экранам.

- Доложить обстановку! - заполнил помещение громовой голос адмирала Тавеса, ворвавшегося в диспетчерскую с красным от возбуждения и гнева лицом.

Чёрч поднял руку, жестом прося Тавеса замолчать. Эффект был мгновенным, что еще раз подтвердило подозрения Креспи: здесь командует Чёрч, несмотря ни на какие воинские звания.

Чёрч показал на три красные точки на экране, разделенном на квадраты.

- Вот это чужие, остающиеся в своих вольерах, - объяснил он.

Потом Чёрч перевел взгляд на самый нижний монитор, который включился, пока доктор говорил.

- А, вот и Мортенсон. Что, черт побери, он делает?

Креспи посмотрел на монитор через плечо Чёрча.

Худощавый мужчина средних лет в рабочем комбинезоне склонился над кипой костюмов, подлежащих санобработке. Чёрч усилил звук. Креспи услышал, как Мортенсон что-то напевает себе под нос.

Чёрч перевел взгляд на верхний экран. Одно изображение быстро сменялось другим: попеременно включались разные камеры, установленные на станции.

- А вот и моя маленькая собачка. Оставить это изображение!

Чёрч показал пальцем на красную точку:

- Вот и нашли беглеца.

"В соседнем помещении с Мортенсоном!" - пронеслось в голове у Креспи.

К Чёрчу обратился сидевший слева от него лаборант:

- Мне связаться с Мортенсоном, сэр?

Чёрч покачал головой:

- Я все сделаю сам. Чужой находится в двадцати ярдах от него. Если Мортенсон запаникует, то исход окажется плачевным. Причем все закончится в две секунды. - Чёрч протянул руку вперед и нажал на одну из клавиш: - Мортенсон, говорит полковник доктор Чёрч.

Если бы наблюдавшие за экранами не знали всех обстоятельств происходящего, реакция Мортенсона показалась бы им смешной. Он резко дернулся и огляделся по сторонам, уронил на пол инструмент, который держал в руках. Он явно был напуган.

Наконец Мортенсон взял себя в руки, посмотрел на ближайшую к нему камеру и ответил:

- Да, сэр? Я слушаю вас, доктор Чёрч.

Чёрч заговорил спокойным твердым голосом:

- Прошу вас немедленно пройти в компрессорную в блоке SJ-12.

Мортенсон явно смутился.

- Прямо сейчас, сэр? - уточнил он.

- Да, незамедлительно. Вы должны быть там через шесть секунд.

За своей спиной Креспи услышал, как Тавес бормочет себе под нос:

- Что этот полудурок делает с костюмами?

Изображение на экранах начало меняться: попеременно включались другие камеры - по мере продвижения Мортенсона по слабо освещенному коридору. Он шел быстрым шагом. Мортенсон находился на одном из нижних уровней станции, занятом в основном складскими помещениями. Мортенсон спешил, но не выглядел испуганным.

Креспи чувствовал, как быстро бьется его сердце. Он ни на секунду не отводил взгляда от изображения мужчины на экранах. "Если бы Мортенсон только мог предположить..." - подумал Креспи, но в этот момент техник оказался в компрессорной и обратился к камере, висевшей на уровне его глаз прямо за дверью:

- Я в компрессорной, сэр. Что дальше?

В уголках рта Чёрча появилась улыбка.

- Прекрасно, Мортенсон. Теперь, пожалуйста, плотно закройте за собой дверь и запирайте ее.

Мортенсон на секунду отвел взгляд от камеры. В диспетчерской послышался звук поворачивающегося замка.

Креспи почувствовал, что всеобщее напряжение вокруг него начало спадать. Он сам выдохнул воздух, только в этот момент осознав до конца, что он все это время сдерживал дыхание.

- Да, сэр? - снова обратился к Чёрчу Мортенсон. - Что-нибудь еще?

Чёрч откинул голову назад.

- Да, - ответил он. - Скажите спасибо. Вы легко отделались.

Мортенсон нахмурился:

- Простите, сэр, но я вас не понимаю.

К экрану подошел Тавес и заорал:

- Говорит адмирал Тавес. Что, черт побери, вы делали с этими проклятыми костюмами? Они пойдут на санобработку.

Мортенсон, казалось, уменьшился в размере, отшатнулся от камеры и ответил с дрожью в голосе:

- Заменял фильтры, сэр.

- По чьему приказу?

- На станции такой порядок, сэр. На этот раз указание их заменить поступило на мой компьютер. Что-нибудь не так?

Креспи взглянул на пунцового от злости Тавеса, а потом снова перевел взгляд на экран. В кризисной ситуации адмирал потерял контроль над собой. Его трясло от гнева.

Внезапно Креспи резко дернулся и в ужасе уставился на экран.

По нему двигалась красная точка.

Ее увидели все находившиеся в диспетчерской.

Она внезапно появилась прямо за спиной ничего не подозревающего Мортенсона.

- Боже,- прошептал Креспи.

Сбежавший чужой висел вниз головой, наверное ухватившись за какую-то высоко расположенную трубу, до которой не доставала камера. На экране показалась его блестящая голова, затем ужасные зубы, вперед вытянулась изогнутая черная лапища...

Первым закричал Чёрч, к нему подключились остальные, сидевшие в диспетчерской:

- Мортенсон, уходите оттуда!

Техник пока ничего не подозревал. Худощавый мужчина с тонкими чертами лица развел руками, как бы извиняясь, и обратился к камере:

- Но, сэр, я только что...

Он не успел закончить фразу, не смог ее закончить: на его горле оказались острые когти, черная лапа обвила его шею и подняла Мортенсона с такой легкостью, с какой человек поднимает перышко.

Из горла у Мортенсона вырвался сдавленный крик, он не осознавал, что с ним происходит и кто тянет его к своим выдвигающимся челюстям.

Крик внезапно оборвался: это второй ряд зубов чудовища выдвинулся вперед и впился в черепную коробку бедняги. Изображение исчезло с экранов: объектив камеры залило кровью.

Все новые и новые струи крови заливали объектив, за красной завесой чувствовалось какое-то движение.

Работали челюсти, что-то пережевывая, иногда причмокивая. Собравшиеся в диспетчерской пришли в ужас.

Чёрч отключил звук, отвел взгляд от красного экрана и сказал тихим голосом:

- Хаукс и Стокдейл, одевайтесь в защитные комбинезоны и займитесь чужим.

- Что там делал Мортенсон? - злобным голосом заговорил Тавес, лицо которого стало мертвенно-бледным. - Про какой заведенный на станции порядок он говорил, черт побери?

Чёрч внимательно посмотрел на него и ответил:

- Сэр, то, что Мортенсон там делал, теперь уже имеет второстепенное значение.

Креспи тошнило. Тошнота подступала к горлу. Он с трудом сдерживался. Чёрч говорил спокойным голосом, в нем практически не чувствовалось напряжения. На экране можно было только смутно разобрать огромные зубы, большая часть объектива до сих пор была покрыта кровью.

Тавес повернулся к двери. Обычная бравада постепенно возвращалась к нему.

- Чёрч, я жду отчета о случившемся у себя на столе к восьми ноль-ноль завтра.

- Есть, - тихо ответил Чёрч совершенно равнодушно. Потом он снова повернулся к экрану и какое-то время наблюдал за неясными очертаниями за красной пеленой.

Наконец он вздохнул и обратился к одному из сотрудников, надевшему специальный защитный комбинезон:

- Блейк, вы и...

МакГиннесс сделала шаг вперед. Чёрч посмотрел на нее.

- Кто вы? - спросил доктор.

- Шэрон МакГиннесс, сэр. Я только сегодня прибыла на станцию.

Чёрч приподнял одну бровь, потом в его взгляде что-то изменилось, словно он узнал ее.

- МакГиннесс... - медленно произнес Чёрч.

То, что промелькнуло у него в глазах, почти сразу же исчезло.

- Блейк, вы и МакГиннесс проверите, что чужой снова заперт. Необходимо отгородить блок SJ-12.

Чёрч перевел взгляд на сидевшего перед монитором крупного чернокожего мужчину:

- Уильяме, закрывайте лабораторию. Охрана должна перейти к вольерам.

- Есть.

Чёрч стоял несколько секунд, глубоко задумавшись, приложив одну руку к подбородку. Его плечи опустились, лицо казалось вытянутым и осунувшимся. Креспи почувствовал к нему симпатию: доктор сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно. Креспи не хотелось бы сейчас оказаться на месте Чёрча.

Доктор поднял голову и посмотрел на Креспи.

- Встретимся в лаборатории через восемь часов, - заявил он. Чёрч, видимо, хотел сказать что-то еще, но передумал, повернулся и медленно пошел прочь.

Он выглядел побитым, человеком, который потерял все.

- Хорошо, - ответил Креспи. - Я буду у себя в каюте.

Чёрч вяло махнул рукой через плечо и покинул помещение.

Креспи остался в диспетчерской. Он был в состоянии депрессии, чувствовал себя невероятно усталым. Он посмотрел на часы и вздохнул. Еще не прошло и двух часов с того момента, как он ступил на борт станции, а случилось уже гораздо больше, чем за последние два года его работы на Земле!

Внезапно у него появилось ощущение, даже уверенность, что ему не следовало прилетать сюда, что он сглупил, согласившись на выполнение задания, о котором практически ничего не знал. Он с ностальгией вспомнил транспортный корабль, доставивший его сюда, на борту которого он находился еще сегодня утром. Тогда он еще не был здесь, на "Безымянной". Тут что-то определенно не так. Совсем не так.

"Спокойно, Креспи, - приказал внутренний голос. - Все уладится. Просто сегодня один из твоих плохих дней".

Вот для кого день точно оказался плохим, так это для лейтенанта Мортенсона. А Креспи лишь пребывает в отвратительном настроении, и ему требуется пойти куда-то и расслабиться.

Креспи вздохнул и отправился искать свою каюту.

МакГиннесс быстро шла по тускло освещенному коридору, ее сердце учащенно билось в груди. Она произносила про себя номера кают, которые миновала, молясь, чтобы Креспи был у себя.

"Восемьдесят пять, восемьдесят семь, вот, наконец, восемьдесят девять".

Она остановилась перед его дверью и набрала воздуха в легкие. Придется действовать очень осторожно, нельзя сразу же выдавать обвинения, которые она не в состоянии неопровержимо доказать. То, что она знает в глубине души, и то, что она может стопроцентно доказать, - две разные вещи.

Она еще раз набрала воздуха в легкие, затем нажала на звонок. После небольшой паузы из переговорного устройства послышался голос Креспи:

- Да?

- Это лейтенант МакГиннесс, сэр.

- Заходите, МакГиннесс.

Креспи сидел в углу небольшого выцветшего дивана, стоявшего у стены. Она быстро огляделась.

Каюты начальства были побольше, с несколькими дополнительными предметами мебели, но в общем-то тоже похвастаться нечем. Не будешь с восторгом писать домой о новой обстановке.

- Я могу сесть, сэр?

Креспи кивнул, вялым жестом показывая на диван. Он был бледен, видимо еще полностью не отошел от зрелища смерти Мортенсона.

- Я думал, что вы отправились на место несчастного случая, - заметил он.

МакГиннесс села рядом с ним, откинула волосы назад, поправила причёску.

- Мы провели предварительное расследование. Теперь там работают уборщики.

Креспи внимательно посмотрел на женщину, наверное уловив напряжение у нее в голосе.

- Нашли что-нибудь? - поинтересовался он.

Датчик, прикрепленный к сбежавшему чужому, был частично деактивирован. Ножом. Мы обнаружили датчик в комнате, где находятся различные выключатели. Совсем не в том месте, где содержали чужих.

Креспи уставился на нее, потом опустил голову на руки и прошептал:

- О Господи!

- В генераторной мы увидели, что трубы, где пряталось чудовище, смазаны каким-то составом, - продолжала МакГиннесс, - по запаху напоминающим феромон, который, как известно, привлекает этих тварей.

Креспи не поднимал головы.

- Не уверен, что хочу слушать дальше, - пробормотал он.

- Дальше будет хуже. Мортенсону в самом деле было приказано заняться этими костюмами.

"Боже!"

Креспи, нахмурившись, посмотрел на нее. Она прямо встретила его взгляд.

- И дверь вольера тоже была открыта специально.

- Вы хотите сказать, что это преднамеренное убийство...

- По крайней мере выглядит именно так, сэр.

МакГиннесс ждала, наблюдая за тем, как недоверие полковника сменяется решительностью. А потом Креспи задал вопрос, который МакГиннесс так надеялась услышать:

- Вы в состоянии разобраться с кодами доступа к приказам по станции и найти соответствующие приказы в главном компьютере?

Она немного помедлила, не желая показывать свою полную готовность. Здесь требовалось немного хитрости. Ей было необходимо, чтобы Креспи попался на приманку, потому что без него она оставалась в полном одиночестве.

- Мне нужно, чтобы мне дали соответствующие полномочия...

Креспи кивнул, приняв решение, не моргнув глазом:

- Я приказываю вам, МакГиннесс. Это конфиденциально. И постарайтесь, чтобы вас не поймали. Отчитывайтесь только передо мной. Вы меня поняли?

- Да, сэр.

- Пусть это будет наш маленький секрет, - сказал он, и в уголках его губ появилась улыбка.

МакГиннесс поняла, что разговор окончен. Она встала и вышла из его каюты. только оказавшись в коридоре, она позволила себе улыбнуться.

Капкан расставлен.

Чёрч даже не догадается, откуда ему нанесут удар.

Пол Чёрч медленно кивал, наблюдая за тем, как Креспи заканчивал разговор с МакГиннесс.

- Пусть это будет наш маленький секрет, - слабо доносился до Чёрча его голос.

Что-то, наверное, случилось с микрофоном: звук слишком тихий. Наверное, стоит его заменить. Чёрч проследит за этим.

Когда МакГиннесс вышла из каюты Креспи, Чёрч откинулся на спинку стула в своем кабинете, продолжая кивать головой. Чёрч предполагал, что полковник пойдет на что-то подобное. Он удивился бы, если бы Креспи - или кто-то еще из его подчиненных - не начал бы своего собственного расследования. Вопрос в том, как этим воспользоваться. На этой стадии они еще ничего не знают, нет необходимости беспокоиться о том, у кого в руках козыри. Однако любая информация всегда очень кстати. Чёрч просто решил отложить в памяти увиденное.

Конечно, секрет. Уж Чёрч-то точно его никому не откроет.

Глава 10

Чёрч закрыл глаза и вспомнил, что происходило тогда, много-много лет назад. Сколько секретов хранит его память!

На борту их было девять человек, а если считать Джудит, то даже десять. Конечно, он считал Джудит, несмотря на то что она представляла собой искусственно созданную особь. Чёрч потерял невинность благодаря Джудит и сильно любил ее лет с двенадцати. Основным предназначением Джудит на корабле было удовлетворение сексуальных потребностей экипажа. Она также была запрограммирована, как ботаник, и даже развела на борту "Инкунабулы", их корабля, небольшой садик. И Джудит обычно готовила еду всему личному составу.

Экипаж состоял из Джейсона и Люсиан Чёрч, его родителей; Тейлора, Хьюетта и Джохансона, членов команды, выполнявших всю тяжелую работу; а в последний, самый счастливый месяц жизни Пола Чёрча, к ним добавились также Квентин и Луиза Кларк, ученые, и их дочь Ребекка. Ребекка была красивой девушкой, наверное, гораздо более симпатичной, чем Джудит, которая, казалось, никогда не менялась и не старела, как никогда и не отвечала Полу взаимностью. Ребекка была только на два года старше Пола, и создавалось впечатление, что она практически в такой же степени заинтересовалась им, как он ею. Он начал о ней мечтать...

Итак, их было десять во время блаженно-счастливого полета на планету РЛВ-1289, где находилось довольно крупное поселение. Эту планету не так давно колонизировали. Кларки планировали там остаться, а остальные собирались продолжать путь. Родители Чёрча осваивали новые места во Вселенной, куда потом прибывали земляне. Правильнее будет сказать, что они превращали колонизированные планеты в места, пригодные для обитания: помогали зародиться растительности и животным различных видов. "Выполняем за Бога его работу", - частенько говорили они сыну, потом смеялись и обменивались взглядами, полными любви и привязанности друг к другу.

До РЛВ-1289 планировалась только одна остановка: требовалось забрать кое-какую информацию из базы данных на небольшом спутнике, открытом лет пятнадцать назад. Пол с нетерпением ждал этой посадки, надеясь, что им с Ребеккой удастся ускользнуть от других, уединиться и прогуляться вдвоем по созданному человеком Раю, может, поделиться секретами друг с другом. Пол хотел стать ученым, даже получил в девятнадцать лет небольшую стипендию от правительства для изучения иммунизации. Его родители так им гордились! Он был молод, полон надежд, страстно хотел быть любимым...

Идеалист, не знавший ответов на многие вопросы.

И, с Божьей помощью, они сели на эту планетку.

Люсиан Чёрч не переставала хмуриться.

- Ты уверен, что это безопасно? - то и дело спрашивала она отца Пола после того, как они заметили, что на посадочной площадке стоит неизвестный им космический корабль.

Джейсон Чёрч пожал плечами. В его голосе слышалось легкое напряжение:

- Думаю, что все в порядке. Мы же в любой момент сможем снова взлететь, правда?

Он улыбнулся жене, постаравшись ее успокоить, и снова повернулся к пульту управления.

- Всем пристегнуть ремни, - приказал он. - Садимся.

"Инкунабула" прошла сквозь атмосферу и опустилась рядом с нужной им станцией, как и планировалось изначально, в нескольких сотнях метров от неизвестного корабля. Джейсон Чёрч был превосходным пилотом, пассажиры практически не почувствовали толчка, когда они коснулись поверхности.

Пол и остальные люди, участвовавшие в полете, отстегнули ремни, встали со своих мест и потянулись. Ребекка нервно улыбнулась Полу, он улыбнулся в ответ, стараясь выглядеть гораздо спокойнее, чем на самом деле себя чувствовал.

Эта планета находилась далеко от основных путей, по которым пролегали дороги космических кораблей, поэтому Пол разделял беспокойство своих родителей: здесь они не должны были никого встретить. Более того, когда их приборы определили, что возле станции стоит неизвестный корабль, Джейсон Чёрч послал сигнал - и не получил никакого ответа.

Пол услышал, как мать Ребекки's опаской поинтересовалась у своего мужа:

- Контрабандисты?

Ученый покачал головой:

- Не знаю, любимая. Надеюсь, что нет.

Отец Пола направился к люку, встал перед ним, повернулся к остальным и натянуто улыбнулся:

- Джудит, давай сходим и посмотрим, кто там. А вы все пока побудете на корабле. Мы скоро вернемся.

Люсиан Чёрч снова нахмурилась, потом кивнула. Пол почувствовал облегчение. Джудит была сильна, как трое членов экипажа, и обладала лучшей реакцией. Она сделает все от нее зависящее, чтобы остальные никак не пострадали, если, конечно, вообще нужно чего-то опасаться.

Джейсон Чёрч и Джудит покинули "Инкунабулу". Дверца люка за ними плотно закрылась. Пол с другими астронавтами собрались у пульта управления и стали наблюдать за удаляющимися фигурами по небольшому экрану.

Было трудно представить, что в таком красивом месте может случиться что-то ужасное. Полу уже довелось побывать на дюжине планет и лун, подобных этой, но вид нового мира, никоим образом не испорченного и не испоганенного человеком, поражал его каждый раз с новой силой. Программы под общим названием "Генезис" просто поразительны, а его родители - специалисты в своем деле, потому что каждый их проект создает потрясающую зелень, излучающую жизнь, дикую природу, еще не покоренную человеком.

Отец Пола и Джудит подошли к неизвестному кораблю. Он относился к "Классу 9", причем одной из старых моделей. Трап был спущен. Джудит начала первой подниматься по нему, за ней последовал Джейсон.

Они появились вновь всего через несколько секунд. Отец Пола жестами показывал находящимся внутри "Инкунабулы", что все в порядке. Они все дружно вздохнули с облегчением. Пол почувствовал, как Ребекка схватила его руку, крепко сжала, а потом отпустила. Пол слегка покраснел, понял, какие теплые чувства он к ней испытывает...

"Тебе давно пора повзрослеть!" - сказал он сам себе.

Он улыбнулся Ребекке, надеясь, что покраснел только слегка и она этого не заметила. Ему скоро должен был исполниться двадцать один год, а он ведет себя как подросток. Да, Ребекка первая девушка, с которой ему довелось общаться с момента достижения половой зрелости (конечно, не считая Джудит), но тем не менее надо быть умнее.

Джейсон Чёрч махал находившимся на корабле, чтобы они выходили из "Инкунабулы". Пол почувствовал, как сильно бьется сердце у него в груди. Ему нравился тот образ жизни, который приходилось вести, - полеты, путешествия с места на место, - но он все равно страшно любил ходить по твердой поверхности планет. С этим ничто не может сравниться. Ничто. Обычно они останавливались где-то всего на час или два, какое-то время гуляли вокруг места посадки, дышали настоящим воздухом - единственные люди на всей планете.

Но вот как будет на этот раз? Они тоже единственные? И куда делись пилоты того, второго корабля? Странно все это.

Джош Хьюетт, самый старший из членов экипажа, открыл шкаф с оружием и роздал полдюжины автоматов, стреляющих иглами, поражавшими жертву электрошоком. Пол взял один, чувствуя легкое возбуждение, - может, все-таки удастся поучаствовать в схватке? Конечно, никакой схватки не будет, потому что их просто никогда не бывает, но он позволил себе пофантазировать, представил, как он уничтожает противников и спасает Ребекку от участи значительно хуже смерти...

- Дорогой, ты идешь? - послышался голос его матери, которая уже стояла у люка и улыбалась сыну.

"Боже, она просто цветет от счастья", - подумал Пол.

Ребекка переводила взгляд с Люсиан Чёрч на Пола и самодовольно улыбалась. На ее смуглом симпатичном лице появилась ухмылка - мать разговаривает с сыном, как с маленьким мальчиком. "Черт побери!" Пол кивнул матери и постарался выглядеть достойно - как настоящий ученый, хотя чувствовал себя в этот момент мальчиком лет девяти.

- Да, мама. Я сейчас выпью сока и присоединюсь к вам.

Мать кивнула, затем направилась вниз по трапу. Ребекка последовала за ней. Пол пошел к холодильнику.

На борту остались он и Тейлор, который копался в одном из ящиков - наверное, искал свои вонючие сигары, без которых он жить не может. Тейлор насмешливо посмотрел на Пола и поинтересовался:

- Присмотрел себе подружку?

Пол нахмурился.

- Заткнись, дурак, - ответил он. - По крайней мере, ею мне не придется ни с кем делиться. Тейлор невинно улыбнулся.

- Но Джуди не возражает, - заметил он. - Почему ты решил, что Ребекка не даст никому, кроме тебя? И почему ты так уверен, что она еще не давала?

Пол попытался принять суровый вид, но ему это не удалось. Он расхохотался. Через несколько секунд Тейлор присоединился к нему.

Пол взял банку сока и направился к трапу. Стояла великолепная погода, наверное, была вторая половина дня, в холодном воздухе Пол почувствовал...

Вначале он не разобрал, что именно. Он нахмурился, принюхался. Что-то гниет? Может, недавно пронеслась буря и что-то погибло? Но все равно запах какой-то странный, нетипичный для гниения чего-либо, существующего в таких мирах. Уж точно не растение.

- Эй, ты уйдешь когда-нибудь или мне тебя под толкнуть? - послышался за спиной голос Тейлора.

Тейлор стоял у выхода из люка, положив в рот незажженную сигару.

- Уйду, - пробормотал Пол и быстро сбежал по трапу вниз.

У него почему-то пропало желание обмениваться шутками, и он не мог объяснить, почему именно. Он не торопясь пошел к остальным, которые стояли кучкой у станции, откуда должны были забрать нужный пакет.

Пол читал в учебниках истории о том, что такое Рай, о том саде, из которого предположительно вышли первый мужчина и первая женщина. Несомненно, авторы того описания представляли что-то подобное месту, в котором сейчас находился Пол: богатое дарами природы, чистое, как новая мысль, мечта, ставшая реальностью, легкие приятные фантазии, появляющиеся перед пробуждением. Это и есть Рай, более совершенного человечество не придумает.

Но нужно опасаться змея...

Пол улыбнулся своему пессимизму. В любом идеале он видит что-то темное.

Его отец ввел нужный код и ждал, чтобы машина выдала из базы данных то, что требовалось.

Джейсон Чёрч разговаривал с Кларками, когда подошел Пол.

- ...никого. Похоже, что корабль оставили по меньшей мере два года назад. Я сужу по количеству пыли. Кстати, очень много запасов провизии.

Луиза Кларк скрестила на груди руки. Она определенно нервничала.

- Может, они все заболели? Заразились и умерли здесь. Вы чувствуете запах? Я обратила на него внимание, когда мы только вышли из нашего корабля. Похоже на запах плесени, что-то органическое. Но не исключено, что это разлагаются трупы.

- Я тоже почувствовал запах, - признался Пол. - Он кажется несколько необычным.

Джейсон Чёрч взял в руки выданный машиной пакет и заметил:

- Теперь у нас есть то, за чем мы здесь останавливались. Наверное, нам лучше стартовать.

Свяжемся с Компанией, когда снова войдем в радиус действия приборов, сообщим им об этом корабле. В наши обязанности не входит проверка того, как он здесь оказался и что делает.

Отец улыбнулся Полу, а потом заговорил громче, чтобы слышали все остальные:

- Сегодня никаких пикников, друзья. Мне очень жаль.

Остальные члены экипажа притворно застонали, но Пол почувствовал облегчение внутри. Лучше побыстрее улететь отсюда. Странный корабль с необычным запахом все испортил. Им с Ребеккой придется подождать.

Внезапно какой-то странный шум прервал ход мыслей Пола. Он застыл на месте, как и все остальные.

В напряжённой тишине кто-то лязгал зубами. Это был какой-то животный звук, его точно не мог воспроизвести человек. Но Полу никогда не доводилось встречать зверей, издающих что-то подобное. Да здесь и не должно быть никаких животных.

Потом они услышали, как металл ударяется о металл. Но это был не работающий механизм, а кто-то живой...

- Что, черт побери... - заговорил Тейлор за спиной у Пола.

За станцией двигалось что-то черное, причем необычайно быстро. За первым чудовищем показалось второе, потом еще и еще - где-то около дюжины. Они появлялись быстрее, чем успевали их считать.

Ребекка закричала, показывая на них пальцем. Но их уже увидели все собравшиеся.

Чужие. Пол слышал о них, как и все остальные члены экипажа.

Джохансон приготовил свой автомат, но он окажется бесполезным, если слышанное ими об этих чудовищах - правда.

Пол резко повернулся и посмотрел на их корабль, который внезапно показался ему таким далеким. Вокруг него сгрудились три или четыре черных ужасных монстра.

Квентин Кларк прокричал имя своей жены. Пол повернулся назад и увидел, как одно из чудовищ приблизилось к ним, схватило Луизу Кларк и прижало к себе изогнутыми лапищами.

Пол услышал грохот автомата, потом кто-то еще начал стрелять. Но чужие совсем не пострадали, они злобно кричали что-то высокими голосами.

Словно по чьей-то команде, все чудовища заорали одновременно и бросились вперед, к людям, хватая всех подряд. Ужасные хвосты рассекали воздух позади и ударялись о землю, поднимая вверх облака пыли.

Пол истошно закричал, попытался бежать.

Юношу сгребли черные холодные лапы и прижали его сопротивляющееся и извивающееся тело к себе.

Пол понял, что они обречены. Их ждет ужасная, мучительная смерть, чужие разорвут их тела на части и напьются их крови...

Чёрч открыл глаза.

"Но нам не повезло тогда, - подумал он. - Смерть не наступила мгновенно. Ее пришлось слишком долго ждать".

Глава 11

Тело Мортенсона обмыли и приготовили к последнему ритуалу. Тонкий мягкий пластик покрывал большую часть его лица, но даже маска не могла скрыть ужасной правды: от нижней части головы практически ничего не осталось. "Она, - подумал Креспи, по коже которого пробежали мурашки, - сейчас, наверное, переваривается в желудке у того чудовища, слава Богу, запертого в своем вольере".

Труп лежал на катафалке. "Молния" погребального мешка заканчивалась прямо под носом Мортенсона. Вокруг собралась небольшая группа людей. Пришло всего несколько человек.

"По крайней мере, мешок застегнут почти до глаз, - пронеслось в голове у Креспи, - а то смотреть было бы вообще невозможно".

Креспи пожалел, что согласился присутствовать на прощании, потому что даже после того, как над телом поработал медик, лейтенант выглядел ужасно.

Креспи чувствовал себя изможденным. Было только девять утра. Он не сомкнул глаз ночью, хотя лег относительно рано. Вчера, сразу же после ухода МакГиннесс, позвонил Чёрч и отменил назначенную встречу в лаборатории, объяснив это тем, что ему потребуется много времени для подготовки отчета Тавесу. Креспи с трудом заставил себя проглотить ужин и отправился спать. Лицо Мортенсона стояло у него перед глазами - таким, каким оно было в последние секунды жизни. Креспи снилась льющаяся кровь. Казалось, что все его сновидения в ту ночь окрасились в красный цвет.

По Чёрчу же нельзя было сказать, что он засиделся допоздна в предыдущий вечер. Он стоял рядом с катафалком, склонив голову, но плечи его были расправлены, а глаза не казались заспанными.

В помещение вошла МакГиннесс и, не привлекая к себе внимания, встала рядом с несколькими техниками, собравшимися на прощание. По поведению присутствующих невозможно было определить, был ли кто близок с Мортенсоном. Креспи переводил взгляд с одного на другого, но не видел ни слез, ни подавленности. В холодном воздухе нижней палубы, отведенной в основном под складские помещения, чувствовалось напряжение.

Креспи знал, что в штате исследовательской станции священника нет, и предположил, что адмирал Тавес навряд ли решит выступить с прощальным словом, так что полковник совсем не удивился, когда Чёрч откашлялся и заговорил:

- Не могу сказать, что я близко знал лейтенанта Мортенсона. Буду откровенен: я никогда и не стремился к этому. Я думаю, вы все согласитесь, что мы были очень разными.

Чёрч немного наклонился вперед и положил одну руку на бледный лоб покойника.

- Говорят, что два человека отличаются друг от друга даже в большей степени, чем особи животных. Я полностью согласен с этой точкой зрения. Однако я хочу добавить, что мы с Мортенсоном также были и похожи. Нас объединяло то, что делает нас всех братьями: мы - люди.

Чёрч взялся за кольцо на "молнии" и застегнул ее до упора. Треск пластиковых зубчиков казался очень громким в погруженном в тишину помещении.

- Если бы когда-нибудь мы с Мортенсоном попробовали сравнить наши биографии, - продолжал Чёрч, - то нашли бы много общего: желание познать мир в детстве, трудности переходного возраста, страдания первой любви...

Чёрч с серьезным видом посмотрел на застегнутый погребальный мешок.

- Теперь в Мортенсоне не осталось ничего человеческого. Он не получает удовлетворения от работы, не испытывает радости, но в то же время не впадает в отчаяние и... не знает, что такое страх. Его останки будут сброшены в космос. Мне нечего больше сказать, за исключением последнего: прощай!

Кто-то из собравшихся вокруг катафалка кашлянул. Чёрч снова склонил голову на несколько секунд, а потом посмотрел на одного из двух медиков, стоявших рядом.

- Отвезите тело к мусорному люку, - приказал Чёрч.

Креспи нахмурился. Собравшиеся начали расходиться.

"Ничего себе прощание, - подумал Креспи. - Надеюсь, что меня ждет нечто большее, чем это. И настоящее захоронение, а не выброс в открытый космос".

Адмирал Тавес сделал шаг вперед и поднял руку.

- Прошу прощения, - сказал он, - доктор Чёрч, Мортенсон подписал документ, в котором дал согласие в случае смерти на использование своих внутренних органов в научных целях. Я полагаю, его тело следует оставить на борту станции, приняв меры, чтобы труп не начал разлагаться...

Чёрч покачал головой:

- В этом нет необходимости, адмирал. К тому же, протокол требует, чтобы любой умерший...

Тавес вытянул один толстый палец вперед и заорал на Чёрча:

- Вы еще собираетесь учить меня моей работе, черт побери?!

- Простите, сэр, - с невозмутимым видом ответил доктор, ни капли не смутившись.

Креспи наблюдал за происходящим, с любопытством ожидая, когда Тавес отступит. Креспи не сомневался, что именно так оно и будет: отступит Тавес, а не Чёрч. Вопрос только в том, каким образом.

Адмирал хмурился несколько секунд, потом махнул рукой, как бы благосклонно разрешая Чёрчу действовать на свое усмотрение:

- Это ваше дело, Чёрч. Я просто подумал, что этот тупица хоть после смерти может принести какую-то пользу. Боже, хоть когда-то должен же быть от него толк.

- Я считаю, что погребение в открытом космосе со всеми воинскими почестями является тем, что требуется в данном случае, - заявил Чёрч.

Тавес развернулся, направился к двери и, выходя, бросил через плечо:

- Как хотите, черт побери. Можете даже его задницу напичкать бриллиантами, если вам так хочется.

Чёрч повернулся к медикам и кивнул:

- Отвезите его к мусорному люку. Я все сделаю сам.

- Есть.

Чёрч повернулся и заметил Креспи.

- Очень мило с вашей стороны, полковник, что вы тоже решили прийти.

Креспи чувствовал себя очень неуютно, не зная, что ответить.

- Мне показалось, что я должен присутствовать на прощании, - наконец выдал он из себя.

Чёрч внимательно посмотрел на него, словно ждал, что Креспи скажет что-то еще.

- Вы произнесли хорошую речь, - добавил полковник.

- О, вы так считаете? - В уголках рта Чёрча появилась усмешка, но его глаза горели каким-то странным светом, словно он находился не на прощании с усопшим, а на некоем веселом мероприятии. У Креспи создалось впечатление, что Чёрч смеется про себя. В результате полковнику стало еще больше не по себе.

Иногда смерть, свидетелем которой невольно становишься, вызывает весьма странные чувства.

Креспи устало улыбнулся Чёрчу, считая, что старшему по возрасту можно простить некоторые странности. Вероятно, доктор винит себя в случившемся, наверное, вообще не спал в эту ночь...

Чёрч посмотрел на часы.

- Мы не сможем сейчас приступить к работе в лаборатории. Мне нужно время, чтобы разобраться кое с какими вопросами. Почему бы вам пока не отдохнуть немного, Креспи?

- Спасибо. Я как раз хотел заглянуть в спортзал. Пожалуйста, дайте мне знать, когда я вам понадоблюсь.

- Хорошо, я вам позвоню.

Когда Креспи вышел из помещения, в котором простились с телом лейтенанта Мортенсона, рядом с ним оказалась МакГиннесс.

- Полковник Креспи, - обратилась она к нему, - я могу обсудить с вами?..

Креспи кивнул.

"Боится сказать что-нибудь не так", - усмехнулся он про себя. А вслух он сказал:

- Конечно, МакГиннесс.

Покидая нижнюю палубу, Креспи оглянулся и заметил, что Чёрч смотрит им вслед. Доктор улыбался. Наверное, он решил, что Креспи с МакГиннесс направляются или в его, или в ее каюту, чтобы уединиться. Было бы неплохо, если бы у Чёрча сложилось такое впечатление. Конечно, МакГиннесс симпатична, умна, но...

"Кстати, старик, - сказал Креспи сам себе, - она даже очень симпатична. Ты уверен, что хочешь пойти именно в спортзал, а не..."

Креспи улыбнулся этой мысли.

Они покинули нижнюю палубу и поднимались на следующую. Улыбка быстро сошла с губ полковника. На борту станции погиб человек. Кто-то на "Безымянной" знает почему. И МакГиннесс нужна Креспи именно для того, чтобы выяснить, кто преступник.

МакГиннесс отвела Креспи в столовую, которая в этот час была практически пуста. В помещении находилось не больше дюжины техников и вспомогательного персонала, пахло растворимым кофе. МакГиннесс показала на иллюминатор у дальней стены. Они остановились перед ним и посмотрели на черную вечную ночь за стеклом.

- Здесь нам никто не помешает, - сказала женщина.

Креспи кивнул.

Несмотря на то что МакГиннесс уже приняла решение, она чувствовала, что у нее вспотели ладони, а сердце часто бьется в груди. Она раскопала слишком много всякой информации: глубоко залезла в чужое грязное белье, или в дерьмо, кому как больше нравится это называть. Сейчас ей необходимо все передать Креспи: чтобы он как можно скорее оказался в курсе дела. Но он также должен знать, почему она занимается всем этим.

МакГиннесс вздохнула, посмотрела в иллюминатор, и ей вдруг не захотелось ни с кем делиться своими секретами. Последнее время ею двигало желание докопаться до правды, только оно одно заставляло ее жить дальше, преодолевая горечь утраты любимого человека. Сама она никогда не зашла бы так далеко, все ради погибшего Дэвида. Это желание разобраться в случившемся стало ее единственным лекарством от душевной боли.

Когда МакГиннесс подписывала контракт, согласившись лететь на "Безымянную", она понимала, что истинная причина ее желания попасть сюда все равно когда-то всплывет, вероятнее всего, в разговоре с Креспи, потому что именно его послали искать скелеты, спрятанные в шкафах на этой станции.

МакГиннесс считала Креспи честным человеком, преданным своему делу офицером, но ее мотивы сильно отличались от тех, что двигали им. А в результате он может отстранить ее от того, чем она начала заниматься.

Креспи ждал, когда она наконец заговорит.

МакГиннесс сделала глубокий вдох, попыталась встретиться с ним взглядом и поняла, что не может посмотреть прямо в глаза Креспи.

- Я выяснила несколько весьма неприятных вещей, сэр, - наконец начала она, - однако, перед тем как открывать их вам, я считаю своим долгом объяснить

вам причину, почему я решила заниматься всем этим, так сказать, копать в чужом грязном белье.

Креспи нахмурился, но ответил тихим голосом:

- Продолжайте.

- Когда мы еще находились на корабле, доставившем нас на эту станцию, вы поинтересовались, почему я сама попросилась на "Безымянную". Я ничего вам не ответила, но у меня была причина. Я хотела оказаться именно здесь. Вас послали сюда на замену Дэвиду Ленноксу. Он был... моим женихом.

МакГиннесс смотрела в пол, не желая встретиться взглядом с Креспи.

- Мы познакомились пять лет назад, за два года до того, как его послали на "Безымянную" в качестве помощника Чёрча. Он несколько раз обращался к ко

мандованию с просьбой перевести его в другое место, но приказ так и не пришел... Она замолчала, расстегнула карман на рукаве форменной рубашки и достала хранящуюся у нее фотографию, на которой они были изображены вместе с Дэвидом. МакГиннесс не помнила, сколько лет назад был сделан этот снимок. Шэрон протянула ее Креспи, прекрасно понимая, что он там увидит: молодого широко улыбающегося офицера, обнимающего счастливую Шэрон Мак-Гиннесс, сильно отличающуюся от той, которая в настоящий момент стоит рядом с Креспи. На лице девушки на фотографии нет следов, оставленных болью и печалью, нет синяков под глазами. В последнее время она сама не всегда узнает свое отражение.

Креспи принялся внимательно изучать фотографию. Он нахмурил лоб, выражение лица стало суровым.

- Дэвид отправил мне закодированное послание, но до меня дошла только часть его, - быстро заговорила МакГиннесс. - Через некоторое время после этого мне сообщили, что он умер от сердечного приступа - здесь, на этой станции. Затем кто-то вломился ко мне в квартиру. Воры забрали все, что Дэвид когда-либо посылал мне, даже... - Шэрон замолчала, не в силах продолжать, потом, глубоко вздохнув, закончила: - ...любовные письма. Я хочу, вернее, я должна узнать, что здесь произошло. Для меня это крайне важно.

Итак, она объяснила ему, почему попросилась сюда, несмотря на боль, которую вызвали воспоминания. Однако, рассказав все до конца, МакГиннесс почувствовала облегчение. Она так долго носила все это в душе, что казалась одержимой даже себе самой. Креспи должен понять, как трудно находиться в полном неведении и как важно начать активные действия, докопаться до правды, узнать, что же все-таки происходит на "Безымянной", независимо от последствий для себя лично и от того, чего это будет тебе стоить.

Креспи долго молча смотрел на нее. МакГиннесс ждала. Она чувствовала себя гораздо спокойнее, чем предполагала перед началом разговора. Дэвид, наверное, гордился бы ею.

- Ленноксу не следовало посылать вам закодированных посланий, - наконец заявил Креспи тихим злым голосом. - Это было глупостью. Но еще большую глупость совершаете вы, прилетев сюда и лично пытаетесь раскопать какие-то факты.

МакГиннесс была ошарашена. Пять минут назад она ожидала подобного ответа, даже уже смирилась с тем, что получит его. Но, черт побери, неужели Креспи не слышал ни слова из того, что она говорила? Неужели он не понял, что она хотела донести до него? Ее мотивы обоснованны. И вообще, как Креспи смеет судить о ее мотивах, в то же время приказывая ей заниматься тем же самым, но для себя лично? МакГиннесс разозлилась, покраснела, на лбу появились капельки пота, она с трудом сдерживалась, чтобы не закричать.

- Я уже покопалась в чужом грязном белье для вас, полковник, не забывайте об этом! - вспыхнула женщина. - Вас интересует то, что я нашла, или вы предпочтете и дальше восседать на троне, поджидая, пока ваш друг и приятель Господь Бог сбросит интересующую вас информацию вам на колени?

Креспи сжал кулаки, краска прилила к его щекам.

- Пожалуйста, говорите потише, - попросил он.

МакГиннесс огляделась вокруг. Никто из находившихся в столовой не обращал на них ни малейшего внимания, даже не поднял головы. Ее гнев прошел так же быстро, как и нахлынул.

Креспи разжал кулаки, отвернулся от МакГиннесс и посмотрел сквозь иллюминатор в черноту космоса.

- Я...- пробормотал он.- Простите, лейтенант. Что вам удалось выяснить?

Женщина откинула со лба волосы, вздохнула и заговорила через несколько секунд:

- Во-первых, я не нашла приказ по станции, в соответствии с которым этого чужого выпустили из вольера. Для доступа к большей части секретной информации нужно знать несколько довольно сложных кодов. Я не уверена, что мне удастся добраться до каких-либо фактов. Методом тыка здесь ничего не добьешься. Во-вторых, истории болезней всех членов экипажа изменены. Я не

в состоянии определить почему, пока не буду знать кода доступа к этой учетно-отчетной документации.

Креспи нахмурился и наклонился поближе:

- Вы смогли выяснить, сколько членов экипажа погибло?

МакГиннесс кивнула:

- Возьмитесь рукой за стену, чтобы не упасть. Тридцать четыре за последние три года.

У Креспи округлились глаза.

- Это невозможно! - воскликнул он.

- Как бы мне этого хотелось, полковник.

- Практически по человеку в месяц! Но сюда прилетает только один транспортный корабль в год.

Каким же образом прибывают люди на замену?

МакГиннесс скрестила руки на груди и продолжала отчет:

- Скорее всего, они прибывают на трех не включенных в график кораблях. Это продолжается уже пять лет. Информация о них есть в главном компьютере станции. Следовательно, все, что здесь происходит, одобрено в верхах.

Креспи был потрясен. Увидев выражение его лица, МакГиннесс подумала, что все-таки не зря старалась.

- Сучий сын, - прошептал Креспи.

- Вы хотите, чтобы я продолжала совершать глупости, пытаюсь добраться до учетно-отчетной документации?

Креспи с трудом взял себя в руки и посмотрел в глаза стоявшей напротив него женщине.

- МакГиннесс, - обратился он к ней, - простите мне те слова. Да, конечно, продолжайте.

- Спасибо, сэр.

Креспи кивнул и понял по ее мягкому тону, что она тоже просит у него прощения.

- Наверное, нет необходимости напоминать вам, чтобы вы были осторожны, - добавил полковник. - Но если вас все-таки поймают, можете рассчитывать на мою помощь.

МакГиннесс выдохнула воздух. Она была благодарна Креспи, хотя, конечно, не собиралась ему этого показывать. До этой минуты она не понимала, какую тяжелую ношу ей приходится нести одной. Она также боялась, что ей не разрешат попробовать найти ответы на интересующие ее вопросы. У Дэвида не было семьи. Только она... За иллюминатором появилось что-то непонятное, какие-то очертания проплыли под ним. МакГиннесс посмотрела вниз и воскликнула:

- Господи!

Это оказался погребальный мешок.

- Мортенсон, - прошептала женщина.

Креспи вслед за ней выглянул в темноту.

Они стояли рядом несколько секунд и наблюдали за одиноким грузом, медленно покидающим освещенное пространство прямо за бортом станции и улетающим в холодную черную бездну, которая станет его могилой.

- Постарайтесь, чтобы вас не поймали, МакГиннесс, - повторил Креспи, развернулся и пошел прочь, пока она еще не успела придумать, что ответить.

Глава 12

Креспи набрал воздуха в легкие, задержал дыхание и начал медленно поднимать вес, лежа на скамейке тренажера. Его руки дрожали, струйки пота скатывались со лба и текли по шее. Еще одно усилие - и он почувствовал, как напряглись плечи и спина, приятная боль начала медленно растекаться по телу. Это означало, что он хорошо поработал.

Он выдохнул воздух и опустил вес.

- Десять, - сказал полковник, ставя штангу на место. Неплохо, учитывая, что ему столько времени пришлось находиться в анабиозе. Конечно, кое-какие мышцы атрофировались: это неизбежно, хотя в каютах и использовались специальные стимуляторы. Сегодня ему удалось поднять вес, практически равный его собственному. Он даже не надеялся на подобное так скоро после выхода из анабиоза. Он лежал на скамейке тренажера, приводя дыхание в порядок, и думал о том, что ему рассказала МакГиннесс.

За три года на станции умерло тридцать четыре человека. Сколько из них было связано с исследованиями, проводимыми Чёрчем? Доктор заявил, что ни один. Но ведь нельзя поверить в то, что все они умерли от сердечных приступов.

Чёрч определенно что-то утаивает. Похоже, что Тавес тоже замешан, потому что такое количество потерь личного состава скрыть невозможно.

"А почему нет? - спросил внутренний голос. - Ты сам никогда не узнал бы об этом, если бы не МакГин-несс. И, кстати, командование на Земле об этом до сих пор даже не подозревает".

А может, подозревает? И не только подозревает, но и в курсе? Креспи отбросил эту мысль через несколько секунд. На заговорах конспираторов строятся детективные романы, но это-то жизнь. Более того, если бы командование участвовало в тайных экспериментах, они не стали бы проводить их в одном из самых отдаленных участков Вселенной, а занимались бы этим ближе к дому, причем задействовали бы только военнослужащих, а не гражданских лиц, как большинство техников на "Безымянной".

Чёрч, несомненно, эксцентричен, но неужели у него настолько поехала крыша, что он готов пойти на убийство членов экипажа в научных целях? Ведь он работает над телепатической связью между человеком и чужим для того, чтобы спасти людей! И вообще, зачем ему масса трупов?

А что на самом деле случилось с Мортенсоном? Не исключено, что его специально убили, но почему? Он обнаружил что-то, что ему совсем не следовало знать?

Креспи глубоко вздохнул и провел рукой по потным волосам. Слишком много вопросов, а те ответы, которые имеются на настоящий день, не позволяют разобраться в происходящем. Вообще получается какая-то бессмыслица.

Смысл есть только в словах Шэрон МакГиннесс. Ее рассказ о Дэвиде Ленноксе звучит правдоподобно, и это вполне оправданная мотивация для того, чтобы хотеть докопаться до истины, однако объяснение причины ее заинтересованности Креспи слышал только от самой МакГиннесс. Никто больше не мог ему подтвердить, что на показанной ею старой фотографии Шэрон Мак-Гиннесс обнимает именно предыдущий помощник Чур-ча, а не просто какой-то полковник.

Креспи откинул сомнения и в этом случае, точно так же как и в вопросе о том, что известно командованию на Земле. Его интуиция подсказывала, что Мак-Гиннесс - одна из самых честных людей на станции. В ее искренности Креспи убедило то, как она разозлилась и вышла из себя, услышав его реакцию на свои откровения. Наверное, сам Креспи сделал бы то же самое, если бы его любимая погибла при подобных таинственных обстоятельствах. Он не стал бы думать о последствиях, как не задумывается о них МакГиннесс. А если бы кто-то, как в данном случае полковник Креспи, попробовал бы отвергнуть его мотивы, он, точно так же как МакГиннесс, взорвался бы в ответ.

Итак, что же все-таки происходит на борту "Безымянной"? В картинке-загадке не хватает слишком многих кусочков, и пока даже невозможно догадаться, какая она должна быть. Однако то, что известно к настоящему моменту, пахнет гнилью.

Креспи принял сидячее положение на скамейке тренажера, протянул руку за полотенцем и посмотрел на часы, висящие на стене. "Неплохой спортзал, - подумал полковник. - Можно хорошо попотеть".

Креспи решил принять душ, потом перекусить, а после этого отправиться на встречу с Чёрчем.

Наверное, следует заспросить его о смерти Мортенсона. Конечно, Крести не станет пока сообщать доктору то, что стало ему известно, надо собрать побольше материала, но разговор на интересующую полковника тему может кое-что Юбавить... И это можно будет использовать в дальнейшем.

Внезапно в коридоре раздался раздирающий душу кенский крик.

Креспи вскочил со скамейки, схватил свою сумку, с которой пришел в зал. Теперь в коридоре в ужасе кричали уже несколько человек.

- Спасайтесь! Бегите!

- О Боже праведный!

Креспи судорожно рылся в своих вещах. "Ну где же он, черт побери?!" Полковник выбросил на скамейку свою одежду и туалетные принадлежности. Наконец его рука опустилась на холодный короткоствольный автомат. Креспи бросился в коридор.

- Уберите его! О Боже, уберите его! - слышалось со всех сторон.

Креспи выскочил из спортзала и понесся туда, где происходили события. Его сердце учащенно билось в груди.

Внезапно полковник резко остановился. Он увидел улыбающегося Пола Чёрча с поводком в руке.

Доктор вел на поводке чужого.

Медленно продвигаясь по коридору палубы "В", Чёрч пел чужому колыбельную. По размеру туловища можно было сказать, что это еще не взрослая особь. Доктор определенно забыл кое-какие слова песенки, но что-то твердо отложилось у него в голове со времен далекого детства. По большей части он даже не пел, а мурлыкал себе под нос, тут и там вставляя пару слов, которые можно было разобрать:

- Эй, эй... кошка с ложкой... эй, эй... собачка воет на луну...

Чудовище на поводке пыталось найти хотя бы какие-то точки опоры на скользком полу. Оно постоянно дергалось и выплевывало слюну. Звуки, вырывавшиеся из его глотки, гасила сжимавшая тело металлическая сбруя. В одной руке Чёрч держал конец длинного поводка, в другой - "дисциплинарный" пульт. Стоило чужому сделать шаг в сторону, как Чёрч нажимал на кнопку на пульте, и из датчиков на сбруе бил электрический ток.

Приспособление работало прекрасно. Металлическая сбруя шла по обоим плечам извивающегося чудовища и далее вдоль по позвоночнику. Она сковывала его движения и заставляла передвигаться на четырех лапах. К сбруе на каждом плече было приварено по металлическому стержню, выступающему вперед. Они соединялись под носом чужого, прямо напротив челюстей, изгибались и шли вверх, к ноздрям. Приспособление чем-то напоминало намордник.

- Трикс, пожалуйста, постарайся не делать лужи, - обратился Чёрч к чужому, словно выгуливал собаку по обычному тротуару.

Потом Чёрч повернулся к следовавшему на некотором расстоянии за ними Блэку и крикнул ему через плечо:

- Осторожно: не поскользнься. Что-то сегодня утром у нашей собачки слишком обильное слюноотделение.

Чужой попытался еще раз броситься вперед. Чёрч, нахмурившись, снова пустил электрический ток.

- Как нехорошо! - пожурил доктор.

Конечно, здесь напряжение было значительно меньше, чем в вольерах. Чёрч не хотел, чтобы чудовище каждый раз в бессилии валилось на пол, а потом отходило какое-то время. В таком случае никакой прогулки по станции не получилось бы, а Чёрч запланировал именно прогулку. Нет, доктор придумал эту сбрую с любовью, он называл получаемый чужим слабый электрический шок расслабляющей болью. Она требовалась для того, чтобы Трикси оставался послушным и в точности выполнял приказы хозяина.

Они миновали несколько человек в коридоре, большинство из которых сразу же побледнело и постарались побыстрее исчезнуть, несмотря на то что Чёрч всячески старался их успокоить, вел себя абсолютно непринужденно, даже увещевал их и заверял в полной безопасности. На самом деле доктор особо не удивился, что встретившиеся им на пути вели себя именно так, он только жалел о том, что обычные люди просто не понимают, что сегодня бояться нечего.

Да, конечно, при определенных обстоятельствах встреча с чужим может оказаться весьма неприятной, но только не сегодня. Сегодня Трикси послушен.

"Он - мой!" - думал Чёрч. Это ощущение власти над кем-то возбуждало доктора. Оно было поразительным чувством, которым Чёрч наслаждался в этот момент. Он сделал первую попытку надеть придуманную им сбрую на чужого, чтобы заставить чудовище полностью подчиниться своей воле. Однако в то же время Чёрч находился так близко к чужому, что ощущал специфический запах гнили, исходящий от него. В этот момент ни у Чёрча, ни у Трикси не возникало ни малейшего сомнения в том, кто контролирует ситуацию; правда, встретившиеся им по пути в коридоре люди даже не задавались таким вопросом, а просто старались в страхе побыстрее скрыться.

"Пусть думают что хотят. Ведь все равно вожжи держу я, а Трикси передвигается на четвереньках - ползет, пока я разрешаю ему это".

Они завернули за угол и пошли по коридору номер пять, где находился спортивный зал. Чёрч вспомнил, что Креспи собирался размяться и поработать на тренажерах. Не исключено, что он еще до сих пор здесь и увидит, чем занимается доктор, а в результате забудет о своих секретах с МакГиннесс. Как мужчина, более того - ученый, может заниматься какими-то пустяками, делиться тайнами с женщиной, когда он в состоянии подчинить своей воле чужого, непобедимое инопланетное чудовище. Чёрч покажет Креспи, что такое наслаждаться властью над покоренным существом.

- Маленькие голубенькие цветочки в кукурузе... эй, эй... а ты не смейся, когда собачка захочет съесть луну... - пропел Чёрч.

Впереди в пол был встроены пульт управления. Перед ним склонилась женщина-оператор. Чёрч слегка дернул за поводок, пытаясь отвести Трикси в сторону, чтобы не напугать ее. Они находились в нескольких метрах от нее, когда женщина внезапно повернулась и взглянула в их сторону. Женщина закричала так, что мертвецы на Земле, наверное, поднялись из своих могил. Остальные, находившиеся в коридоре, правда, несколько дальше, тоже повернулись и увидели происходящее. Они также заорали в панике, создавая ненужную шумиху, подавая сигналы тревоги и предупреждая о в общем-то несуществующей опасности.

Чёрч скривился. Неужели они не видят, что существо находится в полной его власти и он контролирует каждое его движение? На их глаза словно опустились шторы, настолько сильным был страх.

Глупая визжащая женщина прижалась спиной к стене и умоляла Чёрча увести чудовище прочь.

Доктор тяжело вздохнул:

- Не бойтесь Трикси, мадам, он не кусается.

Казалось, что она его не слышит, у женщины началась истерика, она визжала высоким голосом и жалобно просила спасти ее.

Впереди послышалось какое-то движение, чужой натянул поводок. Кто-то выбежал в коридор из-за поворота и нацелил на них автомат.

Чёрч улыбнулся. Естественно, Креспи. Возбужденный, вспотевший, только что занимавшийся подкачкой на тренажерах. Чёрч с трудом сдержал смех, увидев выражение лица полковника. Вот бы его сейчас заснять на пленку и оставить для потомков.

Креспи опустил автомат.

- Что, черт побери...- четко донеслось до Чёрча.

Чужой внезапно снова резко дернулся вперед, несомненно возбужденный появлением воинственно настроенного Креспи. Чёрч нажал на кнопку на пульте - и существо начало извиваться под воздействием электрического тока, доставляя тем самым удовольствие доктору. Намордник и сдавливающая сбруя заглушали его крики, и они казались всем окружающим слабыми и безвольными.

- Как нехорошо, Трикси, - снова пожурил Чёрч гигантскую тварь.

Ошарашенный увиденным Креспи быстро пришел в себя, пошел навстречу Чёрчу (правда, не стал подходить совсем близко) и закричал в гнев:

- Что вы делаете, черт побери?!

"Разве не понятно?" - спросил про себя Чёрч.

- Вывел Трикси на прогулку, - ответил он вслух, удивляясь, что Креспи не видит всей комичности ситуации.

Лицо Креспи исказилось от гнева.

- На прогулку?! - заорал он в ярости. - Да за это я должен арестовать вас прямо на месте.

Чёрч нахмурился.

- Арестовать меня? - переспросил он. - За что?

- За что? - захлебнулся от гнева Креспи. - За неправильное обращение с доставленными на станцию, кстати, контрабандным путем, живыми существами, за то, что вы поставили под угрозу жизнь членов экипажа, не думали о последствиях предпринятого шага, подвергли опасности всех, находящихся на станции! Вы ведете себя неподобающим для офицера образом. Вы спятили, а следовательно, представляете угрозу для окружающих и должны быть изолированы от общества. Чёрч был ошарашен услышанным.

- Я... попытался...- начал он, но Креспи не дал ему закончить фразу:

- Что, черт побери, вы хотели доказать таким образом ?

Внезапно Чёрч тоже разозлился.

- А то, что эти существа находятся в моей власти. Я полностью контролирую ситуацию. И они не представляют никакой угрозы, - спокойно закончил Чёрч ледяным тоном.

Креспи все еще оставался пунцовым от гнева.

- Объясните это Мортенсону, - сказал он.

"Ну вот, теперь он будет все время тыкать мне в лицо смертью Мортенсона", - подумал Чёрч.

- Мортенсон поплатился за свою глупость: он оказался там, где ему не следовало находиться, - заметил Чёрч вслух.

Доктор повернулся и поискал глазами Блэка. Тот стоял среди других членов экипажа, наблюдавших за происходящим.

- Блэк, готовьте вольер, - приказал Чёрч.

- Есть.

Доктор заставил чужого развернуться и направился назад к лаборатории, через которую пролегал путь к вольерам. Встречавшиеся на их пути люди разбегались в стороны, подальше от чудовища.

Очевидно, как подумал Чёрч, у Креспи полностью отсутствует воображение, и он не в состоянии оценить то, что даст исследовательская работа, проводимая Чур-чем. Полковник не сможет получить от нее ни удовлетворения, ни наслаждения. Креспи необходимо в корне изменить свой подход к делу, если он собирается работать вместе с Чёрчем. Он слишком эмоционален. Реакции на происходящее, подобные сегодняшней вспышке гнева, просто недопустимы.

- Похоже, что нам придется его кое-чему научить, - прошептал Чёрч, однако чужой на поводке не обратил ни малейшего внимания на слова хозяина. Он постоянно дергался из стороны в сторону, а его офомные когти оставляли глубокие следы на изношенном полу.

Чёрч глубоко вздохнул и снова нажал на кнопку на пульте, чтобы заставить чудовище вести себя поспокойнее.

Глава 13

МакГиннесс позвонила к нему в каюту поздно вечером. Креспи уже лежал в кровати и дремал.

- Заходите, - пригласил он.

Не исключено, что ей удалось раздобыть еще какую-то информацию, найти ключ к разгадке тайны этой станции.

- Простите, что я так поздно, но мне хотелось обсудить с вами ряд вопросов.

Креспи сел на кровати и включил ночник, висевший над изголовьем. Обычно он спал в одних трусах, так что тут же протянул руку за майкой, поскольку посчитал неприличным разговаривать с МакГиннесс в полуобнаженном виде.

Она покачала головой, жестом показывая ему, что одеваться не нужно.

Женщина опустила на кровать рядом с ним и улыбнулась. Улыбка получилась несколько робкой и стеснительной. Ее густые, темные, красивые волосы были распущены. Они обрамляли ее лицо и подчеркивали гладкую кожу, без единой морщинки.

Внезапно Креспи понял, что ему тяжело говорить. В горле все пересохло.

- Лейтенант...- начал он.

- Шэрон, - поправила она.

- М-м, Шэрон, что конкретно вы хотели? Вы со бирались что-то обсудить со мной?

Она смотрела ему прямо в глаза, а через несколько секунд подняла руки и стала расстегивать блузку, обнажая нежную грудь. Не отводя взгляда, она продолжала говорить:

- В общем нет. Я просто хотела уточнить, правильно ли мы поняли друг друга - в отношении того, почему вы прибыли сюда и почему я попросилась на эту станцию. Я любила Дэвида, но он мертв, а я давно не занималась ни с кем любовью. А ты... ты будешь любить меня?

Креспи лишился дара речи. Он протянул руку, думая просто дотронуться до ее волос, но она взяла его ладонь в свои и опустила на одну грудь. Креспи застонал, почувствовав тяжелую округлость, и понял, что начал возбуждаться. К счастью, его прикрывало одеяло.

МакГиннесс нагнулась вперед, дотянулась до выключателя и щелкнула им. Свет в каюте погас. Стало так темно, как в открытом космосе. Креспи ощутил ее горячее дыхание на своих губах.

Они слились в долгом поцелуе, а затем она отстранилась от него. Креспи слышал, как ее одежда падает на пол и как часто она дышит. Это дыхание почему-то напоминало шипение...

"Шипение?!"

- Шэрон? - робко спросил Креспи.

Его испугал этот странный, но в то же время такой знакомый звук.

Шипение усилилось. Это был не голос Шэрон Мак-Гиннесс, она просто не могла издавать ничего подобного. Это был звук, вылетающий из глотки чужого... Шипение стало громче и перешло в пронзительный вопль, раздирающий барабанные перепонки.

Креспи вытянул вперед руку, дальше, еще дальше...

И внезапно дотронулся до чего-то холодного и омерзительного. Это оказалась совсем не гладкая кожа Мак-Гиннесс, а изогнутая черная лапища монстра.

- Полковник Креспи, - говорило чудовище хриплым голосом.

Креспи сидел в темноте, с трудом сдерживая крик ужаса, готовый вырваться из его горла.

- Полковник Креспи?

Звуки издавало переговорное устройство. "Это же Чёрч", - подумал Креспи.

Только тогда почувствовал облегчение. "Слава Богу, что это только кошмарный сон". Внезапно полковник понял, что держит в руках свой автомат, металлическая часть которого уже стала теплой, потому что так долго оставалась рядом с человеческим телом. Креспи заснул, не выпуская из рук оружия, или инстинктивно схватил его во сне, когда ему привиделась эта ужасная лапища...

Креспи быстро нашел выключатель. Когда свет зажегся, из переговорного устройства снова послышался голос Чёрча:

- Полковник...

- Да. Чёрч?

Креспи еще не мог четко соображать. Голова пока не успела проясниться. Перед глазами до сих пор стоял образ из кошмарного сна. Креспи отложил автомат в сторону.

- Да, это Чёрч. Простите, что побеспокоил вас, но умирает один из чужих. Я подумал, что вы, не исключено, захотите понаблюдать за процессом.

Креспи кивнул:

- О... да, хочу. Сейчас приду.

Переговорное устройство отключилось.

Креспи встал с кровати и начал одеваться. Взглянув на часы, он понял, что спал меньше часа, и подумал о том, как ему здорово повезло, что позвонил Чёрч. Полковник понимал, что в ближайшее время ему не удастся снова заснуть.

Через пять минут Креспи оказался перед лабораторией. Он не мог удержаться и зевнул. Глаза закрывались, мышцы болели после подкачки в спортзале, однако он чувствовал себя в боевой готовности, на чеку, подозрительно-настороженно оглядывал все вокруг. Эта готовность удивляла его самого, потому что ему следовало испытывать страшную усталость после событий предыдущего дня и только часа сна.

Два охранника, дежурившие перед дверью в лабораторию, пропустили его. Они провели обязательную проверку биосканером, потом дружелюбно кивнули. Креспи решил, что Чёрч, наверное, предупредил их о его скором появлении.

Креспи прошел на обзорную площадку и увидел, что Чёрч стоит в дальнем ее конце, опустив руки на перила. Доктор даже не повернулся, когда Креспи приблизился к нему.

Чужой лежал в своем загоне в луже зеленоватой слюны и не шевелился. Он принял позу эмбриона и казался бездыханным.

"Уже умер?!" - подумал Креспи, однако в этот момент чужой приоткрыл пасть, его нижняя челюсть слегка выдвинулась вперед и в конце концов осталась неподвижно лежать на холодном полу.

- От чего он умирает? - поинтересовался Креспи.

- Кто знает? - устало ответил Чёрч. - Слишком долго находился вдали от себе подобных, слишком долго без самки. Тоска. Старость. Они очень быстро увядают в неволе. Я вам уже говорил об этом. Просто умирают. Без видимых причин.

У Креспи внезапно возникло желание выразить соболезнования Чёрчу, даже утешить пожилого доктора.

Казалось, что он впал в депрессию, понимая, что смерть чужого неминуема, и выглядел унылым, мрачным и подавленным.

- Взгляните на него, Креспи, - говорил Чёрч. - Прислушайтесь к тому, что подсказывает вам ваше сердце, и ответьте мне на вопрос: знали ли вы когда-нибудь эту тварь? Попробуйте заглянуть и в сердце этого умирающего существа, этого разрушителя, чужого. Вы видите там отчаяние и страх, которые испытывали когда-то наши отцы при встрече с ему подобными?

Креспи не знал, что ответить на эту речь. Чёрч говорил так, словно думал вслух, а эти мысли появлялись у него в голове разрозненно, без какой-либо связи друг с другом.

- Когда люди впервые взглянули в открытый космос, в бескрайние просторы, ставшие им доступными, они посмотрели в сердце чужого, который, кстати, не

имеет души... Когда люди убивают друг друга, бьют своих детей, закрывают глаза, не желая видеть то хорошее и доброе, что окружает их, не позволяя себе отвлекаться от нанесения зла другим, они поклоняются чужим.

Креспи внимательно смотрел на лежащего без движения чужого. Его внутренний голос говорил, что это чудовище следует ненавидеть, даже внушал ему эту мысль, однако оно казалось таким трогательным и жалким, напоминая свернувшегося на полу огромного жука, медленно умирающего в луже собственной слюны, что никакой ненависти к нему Креспи не испытывал.

- В глубине души, - продолжал Чёрч все тем же тихим, задумчивым голосом, - люди хотели бы быть подобными чужим - устрашающе сильными, не испытывать мук совести, заряженными черной энергией космоса, заставляющего идти на уничтожение всех и вся...

Чёрч склонил голову,

- Прощай, темное создание, - шепотом произнес он.

Креспи так и не смог придумать, что бы такое сказать.

Казалось, что Чёрч искренне переживает, расстроен, в противоположность его полному безразличию после смерти Мортенсона. Чёрч, несомненно, с восхищением относился к чужим, что казалось Креспи несколько странным. Полковник задумался над тем, каким же все-таки образом Чёрчу пришлось с ними столкнуться. Что довелось испытать доктору, пожелавшему заняться изучением этих существ? Вчера Чёрч ушел от прямого ответа, не дав никаких объяснений своей заинтересованности ими.

"А ты сам? - спросил внутренний голос. - Почему ты сам дал согласие работать вместе с Чёрчем?"

Креспи нахмурился:

"Чтобы изменить ситуацию к лучшему. Обезопасить человечество. Найти способы..."

"Правда? - усмехнулся внутренний голос. - А муки твоей совести разве не имеют к этому никакого отношения? Ты до сих пор не простил себе, что один выжил в схватке с чужими в той пещере".

Креспи не знал точного ответа на вопрос.

- Больше никаких признаков жизни нет, - послышался голос техника с нижнего этажа.

Чёрч вышел из состояния транса:

- Спасибо, Стокдейл. Обеспечьте, пожалуйста, до ставку тела в лабораторию "В".

Что теперь? - выдавил из себя Креспи.

Чёрч наконец встретился с ним взглядом:

Будем производить вскрытие.

Доктор повернулся и пошел вниз по ступенькам. Креспи последовал за ним, пытаясь убедить себя в том, что у него, наверное, разыгралось воображение или это свет падал на лицо Чёрча под определенным углом, потому что подобного просто не могло быть: в глазах Чёрча блеснули слезы.

Двадцать минут спустя Чёрч стоял перед телом чужого и ждал, пока Креспи не облачится в специальный костюм. Стокдейл находился рядом с подносом, на котором были приготовлены инструменты. Его лицо, как и лицо Чёрча, закрывала маска с фильтром и защитными очками. Вскрытие должно было производиться в небольшой лаборатории, с маленьким компьютером у одной из стен. Правда, здесь было очень яркое освещение и стоял огромный стол из какого-то сплава. В лучах падающего на стол света чужой, казалось, уменьшился в размере и выглядел не таким черным, как его живые сородичи.

Чёрч вздохнул, глядя на труп. Меланхолия прошла, тварь была мертва, и теперь предстояла новая работа - требовалось произвести вскрытие. Доктору уже неоднократно приходилось наблюдать за тем, как умирают чужие, и каждый раз это зрелище заставляло его остановиться и задуматься о смысле жизни. Такое великолепное, громадное создание прекратило свое существование, это так грустно. Зачем оно умерло?!

Креспи, одетый в специальный костюм и готовый к работе, подошел к доктору. Не успел полковник остановиться у стола, как Чёрч принялся объяснять, чем он сейчас будет заниматься:

- Кислота из тела чужого уже откачана и заменена нейтрализующим составом, но мы все равно обычно стараемся себя обезопасить, надевая защитные костюмы, потому что никогда не знаешь, с чем столкнешься:

может встретиться кислотный мешок и брызнуть на тебя горячей жидкостью, или лимфатический узел разорвется, слезная или потовая железа, так что меры предосторожности просто необходимы.

Чёрч посмотрел на Креспи и отметил про себя, что кислотостойкий комбинезон пришелся полковнику точно по размеру.

- Надеюсь, что эта одежда не очень стесняет ваши движения, - добавил доктор.

- Как раз наоборот, - улыбнулся полковник. - На удивление удобна. Вы сами разработали эти костюмы?

Чёрч с довольным выражением лица провел по собственному темно-зеленому комбинезону и кивнул:

- Да, сам. Как-то раз нашло вдохновение. Так сказать, посетила муза, которая иногда заглядывает и к изобретателям, а не только к поэтам. Стокдейл, передайте мне, пожалуйста, пилу.

- Есть.

Креспи склонился поближе. Чёрч включил подачу электропитания к инструменту. Пила работала практически бесшумно. Чёрч принялся распиливать голову чудовища. Доктор начал с правой стороны черепной коробки, а потом стал спускаться вниз, отрезав кусок шириной с собственную ладонь и длиной около полуметра.

- Вам когда-нибудь доводилось заглядывать внутрь черепной коробки чужого, Креспи? - поинтересовался Чёрч.

Полковник пожал плечами и ответил:

- Только после того, как в нее врезалась автоматная очередь.

Чёрч усмехнулся, выключил пилу и внимательно осмотрел отрезанный кусок.

- Наверное, это было не очень интересно, - заметил доктор, - да и вы тогда, видимо, подходили к вопросу совсем не с научной точки зрения.

Чёрч отложил отпиленный кусок в сторону, а Креспи заглянул внутрь черепной коробки чужого. Чёрч показал пальцем на маленький, сморщенный орган, по внешнему виду похожий на почку, расположенный в передней части полости, плавающий в каком-то вязком серо-зеленом химикате.

- Больше всего меня интересует этот орган, - сообщил Чёрч.

Креспи нахмурился и поинтересовался: - "Что это такое? Чёрч улыбнулся.

"Приманка, Креспи, - ответил он про себя. - Посмотрим, понравится ли она вам".

- Его поверхность покрыта сложными клетками вторичной ткани, откладывающей слой пробки. Внутренняя структура состоит из нейтронов, легко проникающих в атомные ядра. Там имеются два клапана, состоящие из

двухатомных молекул. Бинарная смесь внутри очень-очень плотная.

Креспи кивал, слушая Чёрча и внимательно изучая то, что находилось внутри черепной коробки чужого.

Когда доктор замолчал, Креспи жестом попросил его продолжить объяснения.

- Я считаю, что этот орган представляет собой так называемый "психический локатор" чужого. Он усиливает электрические волны типа Е, а клапаны создают интерферогаммы из электромагнитных полей.

Креспи наконец заинтересовался.

- Так что чужие в состоянии не только улавливать волны, посылаемые чьим-то мозгом, но и оценить физические характеристики противника, получая лишь какие-то сигналы, идущие на молекулярном уровне, - пришел к выводу Креспи.

Чёрч снова улыбнулся.

"Неплохо. А он отнюдь не дурак", - подумал он о полковнике.

- Вы абсолютно правы, - сказал он вслух. - Именно поэтому электромагнитные поля так сильно действуют на них. Как я предполагаю, для чужих это эквивалент головной боли.

Креспи казался очень возбужденным.

- Я это запомню, - сказал он.

Чёрч снова показал на орган:

- Как вы видите, полковник, он сейчас сморщился. У здоровых особей он имеет форму луковицы, на нем нет морщин, и он плотно прилегает к стенкам полости, однако у ослабленных представителей, в особенности у тех, кто содержится в неволе, он атрофируется.

Заинтересовавшийся Креспи определенно ухватил мысль:

- А это объясняет, почему человек, принявший телепатин, смог повлиять на поведение чужого!

- Вот именно, - кивнул Чёрч и повернулся к помощнику: - Стокдейл, скальпель, пожалуйста.

Этим небольшим инструментом с алмазом на конце Чёрч разрезал мускулистые серые жилки, которыми орган прикреплялся к стенкам полости. Чёрч опустил отрезанный орган в специальный тазик из какого-то сплава, стоявший на одной из тележек рядом со столом, на котором производилось вскрытие.

Креспи включил свет над тележкой, чтобы направить луч точно на извлеченный орган, и принялся его внимательно изучать. Чёрч ждал.

"Ну давай же, Креспи, - подбадривал он полковника про себя. - Ведь ответ лежит прямо перед твоим носом!"

- Если ваши предположения окажутся правильными, то этот... локатор... То есть человек, подчинивший чужого своей воле, настроился именно на него, на его волну.

Креспи весь напрягся, а потом посмотрел на Чёрча округлившимися глазами: полковник сам удивился выводу, к которому пришел.

"Господи, неужели до Креспи наконец дошло?!"

- Секундочку! - продолжал полковник. - Эти сложные клетки вторичной ткани можно синтезировать!

Чёрчу захотелось ответить покровительственным или снисходительным тоном, но он приложил усилия, чтобы его слова прозвучали нейтрально:

- Это кажется очевидным, не так ли?

Креспи чуть не прыгал до потолка, горя энтузиазмом.

- А вы не пытались воссоздать этот орган в отдельном резервуаре при низких температурах? Или, например, смоделировать на компьютере?

- Пока нет. Молекулярная структура слишком сложна, чтобы копировать ее традиционным способом.

- А компьютерное моделирование?

Чёрч покачал головой:

- На сегодняшний день у меня пока недостает структурных данных.

- Тогда давайте получим их и построим модель!

"Так, Креспи попал на крючок. Теперь нужно намотать леску на катушку и вытащить блесну".

- Вы сказали "давайте"? - переспросил Чёрч. - Значит, вы больше не считаете изучение чужих незаконным?

Креспи ответил, не колеблясь:

- Я считаю, что проводимые вами исследования чрезвычайно важны и им следует уделять первостепенное внимание.

Чёрч улыбнулся. Правда, он был рад, что маска скрывает выражение его лица от Креспи.

- В таком случае вернемся к работе. И приготовьтесь долго стоять у стола: обычно вскрытие подобного существа занимает несколько часов.

Чёрч повернулся к трупу, показывая Креспи различные внутренние органы в теле чужого и объясняя их предназначение. Креспи внимательно следил за всеми действиями Чёрча.

Доктор понял, что Креспи не только пойман на крючок, но и зажарен и съеден. Если повезет, то никаких проблем, связанных с полковником, больше не должно возникать.

"И может быть, но только может быть... ты нашел помощника, которого так давно ждал".

МакГиннесс сидела за своим компьютером и следила за тем, как проводилось это странное вскрытие. Она надеялась, что никто из хакеров не проверяет, следит ли кто-то за происходящим или нет.

МакГиннесс подстраховалась, подключившись к нужному каналу в обход, несколько раз пересекая и перенаправляя изображение, поступающее к ней на экран, однако хороший специалист без труда смог бы выяснить, кто заинтересовался происходящим в маленькой лаборатории.

Женщина зевнула, повернулась и посмотрела на небольшой персональный компьютер, второй в ее каюте, который она специально взяла на складе. Ей удалось подключить его к основной системе станции. Компьютер периодически попискивал. Рядом с системным блоком стояла недопитая чашка уже остывшего кофе.

МакГиннесс снова повернулась к монитору и посмотрела на фигуры в зеленых костюмах. Она чувствовала себя извращенкой, исподтишка наблюдающей за эротической сценой; правда, здесь до эротики было далеко, однако ей все равно было неприятно. МакГиннесс решила по возможности находиться в курсе всего, чем занимается Чёрч, да и Креспи тоже. Полковник казался чересчур

возбужденным, заинтересовавшись процессом вскрытия чудовища. В результате он может потерять объективность, совершенно необходимую для того, чтобы раскрыть тайну "Безымянной". А МакГиннесс не хотелось одной копаться в грязном белье доктора Чёрча.

Вчера вечером Чёрч вывел на прогулку по коридорам станции самого маленького из своих монстров. В комнате отдыха и в столовой во время ужина говорили только об этом. Если подозрения МакГиннесс окажутся правильными и именно Чёрч виновен в смерти Дэвида, то причина гибели ее жениха становится очевидной, как и причина всего остального, происходящего здесь. Полная картина складывается из маленьких кусочков, и получается совершенно четкая мысль, которая кажется неоспоримой: Пол Чёрч - сумасшедший.

МакГиннесс несколько секунд думала о Дэвиде, времени, проведенном вместе с ним - этих счастливых минут было так мало! - а потом приказала себе отключиться от воспоминаний и снова заняться делом. С того дня, когда она приняла решение лететь на "Безымянную", женщина не позволяла себе предаваться горю. И тем более она не допустит этого теперь, после того как ей уже столько всего удалось выяснить.

Интересно, а что бы подумал о ней Дэвид, если бы они познакомились только сейчас? Черт побери, что подумал бы о ней любой мужчина, - женщина, одержимая бредовой идеей, копающаяся в тайнах, к которым ее не следовало подпускать и которые она, по всей видимости, не имеет права знать - если подходить к делу с точки зрения служебных обязанностей.

Да, она одержима навязчивой идеей, именно одержима - она правильно подобрала слово, но ее состояние не имеет значения, потому что ничто больше не имеет значения, за исключением того, что удастся раскопать о Чёрче, чтобы скинуть его с пьедестала.

Маленький персональный компьютер снова запищал, потом пискнул принтер, показывая, что распечатка окончена. МакГиннесс протянула руку и взяла длинный лист, выданный машиной. Ей потребовалось несколько минут, чтобы просмотреть его весь. В нем содержалась информация об использовании ресурсов, потреблении электроэнергии и прочих подобных вещах.

МакГиннесс показалось, что на мгновение ее сердце прекратило биться. Она вернулась к началу листа и снова прочитала выданную информацию. Потом перечитала все в третий раз.

Женщина рассмеялась. Потом она повернулась к монитору, по которому наблюдала за действиями Чёрча, и остановила взгляд на пожилом докторе.

- Наконец-то я поймала тебя в капкан, - прошептала она, надеясь и молясь, что оказалась права.

Глава 14

Креспи устал, но выглядел счастливым. От возбуждения у него горели глаза. Это убедило Чёрча в мысли о том, что он добился желаемого результата. На большее он и не надеялся.

Чёрч и Креспи вышли из лаборатории. Стокдейл остался мыть инструменты и наводить порядок. До так называемого "рассвета" оставался еще час. "Рассветом" считалось включение освещения на всей станции.

- Если нам удастся провести вскрытие еще одной особи, получится шестнадцать различных образцов, по которым можно будет заниматься моделированием. С таким количеством экземпляров проблем уже не должно

возникнуть, - говорил без умолку полный идей Креспи, строя планы на будущее.

Чёрч спокойно снял защитный костюм и надел халат, в котором обычно работал. Он молча слушал предложения, сыпавшиеся из Креспи. Казалось, что полковник никогда не остановится. Иногда случается, что после малого количества сна энергия из человека бьет ключом.

- Если хотите, то мы продолжим эксперименты в следующую смену, - устало сказал Чёрч.

Креспи улыбался:

- Прекрасно. Отлично. Этот проект имеет колоссальное значение. Можно добиться потрясающих результатов. Просто дух захватывает.

Чёрч серьезно посмотрел на Креспи:

- Согласен с вами, полковник. Только я хочу добавить, что далеко не каждый ученый в состоянии оценить его значение. Это дано немногим.

Креспи опять улыбнулся и кивнул, благодаря за комплимент. Он все еще оставался в возбужденном состоянии.

"Вы еще многого не видели, полковник", - подумал Чёрч.

- Вам, наверное, следует отдохнуть, - заметил он вслух. - У вас усталый вид.

Креспи пожал плечами, не переставая улыбаться.

- Да, конечно, стоит прилечь, правда, не уверен, что мне удастся заснуть. Встретимся через восемь часов.

Креспи направился по коридору к своей каюте. Чёрч тоже пошел к себе. Его каюта располагалась рядом с маленькой, неиспользуемой лабораторией, на этаже, где находились отсеки с основными двигателями и оборудованием, поддерживающим жизнеспособность станции. Здесь было значительно тише, чем в других частях "Безымянной", гораздо более уединенно, и иногда у него создавалось впечатление, что он - единственный живой человек на всей станции...

Чёрч зашел в лифт и спустился на свой этаж. Он зевал от усталости и просто валился с ног. Доктор понял, что уже слишком стар для того, чтобы работать всю ночь напролет. Не то чтобы тело отказывалось функционировать, но мозг уже не соображал так четко, как следовало бы, появлялись какие-то туманные мысли, потом нить уходила в сторону, путалась с другими...

Чёрч понимал, что, несмотря на усталость, ему не удастся сразу же заснуть. Он уже несколько месяцев страдал от бессонницы. Наверное, причина заключалась в постоянном возбуждении, в которое его приводили бесконечные исследования. После того как он начал свои эксперименты, ему удалось сделать несколько открытий, и он чувствовал, что с каждым днем приближается к заветной цели - созданию высшего существа.

А Креспи все понял? Вопрос века. Если откинуть в сторону лесть, необходимую, чтобы отвлечь Креспи от излишнего интереса к тому, во что ему совсем не следовало совать нос, то нужно признать, что он - способный ученый, конечно, несколько ограничен, но не надо снимать его со счета и отправлять обратно, потому что Креспи смог мгновенно уловить детали, на которые предыдущие помощники Чёрча даже не обратили внимания. Но достаточно ли у Креспи навыков и знаний? Хватит ли таланта? Смеет ли Чёрч хотя бы надеяться, что Креспи станет настоящим помощником, правой рукой, может, даже равным партнером?

"Ладно, пора ложиться спать", - решил доктор.

Чёрч вошел в свою каюту, в которой не горел свет, и заглянул на крошечную кухню, где держал таблетки - снотворное, в частности. Чёрч открыл кран, набрал стакан воды, выпил две таблетки каффидрина и пошел в спальню.

Доктор снял ботинки и очки и лег на кровать, в надежде, что таблетки скоро подействуют.

Он вспомнил о том, как сегодня на его глазах умер очередной чужой, и удивился своим эмоциям, которые обычно вызывало подобное зрелище: сожаление, раскаяние, жалость. Он чувствовал себя несчастным.

И еще при виде смерти чужого на него нахлынули ностальгические воспоминания, черт побери. Он не любил думать о том времени, когда его семья и их друзья остановились на той планете. Это было бессмысленно и всегда приносило боль. Но иногда он не мог заставить себя забыть о том, что случилось тогда, был не в состоянии сдержать поток видений. Он приложил столько усилий, чтобы вычеркнуть их из памяти, но они все равно упорно всплывали. Конечно, с годами резкость красок ослабла, эмоции проявлялись уже не так сильно, временами изменялась хронология событий...

Чёрч опустил веки: снотворное наконец начало действовать.

И перед его глазами поплыли картины, которые он не забудет никогда...

Чужие тянули сопротивляющихся людей через низкие кустарники, выросшие в созданном в соответствии с программой "Генезис" Раю, все дальше и дальше от станции, из базы данных которой Джейсон Чёрч забрал нужный пакет, и от их корабля.

- Пол? Пол! - кричала его мать, которую держало одно из чудовищ впереди. Она не видела, жив ли он еще или нет.

- Со мной все в порядке! - крикнул сын, хотя прекрасно понимал, что все как раз наоборот.

Тварь, державшая его, казалась необычайно сильной, руки Пола были уже все в царапинах от жутких когтей и саднили. Юноша почему-то не сомневался, что всех членов их экипажа в самом скором будущем ждет смерть.

"Почему они нас еще не убили? - думал Пол. - Зачем они нас куда-то тащат?"

Внезапно его охватил дикий, животный страх. Он вспомнил о рассказах, слышанных им на одной военной станции, о том, что чужие не только едят людей, но иногда также используют их для продолжения своего рода...

Пол снова попытался вырваться из огромных лап, безжалостно стискивавших его. Он неистово сопротивлялся, но был гораздо слабее: существо еще крепче прижало его к себе и зашипело. Когти проткнули кожу в нескольких местах, по его рукам потекли струйки алой крови.

Впереди Пол увидел огромную скалу, заросшую сорняками и мхом. По величине она оказалась примерно такой же, как их корабль, даже больше. Когда они приблизились к ней, Пол внезапно понял, что это совсем не скала, а логовище чужих...

От него шел ужасный запах. Именно здесь находился источник зловония, которое Чёрч почувствовал, выйдя из корабля. Так пахнет разлагающийся труп, гниющее растение, плесень, вместе взятые. Полу никогда не доводилось сталкиваться ни с чем более омерзительным. На самом деле это оказалась смесь гниющей плоти, старого пота, испражнений, рвоты и ядовитых химикатов. Пол понял, что ему никогда не удастся описать это зловоние тому, кому никогда не доводилось понюхать чего-то подобного: этот запах не поддается определению. Подумав об этом, он сразу же понял, что, наверное, и рассказывать-то ему больше ничего никогда не придется, потому что жить им всем осталось совсем немного.

Никто из членов экипажа не заметил логовище чужих ни перед приземлением, ни сразу же после того, как они оказались на этой планете: оно было все покрыто растительностью. Астронавты допустили глупую, непростительную и фатальную для них всех ошибку. А чужие, в свою очередь, увидели их, наблюдали за тем, как люди выходили из корабля, а сами в это время шипели и повизгивали, предвкушая удовольствие...

- Постарайтесь сохранять спокойствие! - крикнул Джейсон Чёрч. - Они не собираются прямо сейчас убивать нас. У нас все еще есть...

Его отцу не удалось закончить фразу, потому что чудовище, которое его несло, с силой протолкнуло Джейсона в темную дыру - вход в их логовище. Ужасные чудовища, притащившие их сюда, стали одного за другим бросать родителей и друзей Пола в страшную тьму.

Пол был последним. Он слышал впереди себя сдавленные стоны остальных. Зловоние ударило в ноздри с новой силой. Подобный смрад даже сложно было представить. Какие-то вонючие вредные испарения попали ему в легкие, у него стало першить в горле, все во рту пересохло, слезились глаза. Пол попытался дышать только ртом, причем делать лишь маленькие вдохи, однако попадающий в рот воздух был ничем не лучше.

Пол услышал, как кого-то тошнит. Это была Луиза Кларк. Юноша почему-то подумал, что тащившее его чудовище должно остановиться и дать ей хоть как-то привести себя в порядок...

Конечно, ничего подобного не случилось. Так мог думать только человек, представитель человеческой цивилизации, которая не доходила до этих мест. Пол приказал себе не паниковать, постараться принять как факт происходящее с ними, потому что в противном случае можно было очень скоро сойти с ума.

Державший Пола чужой поравнялся с остальными. В тусклом свете, просачивающемся откуда-то в логовище, Пол увидел мертвенно-бледные, искаженные от ужаса и боли лица своих родителей и друзей.

Луиза Кларк была покрыта собственной рвотой, она тяжело и беспорядочно дышала.

Наверное, они еще и минуты не находились в этом ужасном логове, но Полу казалось, что он здесь уже целую вечность. Темные чудовища тащили их по пещере, в которой по представлению человека обязательно должны жить привидения. Со стен свисали странного вида канаты, они выглядели так же зловеще, как и сами чужие. Пол пригляделся к этим канатам и нашел в них какую-то симметрию. В стенах были пустоты, провалы и ямы, из них высывались черные головы. Создавалось впечатление, что чудовища улыбаются, изучая вновь прибывших. Мокрые блестящие зубы чужих обнажались, когда твари открывали рты - то ли в зловещей улыбке, то ли показывая, что голодны...

Людей принесли в какую-то огромную пещеру и бесцеремонно бросили на пол. Высокие стены уходили вверх, во тьму. Все помещение напоминало преисподнюю.

Мать и отец Пола встали рядом с сыном, родители Ребекки подошли к ней, словно таким образом они могли защитить своих детей от участи, которая может ждать их в подобном месте. Джудит приблизилась к Джейсону Чёрчу.

- Ты защитишь нас? - спросил он дрожащим испуганным голосом.

Девушка казалась бледной во мраке пещеры, освещаемой лишь светом, просачивающимся сквозь трещины высоко в потолке.

- Только если они атакуют.

Люсиан Чёрч расплакалась.

- Но они же уже атаковали! - воскликнула она. - Разве ты не в состоянии их убить?

- Я буду защищать вас так, как могу. Однако, скорее всего, я не нанесу им существенного урона - они сразу же меня остановят.

На какое-то время чужие отступили назад, но теперь приближались снова, вытянув вперед свои ужасные лапищи.

Пол понял, что положение их безнадежно: чудовищ слишком много. Юноша в страхе начал оглядываться по сторонам; в поисках выхода, но никакого пути к спасению не было. Трещины высоко над головой, казалось, были сделаны там специально для того, чтобы еще больше поиздеваться над пленниками. Сквозь них в пещеру попадал тусклый свет из Рая, который находился так далеко...

Вокруг стоял смрад, шипели чудовища, и людям, как предполагал Пол, предстояло стать инкубаторами для маленьких чудовищ, испытать еще одну ужасную пытку перед мучительной смертью. Пол начал терять сознание, ему стало плохо от ужасного зловония. Он подумал о том, что, если ему все-таки удастся отсюда выбраться, он никогда не забудет этот ад и то, что иногда человек попадает в такие ситуации, когда у него остается только одно - надежда. И ничего больше.

Пол Чёрч наконец заснул, и ему приснилось, что солнце внезапно потухло и во всех известных человеку мирах наступила вечная тьма.

Глава 15

Креспи раздевался, чтобы лечь спать, но в этот момент в дверь его каюты позвонили.

- Кто там? - спросил он.

- Лейтенант МакГиннесс, сэр.

- Минутку.

Креспи снова быстро натянул брюки и, секунду поколебавшись, надел и рубашку. Он уже забыл про то, что ему приснилось, но голос МакГиннесс напомнил ему об увиденном.

Полковник застегнул рубашку и провел рукой по волосам.

- Заходите, - пригласил он.

МакГиннесс вошла в каюту. Она сейчас выглядела совсем не так, как в его сне: ее волосы были аккуратно зачесаны назад, лицо - усталым и невыспавшимся. Однако Креспи чувствовал себя неловко, даже встречаясь с ней взглядом.

Он вспомнил об ее упругой груди у себя в руке, о том, как она работала языком...

"Черт побери!" - выругался про себя полковник.

Он прекрасно понимал, что увиденное им во сне только осложнит ситуацию, потому что им придется прояснить ряд моментов, связанных с доктором Чёрчем, поставить точки над "i". Учитывая то, что она занялась поиском секретов из чисто личных соображений и, естественно, не в состоянии полностью исключить эмоциональный подход к делу, ему, скорее всего, придется отдать вполне определенный приказ, напомнить ей, что он является старшим по званию, а она обязана подчиняться. Креспи взял себя в руки и спросил официальным тоном:

- Что случилось, лейтенант?

- Я нашла один очень важный факт относительно Чёрча и...

- Как и я, МакГиннесс. - Креспи улыбнулся ей, надеясь, что она выслушает его и поймет. - Я только что провел шесть часов, наблюдая за доктором Чёрчем в работе. Хочу заметить, что этот человек гениален. Исследования, которыми он занимается здесь, поразительны, они дадут новый толчок развитию науки.

МакГиннесс нахмурилась.

- Но...- начала она.

Креспи перебил ее, понимая, что она никак не может или не хочет вникнуть в суть:

- Я знаю, что у вас есть личные мотивы, но Чёрч - истинный профессионал в своем деле. С этой минуты я запрещаю вам шпионить за ним. Вы поняли меня?

Лейтенант оставалась спокойной и ответила Креспи ровным голосом:

- Сэр, мне удалось подключиться к системе слежения станции. Последние восемнадцать часов я не выпускала Чёрча из виду, а также наблюдала за тем, как вы вместе с ним проводили вскрытие чужого...

Креспи вздохнул. Придется проявить твердость, безапелляционно приказать ей прекратить копаться в чужом грязном белье, может, даже ограничить ее доступ к основной системе станции. Полковнику очень не хотелось быть с ней суровым, потому что МакГиннесс ему нравилась...

"Она даже очень нравится тебе, не правда ли?" - спросил внутренний голос.

Но с этим надо кончать. Чёрч пытается открыть дверь в сферы, граничащие с мистикой. Это прорыв в науке, новаторство, обычному человеку невозможно представить...

Его размышления прервал резкий и одновременно просящий тон МакГиннесс:

- Выслушайте меня! Он играет с вами, сэр! Изучение чужих - это только малая часть того, чем Чёрч занимается здесь. Потребности станции в энергообеспечении не совпадают с реальным потреблением электроэнергии.

Вы понимаете меня? Различия в цифрах колоссальные. На борту "Безымянной" есть что-то, что использует одну треть суммарного электропитания, необходимого для функционирования всех служб станции, включая лабораторию, в которой содержатся чужие.

Ее слова не сразу дошли до его сознания. У Креспи было такое ощущение, словно сквозь него медленно, но верно пропускают электрический ток. Он еще пытался воспротивиться, не хотел верить МакГиннесс:

- Но то, над чем работает Чёрч, должно послужить...

МакГиннесс покачала головой:

- На борту есть какая-то скрытая ото всех лаборатория. Она очень крупная. И Чёрч не хочет, чтобы вы узнали, чем он там занимается. Он специально попытался увлечь вас изучением чужих, чтобы сбить со следа. Взгляните вот на эту распечатку, здесь собраны все данные.

Неужели подобное возможно? Креспи почему-то вспомнил странные улыбки Чёрча, несколько необычные объяснения, даваемые доктором во время вскрытия, отход от темы, уклончивые ответы, комплименты...

Креспи отвернулся от МакГиннесс и закрыл глаза. Интуиция подсказывала ему, что женщина права. А Креспи всегда доверял своей интуиции. Черт побери!

"Чёрч что-то скрывает. И ты это знаешь!"

Да, Креспи это знает.

Может быть, и скрывает. Может быть.

Полковник посмотрел на МакГиннесс, терпеливо ожидающую его ответа. Он чувствовал неуверенность, но МакГиннесс была честна с ним, а Чёрч уже несколько раз соврал - по крайней мере, в отношении человеческих жертв на "Безымянной". Если Чёрч постарался специально увлечь его исследованием чужих, чтобы он перестал думать о том, что еще может делаться на станции, как считает МакГиннесс, то Креспи должен, просто обязан во всем разобраться.

Она говорит, что есть доказательства. Значит, все, что она утверждает, - правда.

Внезапно Креспи испытал холодную ненависть к Чёрчу и теплое чувство благодарности к этой женщине, стоящей перед ним.

- МакГиннесс, вы - отличный солдат, - сказал он. - А вы знаете, где расположена эта таинственная лаборатория?

Она почувствовала, как груз свалился у нее с плеч. МакГиннесс слегка расслабила плечи, напряжение во всем ее теле стало спадать, лицо разгладилось.

- Думаю, да, сэр. Я считаю, что на том же этаже, что и лабиринт, в котором содержатся чужие, рядом с лабораторией "К". На планах она отмечена как лабо

ратория "G-0". Именно туда поступает тридцать процентов всей электроэнергии, потребляемой станцией. Чёрч велел установить там три двери с двойными кодами

доступа. Никакая информация из этой лаборатории не поступает в основную систему станции.

"А это означает, что только один Чёрч может войти туда", - пронеслось в голове у Креспи.

- Называйте меня Тони, - с отсутствующим видом сказал Креспи. - Хорошо, вы меня убедили. Как нам туда попасть?

МакГиннесс натянуто улыбнулась.

- У Чёрча имеется пластиковая карта с кодами, - объяснила она. - Если нам удастся ее заполучить, то я смогу с помощью программы дешифровщика выяснить

нужные коды. Я видела, как он оставлял ее у пульта управления в своем кабинете.

- А где сейчас находится сам Чёрч? - спросил Креспи.

- Принял какие-то таблетки. Наверное, снотворное. Должно быть, уже отключился.

Креспи сделал глубокий вдох.

- Вы можете добраться до этой пластиковой карты, лейтенант?

- Меня не пропустит биосканер. Придется вам.

Креспи не бросился сразу же в центральную лабораторию. Короткий миг абсолютной уверенности прошел. Он начал колебаться, хотя и понимал, что должен действовать. Если МакГиннесс говорит правду, у него нет выбора. Причем сделанный им в таком случае выбор означает, что исследованиям Чёрча придется положить конец, потому что доктор занимается чем-то настолько незаконным, что командование на Земле даже отдаленно не представляет, в какой сфере лежат его интересы. К тому же Чёрч специально принимает меры, чтобы это скрыть. Креспи понимал, сколько времени и усилий потратил доктор на изучение телепатических способностей чужих, а теперь оказывается, что все это было зря, потому что командование на много лет наложит запрет на эксперименты подобного рода. К ним долго нельзя будет приступить, если, конечно, вообще их когда-то позволят начать снова.

А если его поймают и МакГиннесс лжет...

"Ты скоро узнаешь ответы на все вопросы", - сказал внутренний голос.

Креспи заговорил быстро - так, что одно слово набегало на другое. Он старался выглядеть гораздо спокойнее, чем чувствовал себя на самом деле, прилагая усилия, чтобы взять себя в руки; правда, это у него не очень хорошо получалось:

- Оставайтесь здесь, лейтенант. Я сейчас вернусь. Если что-то случится, воспользуйтесь моей персоналкой или переговорным устройством.

МакГиннесс молча кивнула. Полковник повернулся и вышел, пока еще не успел изменить своего решения.

После того как за Креспи закрылась дверь, Мак-Гиннесс вздохнула, опустилась на неубранную кровать и легла. Последние два дня показались ей такими бесконечно длинными, что она чувствовала полное истощение. От постельного белья исходил чисто мужской запах, который напомнил ей о времени, проведенном с Дэвидом. Пахло мылом, чистым телом, а также чем-то, что отличало именно Тони...

МакГиннесс закрыла глаза и грустно улыбнулась. "Для тебя, лейтенант, это полковник Тони", - подумала она. Она все еще любила Дэвида. Она еще не готова начинать отношения с другим мужчиной, прошло слишком мало времени, да и следует до конца выяснить то, что происходит на станции. Может быть, после выполнения этого задания она и Тони...

"По крайней мере, можно попросить его называть меня Шэрон".

Женщина села в постели, улыбаясь своим мыслям. Сейчас не время и уж точно не место. Она посмотрела на часы на стене, слушая, как они отстукивают секунды, и пожелала удачи полковнику Тони. Она ему определенно потребуется.

Креспи быстрым шагом прошел к лифту, поднялся на нужный этаж и вышел в незнакомый коридор. Он нервничал. Пока ему еще не доводилось появляться на этаже, где находились комнаты Чёрча, хотя вход сюда ему не был воспрещен. Личный пульт управления доктора находился в самом центре станции, к нему примыкали практически все наиболее важные лаборатории.

"Расслабься, - приказал себе Креспи. - В этот час здесь никого не должно быть".

Вот именно: все еще спят. Креспи чувствовал себя идиотом, пробираясь украдкой, как вор. Он не должен ничего бояться, в особенности если Чёрч на самом деле что-то скрывает, потому что у Креспи есть право, даже обязанность, докопаться до правды. Полковник распрямил плечи. Он находился в самом конце коридора, несколько ступенек вели вверх и заканчивались у двери.

Креспи остановился перед тяжелой бронированной дверью и снова почувствовал беспокойство. Он пожалел, что не взял с собой автомат. Конечно, мало вероятно, что он ему потребуется, но без оружия Креспи чувствовал себя несколько неуютно. А что, если...

"Хватит сослагательного наклонения! - сказал внутренний голос. - Ты еще спроси себя, а что будет с тобой, если Чёрч сейчас стоит за дверью с гранатой, из которой уже вынута чека? Забирай эту чертову карту и возвращайся назад в каюту".

Креспи нажал большим пальцем на специальную вогнутую пластину и стал ждать, когда сработает биосканер. Через несколько секунд дверь открылась, и Креспи оказался в небольшом помещении перед второй дверью.

Свет горел очень тускло. Полковник начал понемногу расслабляться и ругать себя за то, что вел себя как идиот. Он широкими шагами направился ко второй двери, открыл ее и оказался в практически погруженной в темноту комнате. Слабый свет проникал сюда сквозь стену из оргстекла, установленную в дальнем конце огромного помещения. За ней находилось что-то среднее между кабинетом и лабораторией, а свет, как заметил Креспи, шел от нескольких работающих там мониторов.

Взгляд Креспи упал на центральный письменный стол, заваленный многочисленными листами с отпечатанным на них текстом и пустыми бумажными стаканчиками, из которых пили кофе. Среди этого беспорядка на клавиатуре маленького персонального компьютера лежала пластиковая карта, размером с человеческую ладонь.

Полковник подошел к столу, взял карту и сунул ее в свой нагрудный карман.

"Ну, ты убедился? - спросил внутренний голос. - Она оказалась как раз там, где и должна была быть. Ты спокойно сделал все, что хотел: никакой суматохи, завываний сигнализации, вооруженных десантников, появляющихся словно ниоткуда и приказывающих положить на место то, что тебе не принадлежит".

Креспи велел своему внутреннему голосу заткнуться и повернулся, чтобы выйти из помещения.

МакГиннесс вычленил нужный код, и они попадут в тайную лабораторию Чёрча, раскроют секреты, которые доктор так тщательно пытается скрыть.

Внезапно что-то заставило, Креспи повернуться и посмотреть назад в темноту. Откуда-то потянуло отвратительным запахом. Может, кто-то из техников забыл в столе то, что жевал в рабочее время, и еда начала гнить, потому что определенно пахло гнилью. Креспи решил, что ему следует найти этот источник зловония и выкинуть разлагающиеся продукты...

"Нет!!! Не может быть!" - пронеслось у него в голове.

Прошло уже столько лет с тех пор, как ему пришлось столкнуться с чужими в пещере, но он все равно узнал

их запах. Креспи застыл на месте. Он не видел и не слышал никакого движения нигде в темноте, но его внутренний голос панически кричал:

"Спасайся! Спасайся! Надо бежать! Черт побери, чего ты ждешь?!"

Полковник внезапно почувствовал тепловую волну, исходящую сверху, потом что-то капнуло ему на плечо. Креспи медленно поднял голову, внутри у него все сжалось, сердце упало...

Висевший над ним чужой завопил... и прыгнул.

Глава 16

Креспи отпрянул назад, в надежде, что чудовище не приземлится ему на голову. Полковнику удалось удержать равновесие, а чужой опустился на четвереньки в метре от него, оскалив ужасные зубы.

Тварь шипела. Она поднялась на задних лапах и вытянула вперед одну огромную блестящую черную переднюю. Чудовище двигалось, подобно молнии, оно тут же схватило Креспи за рубашку и отбросило его назад к стене из оргстекла.

Стекло оказалось старым и хрупким. Креспи почувствовал, как оно крошится на мелкие кусочки под тяжестью его веса и осколки разлетаются во все стороны.

Он вылетел в соседнюю лабораторию. Креспи пронзила острая боль, но у него просто не было времени думать о ней. Он мгновенно вскочил на ноги и, качаясь и падая, бросился бежать, ломая голову над тем, где бы найти хоть какое-то оружие. Чужой в ярости взвыл и погнался за ним.

"Ну хоть бы что-то попало, ну хоть бы шомпол", - пронеслось в голове у Креспи.

Он не мог позволить себе оглянуться назад, потому что знал, что увидит там улыбающееся лицо смерти, с вытянутыми вперед лапами и лязгающими зубами из нержавеющей стали...

Креспи пронесся мимо нескольких привинченных болтами к полу стульев и письменных столов. Помещение стало шире, и он увидел за углом небольшой электромагнитный генератор. Это была портативная модель, провода шли от него к нескольким скрытым от взгляда Креспи розеткам.

"Только бы он был включен, - молился Креспи. - Боже, только бы он был включен".

Внезапно боль пронзила лодыжку: нога попала в одну из металлических распорок, он, к сожалению, заметил ее слишком поздно. Креспи с грохотом упал на пол, чувствуя, что чужой находится прямо за ним.

Но это падение спасло его. Как оказалось, тварь была всего в нескольких сантиметрах позади и перелетела через Креспи, не в состоянии вовремя притормозить. Когда чудовище попыталось остановиться при помощи передних лап, чтобы повернуть назад, его когти врезались в пол, оставляя глубокие следы.

Чужой определенно хотел вырвать сердце из груди Креспи и сожрать его.

Полковник заметил на письменном столе баллончик с аэрозолем, схватил его, повернулся и прыснул в морду чудовищу, когда то уже готово было прыгнуть на него. Из баллончика вырвалось облако тумана и полетело в надвигающегося чужого. Чудовище закричало от боли и в ярости отпрыгнуло назад, отчаянно пытаясь скрыться. Креспи вскочил на ноги, крепко держа в руках баллончик. Его ладони вспотели. Полковник бросился к генератору, даже не оглядываясь на все еще приходящего в себя чужого и понимая, что тот через несколько секунд будет снова готов к атаке.

Креспи чувствовал, как по его израненному лицу текут струйки теплой крови и попадают в рот. Он сплюнул кровавую слюну.

"Только бы он был включен! Только бы он был включен", - молился Креспи.

Он видел перед собой лишь портативный генератор, до которого теперь оставалось всего несколько метров.

Пульт управления находился в самом низу, на уровне пола. Креспи, не колеблясь, бросился вперед, упал, проехал на животе и дернул на себя крышку.

Чужой остался в двух метрах позади, шипел и готовился к прыжку. От отчаяния и безысходности Креспи заорал что-то нечленораздельное. Крышка пульта управления открылась. Креспи нажал на первый попавшийся рычаг, даже не взглянув на него, молясь, чтобы он оказался как раз тем, который требуется.

Чудовище прыгнуло. Креспи воспринимал происходящее, как в замедленной съемке. Он вырвал из розетки ближайший к себе шнур и направил в морду чужому, одновременно снова нажав на баллончик с аэрозолем.

На конце шнура появилась яркая искра, от которой зажглось вещество, вылетевшее из баллончика. Создавалось впечатление, что баллончик выбрасывает языки пламени, словно печь для сжигания мусора, только миниатюрных размеров. Чужой отпрянул назад, но не успел: загоревшееся вещество окутало его вытянутую блестящую голову и покрыло ее, словно слоем смолы.

Чудовище орало диким голосом, отступало назад, пытаясь своими лапами каким-то образом отмахнуться от горящего вещества. Креспи понял, что у него есть секунда, может, даже меньше, на то, чтобы генератор заработал на полную мощность.

Он бросил взгляд на пульт управления и увеличил подачу питания, нажав на зеленую кнопку.

"Это последняя секунда моей жизни, если генератор не успеет..."

Генератор загудел, потом издаваемый им звук усилился, стал громче, мощнее.

Чужой отшатнулся назад, поднял свои омерзительные лапищи к дымящейся голове и вопил, вопил, вопил...

Через несколько секунд он без сознания свалился на пол.

Креспи сделал глубокий вдох и прислонился к генератору. Полковник слишком устал и был потрясен случившимся, чтобы двигаться, думать, вообще что-либо делать. Он мог только дышать. Вопли чудовища все еще эхом отдавались у него в ушах. Где-то рядом послышался шум бегущих ног, громкие человеческие голоса.

Креспи поднял к глазам таинственный баллончик, который все еще держал в руках, и тупо прочитал то, что было написано на этикетке. Это оказался лак для волос. Лак для волос, черт побери!

Полковнику хотелось расхохотаться, но он боялся открыть рот, опасаясь впасть в истерику. Он понимал, что находится именно на грани истерики и что если даст себе волю, позволит расслабиться, то будет или смеяться, или рыдать и долго не сможет остановиться.

В комнату вбежал молодой человек в кепке, в которых обычно играют в бейсбол. Вслед за ним появился второй. Они оба были в форме электриков.

- Что... - начал первый, а потом узнал его: - Полковник Креспи?!

У молодого человека было бледное лицо, на лбу появились капельки пота. Он явно смутился при виде полковника.

Второй электрик увидел чужого на полу, и его лицо стало мертвенно-бледным. Он с благоговением посмотрел на Креспи.

- Неужели еще один сбежал? - в ужасе спросил второй электрик.

Парень в кепке уже бросился к переговорному устройству и говорил так быстро, что одно слово набегало на другое:

- Стокдейл, еще один чужой находится в помещении с частотным предкорректором. Чудовище без сознания, но я считаю, что все равно следует прислать сюда целую команду в защитных костюмах в полном вооружении.

"В защитных костюмах и полном вооружении? - переспросил про себя Креспи. - Но что, черт побери, этот монстр здесь делал? И как он тут оказался?"

Второй электрик, коренастый блондин, все еще в удивлении смотрел на Креспи округлившимися от удивления голубыми глазами.

- Как вы... Как вам удалось...- пробормотал он, качая головой.

- Вы - везучий человек, сэр, - сказал первый.

"Да, я везучий".

Креспи поднял трясущуюся руку, провел ею по лицу, почувствовал там уже начавшую засыхать кровь. Он понял, что получил только минимальные повреждения. Правда, на спине царапины, видимо, были значительно глубже и больше, потому что она довольно сильно ныла, и Креспи засомневался, сможет ли он ходить на следующий день.

Но он жив. Чужой повержен, а Креспи вышел победителем. Спасся, хотя и был на краю гибели. Но важен результат.

Шоковое состояние постепенно проходило, мысли начали фокусироваться, несмотря на боль и смятение внутри. Все случилось так быстро и так неожиданно.

Кто-то знал, что его здесь ждет. Тот, кто послал его сюда умирать.

Креспи сделал шаг по направлению к выходу, потом еще один. Его качало, но он все равно упорно шел к себе в каюту, не обращая внимания на крики электриков, которые советовали ему пока не двигаться. Полковник резко распахнул дверь в коридор с единственной мыслью в голове. Он точно знал, что должен теперь сделать.

"Проклятая сука". Он убьет ее.

Глава 17

МакГиннесс с готовностью подняла глаза, когда дверь в каюту открылась. Она очень надеялась, что Креспи удалось раздобыть необходимую карту с кодами. Он отсутствовал гораздо дольше, чем она предполагала. Женщина уже начала беспокоиться. Внизу живота появилась тупая боль нехорошего предчувствия.

Креспи остановился в дверях. МакГиннесс, испытав огромное облегчение, тут же спросила:

- Вы нашли ее, сэр?

Она резко замолчала, как только слова вырвались у нее из горла, заметив, что он только что с кем-то подрался: его одежда была порвана в нескольких местах, по суровому лицу стекали струйки крови. Она уже снова открыла рот, чтобы поинтересоваться, все ли с ним в порядке, но не успела, потому что он пересек комнату широкими шагами, направляясь прямо к ней. В последнюю секунду она успела понять, что он не собирается останавливаться.

Креспи схватил ее за плечи, его пальцы больно врезались в ее тело сквозь одежду.

- Что вы делаете?!

Он схватил ее за горло и начал душить.

"Что, черт побери, могло там произойти?" - пронеслось в голове у МакГиннесс.

Креспи был в ярости, он говорил тихим голосом, в котором слышалась ненависть:

- Вы послали меня туда на верную смерть, не правда ли? Отвечайте, черт побери!

МакГиннесс с трудом хватала ртом воздух и вцепилась ногтями в его ладони, железными тисками сжимающими ее горло.

- Что вы... Остановитесь немедленно! Мне больно!

Его глаза почернели от гнева:

- Вам будет еще больнее. Я убью вас...

Он еще сильнее сжал ее горло. В глазах у МакГиннесс потемнело. Она теперь практически не могла говорить. Женщина задыхалась:

- Нет... не надо... вы убьете меня...

Креспи внезапно отпустил ее. МакГиннесс упала на пол, жадно хватая ртом воздух. Ей казалось, что слова Креспи доносятся откуда-то издалека:

- Вы подставили меня, МакГиннесс! Предательница! Мне следовало бы убить вас.

МакГиннесс проползла на четвереньках метра два или три и попыталась встать.

- Нет,- прошептала она и закашлялась.

Ей было очень больно, и она силилась понять, что же произошло в лаборатории, почему Креспи пришел в такую ярость.

- Нет,- повторила она.

МакГиннесс подняла глаза на полковника. Наверное, он увидел по ее лицу, что она невиновна, но все равно продолжал сурово и зло смотреть на нее. Она еще никогда в жизни не видела человека в такой ярости.

Наконец Креспи прекратил кричать и заявил относительно спокойным тоном:

- Мне следовало бы пристрелить вас прямо на месте. Проклятый чужой атаковал меня.

МакГиннесс не верила своим ушам. Неужели Креспи решил, что это она подслала к нему чудовище?!

- Нет, - снова прошептала она, понимая, что произошло. Ответ четко выкристаллизовался у нее в мозгу: - Это был Чёрч. Должен был быть Чёрч.

- Но вы сами сказали мне, что он спит, - заметил Креспи.

МакГиннесс покачала головой, чувствуя беспомощность. Она была поражена, удивлена, шокирована.

- Может, перед тем как заснуть...- начала она и тут же замолчала.

"Карта!" - пронеслось у нее в мозгу. У нее осталась последняя надежда.

- А вы нашли пластиковую карту? - обратилась она к Креспи. - Дайте ее мне, и я докажу вам, что права.

МакГиннесс наконец поднялась на ноги. Боль в горле стала тупой. Она чувствовала, как часто бьется пульс у нее на шее. Женщина протянула руку и ждала, опасаясь, что Креспи вновь набросится на нее или, хуже того, просто откажется ей верить.

Он нахмурился. МакГиннесс понимала, что он пы-ается принять решение, разобраться в сложившейся ситуации. На его покрытом запекшейся кровью лице юявилась неуверенность, что совсем не вязалось с его эвыми чертами.

Креспи достал пластиковую карту из нагрудного кардана. МакГиннесс протянула за ней руку, но Креспи к отпуская карту, неотрывно смотря прямо в глаза МакГиннесс холодным суровым взглядом.

- У вас есть только один шанс, лейтенант, - сказал он.

- Я докажу вам, что не ошиблась. Я докажу. Клянусь.

Креспи наконец отдал ей пластиковую карту. МакГиннесс почувствовала легкое облегчение. Она точно знала, что может доказать Креспи свою невинность, теперь у нее не осталось выбора - она просто обязана докопаться до истинных фактов. Женщина повернулась к двери, не желая терять ни минуты.

- Пойдемте в лабораторию "К", - позвала она. - Чёрча, несомненно, поставят в известность о случившемся, и он будет нас искать.

В этот момент Чёрч казался ей гораздо страшнее, чем любой из чужих, потому что, если он выпустил одного из своих чудовищ, когда Креспи оказался там, где ему не следовало быть, невозможно даже предположить, что он сделает, узнав, что полковник остался жив.

Креспи взял свой автомат, по выражению его лица теперь нельзя было понять, что он думает. Они вышли в коридор и направились на нижний этаж станции. МакГиннесс пожалела, что у нее нет с собой оружия, но времени возвращаться к себе в каюту не было, а Креспи точно не согласился бы ее подождать.

МакГиннесс крепко держала в руках пластиковую карту, боясь выронить ее, пока они бежали по петляющим коридорам к лифту, который должен был доставить их к секретной лаборатории.

Женщина понимала, что это ее единственный шанс. Если она ошиблась и никакой тайны здесь нет, то ее ждут очень большие неприятности.

Креспи следовал за МакГиннесс по тускло освещенным коридорам. Все его тело ныло. Он давно не испытывал такой боли - уже много-много лет. Его качало из стороны в сторону. Он был не уверен в себе, периодами его охватывала ненависть, более сильная, чем физические страдания.

Однако хуже всего было то, что теперь он не знал, кому можно доверять. Казалось, что все его инстинкты умерли, интуиция больше не срабатывала, тот тихий внутренний голос, который всегда подсказывал ему, по какому пути идти, сейчас молчал. Он не верил даже себе самому, страшно устал,

у него все болело и не было сил искать ответы на вставшие перед ним вопросы. До этого он верил МакГиннесс, но теперь получается, что он ошибался?

МакГиннесс сказала, что может доказать то, на чем она настаивает. И вот он идет за ней, не исключено, что к своей смерти от ее предательских рук... или рук Чёрча. Или ему предстоит снова встретиться с чужим, плюющим на то, что думают люди, не знающим, что такое надежда, утрата или страх. Чужих не беспокоит то, что волнует людей: что ты стареешь, не можешь разобраться в происходящем вокруг, в том, кто тебе врет, а кто говорит правду...

"Последнее самое ужасное, не так ли? - подумал он. - И я все еще не смог забыть то, что произошло на Солано. Мне кто-то словно дал в займы время, чтобы еще пожить".

Внезапно все встало на свои места: воспоминания, гетущее беспокойство, которое не покидало его с момента пробуждения после анабиоза. Он понял, что всегда подспудно знал: ему придется заплатить за то, что он один спасся после той схватки в пещере. Раньше это ощущение сидело где-то глубоко внутри него, и он старался запрячь его еще глубже, с головой окунувшись в работу. Но когда он оказался на этой проклятой станции, оно всплыло наружу, оно ждало его за каждым поворотом, отказываясь быть загнанным в угол. После этого ужасного утра на астероиде он быстро пошел вверх - сделал себе успешную карьеру, многого добился, но в глубине души оставалось чувство, что он не заслужил того, что получил. Он точно знал, что за дарованную ему жизнь когда-то придется заплатить.

И вот он здесь, на "Безымянной", пытается докопаться до каких-то секретов. Он удивился тому, что, хотя он столько лет старался отогнать от себя вину и страх, теперь они его больше не пугают. Если он должен заплатить за прожитые годы, то почему бы не сделать это сейчас, раз представляется такая возможность. Может, человек умирает тогда, когда отчетливо понимает, что пришло его время, а отпущенный ему срок истек. Креспи оставался в живых, пока не осознал этого. К тому же внутренний голос замолчал, казалось, навсегда - а это тоже еще одно подтверждение того, что пробил его час. Тогда почему бы не отказаться от борьбы прямо сейчас и не доставлять больше никому никаких неприятностей?

Креспи очень устал, в голове пробежали беспорядочные мысли, путаясь одна с другой и насмехаясь над ним. Он приказал себе перестать думать и постарался сконцентрироваться на том, чтобы не отстать от МакГиннесс.

После бесконечных тускло освещенных коридоров и поворотов, они наконец остановились в самом конце нижней палубы перед массивной металлической дверью, на которой не висело никаких табличек. Коридор был очень грязным, похоже, его не мыли несколько лет, однако дверь оказалась отполированной и блестела. На ней не было ни одной ручки, к ней не был прикреплен биосканер, рядом не стояло никаких охранников, но она казалась абсолютно неприступной. Лишь с одной стороны виднелось небольшое отверстие для пластиковой карты.

МакГиннесс говорила сама с собой:

- Сюда не попасть, если не знаешь кода, а у нас как раз с собой нужная карта... Вводим ее...

Креспи увидел синяки, оставленные его пальцами у нее на щеке, и почувствовал себя виноватым, потом подумал, должен ли он испытывать чувство вины - она на самом деле действовала искренне или нет?

Креспи не знал ответа на этот вопрос.

"Может, это и есть момент расплаты, полковник. Он пришел".

У Креспи внезапно появилось желание выстрелить себе в голову, чтобы заставить мозг замолчать и прекратить издеваться над ним. Полковник засмеялся. Смех получился похожим на лай, в нем не было ни юмора, ни веселья. Как бы Чёрч отреагировал, узнав о том, что великий Креспи покончил жизнь самоубийством в припадке ненависти к самому себе после того, как одержал победу над могущественным "драконом" при помощи баллончика с лаком для волос? МакГиннесс нервно посмотрела на него, он покачал головой и жестом попросил ее продолжать.

"Надо держаться. Осталось совсем немного", - попытался он успокоить сам себя.

МакГиннесс вставила пластиковую карту в отверстие, нахмурилась, нажала на какую-то кнопку.

Дверь открылась. Прямо за ней оказалась еще одна.

МакГиннесс в точности повторила процедуру. Это пришлось сделать дважды, прежде чем открылась вторая дверь.

Перед ними была последняя дверь. Креспи взвел автомат и был готов в любой момент нажать на спусковой крючок. Он не сдастся просто так. Если придется умереть, то он погибнет с оружием в руках, не отступит без борьбы.

Третья тяжелая дверь наконец распахнулась. Креспи и МакГиннесс обдало холодным и влажным воздухом. Они оказались в секретной лаборатории Пола Чёрча.

- Нет!!! - прошептала в ужасе МакГиннесс. Одно это слово, казалось, впитало в себя весь кошмар и невероятность того, что открылось их взорам.

Креспи сделал шаг вперед, на мгновение забыв о взведенном автомате, забыв обо всем, однако теперь, по крайней мере, он знал правду.

Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что Пол Чёрч выжил из ума. Его состояние безнадежно, он никогда не станет нормальным человеком.

Глава 18.

МакГиннесс оглядывалась вокруг широко раскрытыми глазами, но не могла полностью вникнуть в суть, потому что ее мозг отказывался принимать то, что видели глаза. - Нет, нет, нет, нет...- шептала она, не узнавая свой голос.

Женщина не верила тому, что видела. Креспи молчал. Его лицо превратилось в маску. Он еще раз за этот день испытал шок.

Они стояли в маленькой лаборатории, по размеру гораздо меньшей, чем те, в которых им уже доводилось бывать. Правда, она была достаточно большой, чтобы вместить человек сто...

"Или тридцать четыре", - подумала МакГиннесс. Эту цифру подсказала ей память. Женщина понимала, что истерика готова прорваться наружу, что в любой момент у нее из горла вырвется дикий смех - такой, какого можно ждать только от сумасшедшего, а этот хохот, в свою очередь, очень быстро перейдет в крик, леденящий душу...

В лаборатории стояли обычные столы, мониторы, клавишные панели, в разных местах валялись какие-то бумаги, многочисленные провода вели к высоким вертикальным резервуарам. В этих резервуарах пузырилась какая-то вязкая жидкость. МакГиннесс отвернулась от них, потому что ее мозг был не готов воспринять и переварить ужасы, находящиеся внутри, недоступные для нормального человека. На ближайшем к ним столе слева скрючился труп без головы. Когда-то это был коренастый мужчина. Из каждого отверстия в его теле выходили какие-то трубки и провода. Труп стоял на коленях, его сморщенный пенис нависал над прикрепленной проволокой чашей, как бы закрывающей в футляр мошонку. На том месте, где когда-то была голова, находилась металлическая пластина с несколькими переключателями и многочисленными крохотными лампочками, горящими белым светом, то включающимися, то выключаящимися. Спина и грудь трупа были покрыты темными волосами и множеством шрамов, большинство из которых определенно появились на теле недавно, потому что все еще оставались ярко-красными. В верхней части спины кожа была разорвана, и из тела на несколько дюймов вверх торчали две одинаковые блестящие кости - в том месте, где должны были быть лопатки.

На соседнем столе находилось еще одно тело без головы, его живот надулся, как у беременной, но внутри, похоже, был совсем не человеческий зародыш. Кожа прорвалась в нескольких местах, потому что не выдержала этого раздувания. В месте разрывов наружу проглядывали красные блестящие мышечные ткани. Здесь также периодически включались и выключались маленькие белые лампочки, и подсоединялись какие-то провода. Несмотря на то что существо, по всей вероятности, было беременно, представлялось невозможным определить пол фигуры. У нее не было ни груди, ни гениталий, а вся грудная клетка представляла собой одну сплошную рану.

На подносе между столами находились шприцы, скальпели и ручной лазерный резец, а также небольшой мигающий монитор и клавиатура. МакГиннесс подошла поближе, не в состоянии удержаться. Эти ужасы притягивали ее, словно в кошмарном сне. Она хотела выяснить, зачем здесь понадобился монитор.

От двух когда-то живых существ пахло калом и желчью. МакГиннесс остановилась напротив монитора, прочитала то, что было там напечатано, и застонала, издав звук глубокого отчаяния и безнадежности, рожденный болезненным отвращением и пониманием происходящего у нее перед глазами.

Компьютер регистрировал пульс безголовых существ. Они были живы!!!

МакГиннесс отшатнулась назад, продолжая стонать. Она чуть не упала в обморок, у нее возникло непреодолимое желание бежать от этих неумерших омерзительных гадостей куда-то далеко-далеко... Ей внезапно стало очень холодно.

Креспи стоял рядом. Он обнял ее и крепко прижал к себе. Она пыталась сопротивляться, била кулаками ему в грудь, смутно осознавая, - что эти ужасные нечеловеческие вопли на высоких тонах - крики ужаса и панического страха, - звеневшие у нее в ушах, вырываются из ее же собственного горла!

Креспи что-то говорил, но она не разбирала слов, только неотрывно смотрела на жуткий резервуар у него за спиной, с обнаженным телом внутри, идущую пузырями вязкую жидкость, странную, пораженную какими-то новообразованиями и опухолями розовую плоть, отходящую от тела во все стороны, подобно отвратительного вида щупальцам, плавающим в вязком растворе... Креспи что-то говорил, опустив свое мертвенно-бледное лицо к ее лицу:

- ...на меня! Посмотри на меня!

В этот момент она наконец встретилась с ним взглядом, увидела его темные глаза, полные страха, отчаяния и... понимания того, что она была права.

- Лейтенант! Шэрон! Ты должна взять себя в руки! Ты понимаешь меня? Должна!

Она снова встретилась с ним взглядом, увидела, что теперь он ей безоговорочно доверяет, сглотнула и пробормотала:

- Я... хорошо. Да, я понимаю. Хорошо.

Креспи отпустил ее и начал изучать ее лицо. Его взгляд был нежным. МакГиннесс глубоко вдохнула воздух.

- Я все поняла, - сказала она, сама не уверенная в том, что имела в виду, однако Креспи кивнул в ответ.

Они вместе начали медленно продвигаться по лаборатории, напоминавшей больше комнату ужасов или склеп, в котором выставлены напоказ герои кошмарного сна. У них у обоих к горлу подступала тошнота. Они не могли идти быстрее, чем передвигали ноги от одного ужасного экспоната к другому. Здесь были представлены видоизмененные, правильнее будет сказать, мутированные эмбрионы чужих, уже после вскрытия. К каждому была прикреплена бирка. В холодильнике лежал целый набор человеческих конечностей. В холодном влажном воздухе смешались запахи странного гниения, присущего чужим, человеческих фекалий и -используемых в лабораториях дезинфицирующих средств.

Лаборатория имела форму буквы "L". МакГиннесс и Креспи находились у самого ее начала. Женщине страшно хотелось убежать отсюда, как можно дальше и как можно скорее, но она понимала, что они должны увидеть все, что здесь находится, и задокументировать эти извращения перед тем, как их уничтожить. Эти - люди? - на самом деле не были живы, потому что не внутренние органы, а машины прокачивали кровь и кислород сквозь их тела, создавая иллюзию жизни, заставляя их каким-то образом функционировать.

МакГиннесс решила, что большинство экспонатов поступили сюда уже мертвыми, а восстановление жизнеспособности тканей не было ничем новым. Ей больше всего хотелось узнать, почему Чёрч занимался этим. Безусловно, он сошел с ума, но безумие - слишком слабое слово, чтобы объяснить то, что предстало перед ее и Креспи глазами.

"Существуют ли слова для описания увиденного нами? Есть ли в каком-либо языке мира средства, которые можно было бы применить в данном случае?" - думала МакГиннесс.

Они миновали еще четыре стола. Три из находящихся без движения фигур оказались с головами, хотя у каждой из них недоставало по крайней мере одной конечности. Их кожа была поцарапана и изрезана рубцами, без всяких на то оснований - с точки зрения Креспи и МакГиннесс. Это определенно были трупы мужчин и женщин, но тела оказались настолько искажены и перестроены, что мало напоминали человеческие. К тому же к каждому были подсоединены какие-то темного цвета приспособления - переключатели? рычаги? - проглядывающие сквозь разрезы на коже.

- О Боже! - прошептал Креспи.

МакГиннесс услышала его и повернулась. Она заметила, что его внимание привлёк один из резервуаров в углу лаборатории. Казалось, что Креспи сейчас стошнит. Он был потрясен увиденным. В резервуаре находилось мужское тело, полностью обнаженное, светлые волосы окружали бледное, израненное лицо, которое почти не сохранилось - целыми остались только округлившиеся от ужаса и неверия глаза.

Лейтенанта Мортенсона, как выяснилось, не выбросили за борт в погребальном мешке.

Креспи не потерял сознание только потому, что очень устал. Он потратил много сил на борьбу с чужим в кабинете Чёрча. Он уже успел насмотреться сюрреалистических кошмаров, которые могут лишь привидеться в страшном сне, так что ужасы тайной лаборатории Чёрча только дополнили картину, встали в ряд других мерзостей, наполняющих эту проклятую станцию.

Тем не менее Креспи чувствовал, что находится на грани срыва. Истерика МакГиннесс помогла сдержаться ему самому: надо было успокаивать женщину. Когда кто-то требует от тебя внимания и заботы, невольно забываешь о себе.

Креспи рассмотрел все, что окружало их в этой страшной лаборатории. Он не мог отвести взгляда от резервуаров, несмотря на то что его мозг отвергал увиденное.

Чёрч, несомненно, болен, психически нездоров. Креспи попытался найти причины, разобраться в том, зачем Чёрчу нужно было проводить эти изуверские эксперименты...

"Влияние телепатина на рефлексы или что-то в этом роде? Выделение эндорфина?"

Не исключено. Но таким образом все равно нельзя объяснить эти ужасные новообразования на коже, опухоли в совсем не подходящих местах, отсутствие конечностей, все извращения в заполненных вязким раствором резервуарах.

- О Боже, - произнес Креспи тихим, хриплым голосом. Он ужасался увиденным, он не знал, что делать, приходил в отчаяние.

Мортенсон был подвешен в большой ванне, его невидящие глаза - широко открыты, к бледному обнаженному телу вели многочисленные трубочки и про- вода. Вокруг него медленно пузырился раствор, ударяясь о его побитое тело. Жидкость поднималась до самой груди, а потом ее уровень падал - и она снова начинала подниматься от уровня ступней вверх.

Креспи оцепенел, потом отвернулся и задрожал. Рядом стояла МакГиннесс, ее холодные пальцы прикоснулись к его шее.

Полковник закрыл глаза, потом кивнул.

- Давай закончим здесь и тогда уйдем из этого ада, - сказал он.

МакГиннесс взяла его за руку, и они быстрым шагом направились в конец лаборатории, повернули направо и оказались в помещении меньшего размера, заставленном мигающими мониторами.

Периодически попискивая, работали компьютеры. Здесь были только машины. Креспи подумал с облегчением, что тут нет ничего, кроме этих компьютеров, никаких ужасов, значит, они могут уходить. Они уже достаточно посмотрели. .

Внезапно он заметил в дальнем конце комнаты еще одну дверь, точно такую же, как три стальные у входа, которые они открыли при помощи пластиковой карты с кодами. Эта дверь блестела в свете ламп и была слегка приоткрыта. Рядом с ней находилось нечто странное, что никак не укладывалось в мозгу у Креспи...

Полковник подошел поближе, остановился, даже не почувствовав, как МакГиннесс отпустила его руку. Креспи принялся изучать это новое извращение.

Из дальней стены торчали голова и верх туловища мужчины. Его окружало множество проводов, на голову был надет металлический шлем, к которому подсоединялся монитор, расположенный на уровне глаз. От монитора к шлему шел длинный шланг, извивавшийся подобно змее. У молодого человека отрезали конечности: куски плоти свисали в том месте, где его грудь прикреплялась к стене. Плоть чем-то прижигали, потому что она в тех местах оказалась черного цвета.

Лицо показалось Креспи знакомым, только он никак не мог вспомнить, где же он его видел. Губы были разжаты, обнажали ровные зубы и застыли в какой-то зловещей вечной улыбке. Когда-то светлые волосы потемнели и покрылись пылью, крупные пряди волнами спадали на лоб. Даже после смерти (а он, несомненно, был мертв - есть там пульс или нет) не возникало сомнений, что этот мужчина когда-то был красив...

За спиной Креспи послышался тихий нечеловеческий вой. Полковник резко дернулся и повернул голову. МакГиннесс стояла с искаженным от страдания и боли лицом, в глазах отражалась мука. Она неотрывно смотрела на получеловека и кричала, кричала, кричала...

- Что? Что случилось? - не понял Креспи. Он дотронулся до ее руки. Страдание и боль в ее глазах в этот момент почему-то напугали его больше, чем все увиденное ранее.

МакГиннесс упала ему в объятия и стала неистово хвататься за него, она то царапала его, то прятала в его одежде свое лицо, повторяя два слова, снова и снова:

- Это Дэвид! Это Дэвид!

Глава 19.

Снотворное сработало даже слишком хорошо, поэтому Чёрч еще не успел полностью прийти в себя, когда бежал по коридору к лаборатории.

Разбудил его техник, сообщивший, что из вольера сбежал еще один чужой и что чудовище обнаружили в центральной лаборатории. Полковнику Креспи удалось его нейтрализовать. А это означало, что Креспи знает гораздо больше, чем ему следует, а сторожевой пес - вернее, сторожевой чужой - не смог остановить полковника. Несколько месяцев назад Чёрч специально установил своего рода сигнализацию: дверца одного из вольеров автоматически открывалась, если в центральную лабораторию заходили непрошенные гости. Ему уже довелось воспользоваться ею несколько месяцев назад, когда Дэвид начал задавать лишние вопросы...

Чёрч пришел к очевидному выводу, что Креспи удалось открыть секрет, который доктор с успехом скрывал от всей станции на протяжении вот уже трех лет. Даже Тавес не знал о происходящем, хотя, как считал Чёрч, у адмирала давно зародились кое-какие подозрения. Тавес, конечно, в курсе, что Чёрч интересуется химией, но вот как он использует свои знания и какие проводит эксперименты, адмирал не догадывался.

Доктор вздохнул и одну за другой открыл все двери. Очень жаль, что все произошло именно так, а ведь он ждал от Креспи гораздо большего, возлагал на него надежды. Полковнику в общем-то следовало подождать приглашения, а так он может подумать о Чёрче самое худшее...

Чёрч оглядел лабораторию, проверяя, все ли на месте. По крайней мере, никто ни к чему не прикасался. Подопытные находились в очень уязвимом состоянии: одно движение - и химические показатели изменятся, на исправление ситуации уйдут недели, не исключено, что в таком случае будут искажены конечные результаты и окажется, что весь эксперимент проведен зря. Чёрчу совсем не хотелось лишиться результатов своей работы.

Тишину лаборатории пререзал душераздирающий крик. Он шел из дальнего ее конца и казался исключительно громким. Несомненно, это не Креспи. Чёрч снова вздохнул. Это та женщина. Мак... как ее там?

Доктор пошел на звук. Он был раздражен. МакГиннесс - наконец вспомнил он ее фамилию. А она-то что здесь делает? Если бы она пыталась докопаться до секретов, не подключая Креспи, сама вломилась бы в центральную лабораторию, ничего подобного не произошло бы. Она бы точно не справилась с чужим.

"Не надо нервничать, - приказал Чёрч сам себе. - Я просто не выспался. Ситуация не безнадежна. Еще можно убедить Креспи быть разумным".

Завернув за угол, Чёрч увидел их обоих - женщина крепко схватилась за бледного Креспи и снова и снова повторяла имя Дэвида.

Чёрч молча наблюдал за ними несколько секунд, стараясь оценить нанесенный лаборатории урон. Конечно, без соответствующих объяснений его эксперименты могут показаться весьма странными. Потребуется говорить долго и убедительно. Нужно было как-то начать.

- Он не чувствует боли, - тихо сказал доктор. - Как раз наоборот.

Они оба повернулись с безумными лицами. ("Вот бы их сейчас заснять на видеопленку", - пронеслось в голове у Чёрча.) И Креспи, и МакГиннесс смотрели на него так, словно ожидали увидеть саму смерть с косой, явившуюся за ними. Их глаза округлились, рты были открыты. Они казались испуганными и пораженными. Когда они поняли, что перед ними стоит невысокий пожилой ученый, выражение их лиц изменилось, появились злость и готовность к борьбе.

"Так, так, что мы сейчас сделаем?"

Женщина отреагировала первой. Она закричала нечеловеческим голосом - словно от гнева и боли - и бросилась к Чёрчу, определенно намереваясь разорвать его руками и зубами.

- Я убью вас! - заявила она.

- Нет, не убьете,- ответил Чёрч.

Хотя она была безоружна, она набросилась на него, готовая выцарапать глаза. Его очки слетели на пол. Чёрч успел подумать: "Только бы не разбились".

Доктор схватил МакГиннесс за горло и резко приподнял над полом. Ему не хотелось делать ей больно, но он же не мог просто стоять тут, давая ей бить себя и царапать, когда требовалось столько всего обсудить.

- Отпусти ее немедленно, подонок, и ложись на пол, - послышался властный голос Креспи.

Полковник нацелил на него автомат. Плечи Креспи напряглись. По его внешнему виду можно было понять, что он претворит в жизнь свои намерения, если ему не подчинятся.

МакГиннесс извивалась в руках Чёрча, как трепыхается муха на булавке. Ее ноги болтались в воздухе, она все время норовила его ударить, однако уже явно ослабевала. Чёрч чувствовал частое биение ее пульса. Она жадно хватала ртом воздух.

- Креспи, скажите ей, чтобы вела себя подобающим образом, - обратился Чёрч к полковнику, думая о том, что если МакГиннесс сейчас задохнется, то его задача здорово осложнится.

- Отпустите ее и ложитесь на пол!

По крайней мере, больше не называет его подонком. И то слава Богу. Ну и выражения выбирает полковник.

МакГиннесс уже практически прекратила сопротивляться. Чёрч отпустил ее и оттолкнул от себя. С ней не случилось ничего страшного, и теперь она просто лежала на полу, пытаясь привести в норму дыхание.

- Ложитесь! Немедленно! - орал Креспи, размахивая своим автоматом.

- Пожалуйста, не думайте, что можете мне приказывать, - спокойно заметил Чёрч.

- На пол!

Лицо Креспи побагровело. Чёрч видел, что полковник скоро сломается. Пришло время пуститься в объяснения, но Креспи был еще не в состоянии слушать и воспринимать, скорее всего, пока он держит в руках этот автомат, он вообще не поймет ни слова из того, что собирается сказать Чёрч.

- У вас интересная модель, - сказал доктор, кивая на автомат в руках Креспи. - Я могу взглянуть поближе?

Чёрч сделал шаг вперед и вырвал оружие из рук Креспи, а потом сразу же быстро отошел, пока разозленный полковник еще не осознал, что случилось. Руки Креспи остались в том же положении, в котором держат автомат, готовясь к стрельбе, он еще возмущался неповиновением Чёрча, не в силах совладать с собой.

И снова эти выражения лиц, которые стоит заснять для потомков! Гнев переходит в удивление.

МакГиннесс стоит на коленях. На ее лице испуг. Креспи смотрит на свои руки, ему кажется, что автомат просто растворился в воздухе, он не понимает происходящего...

Чёрч внимательно оглядел оружие, ему пришлось прищуриться, потому что он плохо видел без очков.

- Какая забавная игрушка... Неплохо сделано. Это японская модель?

Чёрч надавил на короткий ствол и согнул его. Доктору потребовалось всего несколько секунд, чтобы на самом деле превратить орудие убийства в никчемную игрушку: автомат с согнутым стволом никогда уже не будет стрелять. Чёрч устал, а физическое усилие еще отняло энергии.

Креспи так и стоял с открытым ртом.

- Вы... вы - не человек, вы - искусственно созданная особь!

Чёрч улыбнулся и отдал Креспи теперь негодный для стрельбы автомат, затем наклонился к полу, ища очки.

- Нет, я - настоящий человек. Правда, мне было сделано несколько имплантаций, но, за исключением их, я - абсолютно естественный экземпляр.

Чёрч увидел, что очки валяются в метре от него, слева, и с радостью отметил про себя, что линзы остались целы. Доктор взял их в руки, протер и быстро встал.

Надев очки, Чёрч снова посмотрел на Креспи. Полковник заслуживает объяснения, и не исключено, что он внимательно выслушает доктора. Женщина - безнадежна, она вообще похожа на истеричку.

- Вы нашли то, что искали? - спросил Чёрч, помолчал и добавил: - Только вы не знаете, что именно вы нашли.

МакГиннесс тоже медленно поднялась на ноги. По ее лицу текли слезы.

- Вы...- она откашлялась,- вы убили...

Чёрч покачал головой:

- Нет, я его не убивал. Я никого не убивал.

Креспи бросил свою игрушку на пол, подошел к женщине и обнял ее. Они оба поразились его ответу, его уверенному отрицанию, и теперь с осторожностью и неверием во взглядах смотрели на него.

Прошло уже много времени с тех пор, как он вообще кому-то рассказывал эту историю - наверное, несколько десятилетий, но даже тогда он кое-что выпускал, заявляя, что не помнит всего случившегося. Военные врачи, психиатры, сотрудники компании, в которой работали его родители и он сам, - все хотели знать о том, что произошло с ним, не исключено, что мечтали испытать то, что

выстрадал он. Неужели им было недостаточно их спокойных жизней, в которых не было места ужасу, и они, глупцы, хотели чего-то из ряда вон выходящего?

Чёрч кое-что открыл Дэвиду, пытавшемуся понять его, но в конце концов стало ясно, что Дэвид не может воспринять всей глубины исследований. А теперь Чёрчу снова придется рассказать все, наверное, в последний раз в жизни, для того, чтобы его новый помощник - Креспи - вник в суть работ, проводимых Чёрчем.

Доктор внезапно осознал, что хочет рассказать все, даже те части, которые он так старательно пытался забыть - прилагал немало усилий, чтобы вычеркнуть их из памяти, но у него ничего не получилось. Он устал от одиночества, от страшных снов и воспоминаний, которые не мог ни с кем разделить.

Не исключено, что Креспи даст ему договорить до конца и услышит в его словах не высказанную вслух мольбу и поверит в него. Полное принятие, конечно, невозможно, но сделать попытку все равно необходимо...

Почему бы и нет?

Вот именно, почему бы и нет. Чёрч откашлялся и через несколько секунд начал говорить.

- Конечно, нельзя рассчитывать на то, что вы поймете все, что видите здесь, пока не знаете ряда фактов из моей биографии, так что, пожалуйста, постарайтесь сдерживаться, чтобы я спокойно мог рассказать вам то, что мне довелось пережить.

Чёрч помолчал несколько секунд и продолжил:

- Наш корабль назывался "Инкунабула". Мы летели на нем лет сорок тому назад. Мои родители занимались освоением новых миров: старались сделать их пригодны ми для обитания человека. Экипаж состоял всего из нескольких человек, с нами также следовали трое пассажиров, которые планировали остаться на одной недавно колонизированной планете. Нас было десять человек. Мы должны были сесть на небольшой планете, чтобы забрать какой-то пакет из базы данных станции. Планета была настолько маленькой, что даже не имела названия - только номер. Кстати, ей до сих пор не дали имени, она все еще значится на всех картах под тем же самым номером, правда, несколько лет назад ее заселили...

Чёрч улыбнулся, вспоминая о первых минутах на той планете. Он тогда назвал ее про себя Раем...

Доктор потряс головой, пытаясь отделаться от ненужных воспоминаний.

- Говорят, что теперь там очень неплохо, но у меня никогда не возникало желания вернуться туда. Я очень любил своих родителей, а вместе с остальными членами экипажа мы составляли одну семью. Я родился в космосе, впервые оказался на Земле только в шесть лет, мои детство и юность прошли в космических кораблях, на планетах и астероидах, осваиваемых по программе "Генезис". Конечно, несколько необычно для молодого человека, но мне нравилась такая жизнь.

Чёрч снова улыбнулся:

- Сейчас мне трудно поверить, что тогда мне было двадцать лет. Только двадцать...

Он закрыл глаза на несколько секунд. На него нахлынули воспоминания. Случившееся сорок лет назад очень четко всплыло из глубин памяти. Он был готов все пережить заново: момент наступил.

Чёрч раскрыл глаза и рассказал им все...

Глава 20

Когда чужие приблизились к ним, Пол внезапно заметил, что на полу пещеры лежат какие-то маленькие существа, похожие на пауков. У них были длинные, извивающиеся хвосты, точно такие же, как у гигантских ящеров, но тут сходство заканчивалось...

Люсиан и Джейсон Чёрч стояли рядом с сыном, пытаясь заслонить его и готовые первыми отдаться в лапы чудовищ. Ребекка тихо плакала, ее полный отчаяния голос заглушало шипение предвкушающих наслаждение чужих.

Одна тварь схватила Эмиса Джохансона. Человек в ужасе закричал, когда вторая нижняя челюсть чужого выдвинулась вперед и медленно провела ужасающими зубами по покрытой щетиной щеке Эмиса. Отвратительное существо зашипело и швырнуло Джохансона на пол.

После этого чудовище опять медленно вытянуло вперед свою черную лапищу с огромными когтями и схватило Джохансона за волосы, резко дернуло и вырвало довольно большой клочок. Человек прикоснулся рукой к кровоточащей голове и отшатнулся.

Чужой какое-то время изучал клочок волос, оставшийся у него в когтях, потом бросил их на пол и наклонил свою вытянутую мерзкую голову в сторону, словно наблюдал за тем, как волосы разлетаются по грязному липкому полу.

"Зачем..." - подумал Пол, но не успел закончить мысль, потому что вперед выступил еще один чужой и вырвал юношу из-за спин его родителей. Отец и мать что-то кричали, пытаясь удержать сына. Он тоже кричал, понимая, что это конец и ему придется умереть первым...

Чудовище просунуло одну острую, воняющую какой-то гадостью лапу в открытый рот Пола и начало исследовать язык. Пол подавился и попробовал откинуть голову назад, но чужой крепко схватил его за затылок, продолжая свои исследования.

Зловоние пещеры Пол еще как-то выдерживал, но отвратительно пахнущая лапа, исследовавшая его рот, переполнила чашу терпения... Пола вырвало. Наполовину переваренная пища, смешавшаяся с желчью, залила пальцы чудовища и начала скатываться на пол пещеры.

Чужой наклонил голову в сторону и отпустил Пола, потом поднес испачканную рвотой лапу к своим блестящим зубам, зашипел и отступил.

Один за другим чужие выходили вперед, дотрагивались до людей, ощупывали и обнюхивали их, касались одежды. О подобном поведении этих особей не доводилось слышать никому из членов маленького экипажа. Существа из ночного кошмара исследовали их, и этот осмотр казался людям более ужасным, чем мгновенная смерть. Улыбающиеся, мерзкие чудовища занимались изучением людей в своем зловонном логовище.

- Ребекка! - послышался дикий крик Квентина Кларка.

Пол повернулся на звук и увидел, как Кларк с отчаянием пытается высвободиться из крепко сжимающих его лап чужого. Мать Ребекки лежала на полу без сознания.

За девушку дрались два чудовища. Одно из них держало ее за руки и издавало какие-то низкие, зловещие звуки. Второе ухватило за ногу Ребекки и тянуло ее на себя. Его отчаянные вопли смешались с криками боли и ужаса Ребекки.

Джудит бросилась вперед - наконец-то заложенная в ней программа была активизирована - и схватила чудовище за лапу, тянущую к себе ногу девушки.

Послышался ужасающий звук ломающейся кости и разрываемых мышц. Оба чужих отшатнулись назад, что-то вопя среди криков умирающей Ребекки. Из того места, где только что была нога, хлынула кровь. Девушка издала последний крик, кровь пошла с новой силой, а потом Ребекка осталась лежать без движения: ее сердце остановилось.

В этот момент начали кричать все люди. Молясь и рыдая, Люсиан Чёрч прижимала к себе сына. Луиза Кларк пришла в сознание, и они вместе с мужем предприняли попытку добраться до своей дочери.

Джудит схватил один из наблюдающих за происходящим чужих, а затем то чудовище, которое она пыталась остановить, подняло с пола оторванную ногу Ребекки и начало бить ею Джудит. Джудит не была запрограммирована на подобное. Она остановилась, из ее тела брызнул состав, по внешнему виду напоминающий молоко, и смешался с кровью Ребекки Кларк. Джудит упала, ее руки все еще пытались кого-то ударить, к ней подскочил третий чужой и отшвырнул ее в сторону.

- Все - назад! Отойдите назад! - внезапно закричал Тейлор, поднимая руку.

Он держал в ней что-то черное и большое. Это оказалась граната. Пол с ужасом наблюдал за тем, как Тейлор бросился к самой большой группе визжащих чужих. В сердце Пола было ощущение невозможной потери, отчаяние, безнадежность... Он молча стоял на месте, пока отец не сгрел его и не бросил на залитый кровью пол, закрывая своим дрожащим телом.

Последовал взрыв, тело Джейсона Чёрча дернулось. Грохот на несколько секунд заглушил крики чудовищ. Пол в эти секунды молился Богу, если он все-таки существует, чтобы граната убила всех чужих...

Чёрч грустно улыбнулся, вспоминая:

- Убило только двух чудовищ. А это было все равно что ничего.

Доктор покачал головой, у него в мозгу звучал грубый голос сильного, резкого в суждениях и не умевшего действовать в обход члена экипажа. Чёрч словно ощутил его присутствие в лаборатории.

- Тейлор... - вспомнил Чёрч. - Боже, как он любил свои сигары...

Но это не относилось к делу. Чёрч вздохнул, с неохотой заставил себя забыть о Тейлоре и продолжал:

- После взрыва фанаты чужие не стали терять времени. Нас разделили. Меня отвели в самую глубь пещеры. По пути я увидел, что произошло с экипажем того, второго корабля...

Пол прекратил сопротивляться, когда понял, что это все равно бессмысленно. Он боролся, пока были силы, но чужой, державший его в своих лапах, упорно шел дальше по тускло освещенным, отвратительно пахнущим коридорам пещеры.

Юноша позволил чудовищу нести себя дальше и начал оглядываться по сторонам в поисках хоть какого-нибудь выхода. Если где-то и был проем, Полу не удалось его заметить. Создавалось впечатление, что пещера пробита в твердой скале с одним-единственным лазом - тем, сквозь который они туда попали.

Хотя его нос заложило и из него постоянно текло, потому что Пол не прекращал плакать, он тем не менее все время ощущал зловоние пещерного воздуха. Теперь, когда они повернули в следующий коридор, этот запах еще усилился.

Когда-то давно, несколько лет назад, Пол вместе с родителями обнаружил тело контрабандиста во время одной из своих запланированных остановок. Труп оказался наполовину присыпан землей. Его застрелили: в спине виднелось отверстие от пули. Определенно его прикончил кто-то из жадных товарищей, не желавших делиться добычей. Контрабандист погиб за несколько месяцев до того, как на планете приземлились Пол и его родители. Труп отвратительно пах. Зловоние, в котором как бы смешались прогорклость и тухлость, долго не забывалось. Запах в пещере походил на то, как вонял труп контрабандиста, правда, здесь запах казался усиленным во сто крат. Пол сквозь слезы огляделся по сторонам, но не увидел никаких трупов.

Внезапно с потолка что-то капнуло. Юноша поднял голову вверх и весь сжался при виде ужасной картины. Он пытался взять себя в руки, но не мог. От этого ужаса хотелось орать нечеловеческим голосом. Пола тошнило. Он был на грани потери сознания.

Под потолком висело около дюжины людей. Их обнаженные тела распухли, рты были открыты, словно они пытались кричать, но никаких звуков из глоток не вырывалось. Там были как женщины, так и мужчины. Их головы и конечности странным образом вплелись в придуманный чудовищами узор. Это была гротескная картина, живая шпалера, созданная извращенцами. Эти люди не умерли, но и не были живы. Правда, некоторые уже отправились на тот свет - и отвратительный запах исходил от их разлагающихся трупов, из которых на пол периодически капала жидкость.

"Их используют как инкубаторы, - пронеслось в голове у Пола. - Ах, вот почему нас не убили сразу же. Нас ожидает та же участь".

Чудовище потащило его дальше. В некоторых местах люди висели под потолком так низко, что их члены задевали волосы юноши, холодные мертвые пальцы касались его щеки. Пола отнесли в самую последнюю подземную комнату и бесцеремонно бросили к голой дальней стене. Рядом стояла лужа какой-то зеленовато-серой жидкости. Мутная слизь кишела непонятными личинками, но Пол даже не задумался над тем, для чего они предназначены и зачем их вообще здесь разводят. Он не мог отвести взгляд от свисающей с потолка плоти, потерял способность думать и делать какие-то предположения. Он находился в полном оцепенении.

Юношу привязали к стене толстыми веревками - точно такими же, как и те, что составляли паутину под потолком. Его руки закрепили над головой, одну ногу подняли вверх, а вторую оставили на полу. Чужой издавал какие-то звуки, отдаленно напоминающие чириканье, - может, смеялся таким образом? Привязав Пола, чудовище повернулось и оставило его одного - ломать голову над тем, что ждет его в ближайшем будущем.

Прошло несколько часов. Единственными звуками, доносившимися до Пола, были удары капель об пол - той жидкости, что падала сверху, с разлагающихся трупов, и периодические тихие постанывания давно потерявших сознание людей-инкубаторов.

Миновал еще час, и еще один, и еще. Пол потерял счет времени. Тусклый свет, проникавший в пещеру сквозь трещины в потолке, померк, стало совсем темно, потом он появился вновь - наверное, за стенами пещеры наступил новый день. Пол какое-то время просто кричал, потом заснул.

Проснувшись, вновь издал нечеловеческий вопль. Но ничего не изменилось. Все оставалось по-прежнему.

Откуда-то издали доносились крики других людей, рыдающих и умоляющих о чем-то. Потом и они прекратились. Теперь Пол не мог честно ответить себе на вопрос, волнует ли его судьба других или нет: наступил такой момент, когда его вообще перестало что-либо волновать. Его глаза и нос разъело ужасающее зловоние, два чудовища разорвали любимую девушку у него на глазах на части, а потом ему показали то, что в дальнейшем ждет его самого...

Когда чужие наконец появились, Пол не знал, был ли в состоянии точно определить, что именно он испытывает. Две черные тени прошли вперед, мимо свисающей сверху паутины, прямо к нему. Пол с ужасом посмотрел на них и попытался собраться с мыслями...

"Они пришли убить меня?"

Пол улыбнулся и расхохотался. Он приветствовал чудовищ незнакомым ему самому голосом - каким-то высоким и визжащим. Наконец-то наступит облегчение...

Он старался облечь свои мысли в слова, но у него ничего не получалось. В голове была такая же тьма, как и вокруг его тела. То, что он вообще еще жив, это... Он попытался найти нужное слово, чтобы описать невероятность того, что он продержался столько часов. Чудо! - наконец осенило его. Это чудо, что он еще жив" И Пол начал благодарить чудовищ за то, что они наконец пришли за ним. Он хотел умереть, он не мог больше оставаться здесь, в этом аду. Он кивал им головой и что-то бормотал, его уши не узнавали звуков, вырывавшихся из его рта. Наконец-то он получит освобождение, его глаза перестанет разъедать, тело прекратит ныть от боли, и он будет спать, спать вечно и больше не увидит никаких кошмаров... Он ошибся.

- Они пришли меня покормить, - тихо сказал Чёрч. - Один чужой запустил свою морду в свисающий с потолка труп, а потом направился ко мне, накрыл мой рот своим и попытался затолкать мне в глотку сгнившую плоть. Они хотели, чтобы я жил по крайней мере хоть какое-то время... Процесс кормления был прерван ужасным воплем, я никогда не предполагал, что человек может издать подобный звук, и никогда больше не слышал ничего похожего на тот крик - ни до, ни после. Крик можно было назвать человеческим только потому, что он вылетел из глотки мужчины - Квентина Кларка, правда уже потерявшего к тому моменту человеческий облик. Еще один чужой притащил его в ту часть пещеры, где держали меня. Кларк продолжал кричать. Его губы заливала кровь от порванных голосовых связок. Он сошел с ума от увиденного и пережитого в этом зловонном аду.

Чёрч вздохнул, вспоминая пережитое, и продолжил свой рассказ:

- Кларк лишился одной руки до локтя, вокруг обрубка была затянута какая-то тряпка: кто-то пытался наложить жгут. На месте шинки была огромная дыра. Лохмотья, заляпанные кровью, и куски оторванной плоти свисали во все стороны. Квентин Кларк не переставал кричать, даже когда они склонили его голову к луже зеленовато-серой слизи и заставили ее пить. Они опустили его голову в эту жидкость с личинками, потом каким-то образом приклеили его голову к стене. Он продолжал кричать все это время. Он кричал и после того, как они ушли, несколько часов подряд, пока наконец не охрип полностью и мог издавать лишь какие-то звуки, напоминающие кудахтанье курицы. Тогда я попытался проглотить свой язык.

Чёрч замолчал, грустно улыбнулся и посмотрел на мертвенно-бледные лица своих слушателей, не произносивших ни слова.

- Как вы можете догадаться, мне это не удалось. Я не знаю, почему чужие оставили меня в живых и почему меня отделили от моих родителей и друзей. Не исключено, что и всех остальных держали изолированно друг от друга: я просто не в курсе. Наверное, я был последним, на ком они ставили свои эксперименты. Я так и не понял, что они хотели от нас. Наверное, мне не удастся этого понять никогда... Я выжил, потому что у меня не было другого выбора, правда, на некоторое время я как бы переместился в другое измерение: потерял связь с реальностью. Я не уверен, сколько времени это продолжалось: наверное, много дней. Мой разум просто отключился...

Пол уловил рядом какое-то движение, внезапно почувствовал острую боль, потом закололо в другом месте, еще в одном, слишком во многих, чтобы человеческий разум мог сосчитать количество болевых

точек. Юноша застонал, потому что его затекшие члены заныли, словно кричали в возмущении. Полу казалось, что в них одновременно втыкают тысячи иголок. Его грубо подняли с пола огромные лапищи.

Пол открыл глаза. Перед ним в луже слизи лежал мертвый мужчина. Его тело раздуло до невероятности. Пол подумал, что ему доводилось когда-то видеть этого человека, только он не мог никак вспомнить, где именно.

"Он наконец перестал кричать, - пронеслось в голове у юноши. - Наконец перестал кричать..."

- Кларк, - пробормотали губы Пола, однако он никак не мог вспомнить, что же означает это слово.

Державший Пола чужой потащил юношу от лужи и от трупа, куда-то в вечную тьму.

В новом помещении, куда его принесли, чувствовалось какое-то движение. Пола опустили на грязный липкий пол. Он лежал, скорчившись, и слушал какие-то новые звуки в этом новом месте - кто-то что-то сосал и чавкал.

Внутри у Пола словно раздался щелчок.

Он устало поднял голову и мигнул. Ему уже долгое время снились какие-то странные сны - о корабле, кричащем Квентине Кларке, опускающем голову в лужу...

"Да он же на самом деле кричал, - вдруг вспомнил Пол, - и никак не мог остановиться. Это же 'был не сон...'"

Пол понял, что находится в полном сознании. Ему это совсем не понравилось. Он не хотел ничего понимать. Теперь все всплыло в памяти. Наверное, он отключился на какое-то время, а потом вернулись чужие, сняли его со стены и принесли сюда...

Пол огляделся вокруг и увидел странные яйцевидные углубления в высоких стенах. Юноша прополз несколько метров на коленях, потом попытался подняться на ноги и заметил, что рядом сгрудились огромные черные чудовища. Они наблюдали за извивающейся человеческой фигурой - женщиной, раздутой до невероятных размеров. Ее руки были привязаны к полу, она уже ослабла от боли, от которой у нее периодически передергивало все тело.

Пол понял, что оказался в их родильной пещере. Родить должна была Луиза Кларк.

Глава 21

Чужие не обращали на него никакого внимания. Они окружили стонущую женщину и переговаривались на своем непонятном языке, издавая звуки, напоминающие чириканье и шипение. Пол остолбенел, увидя происходящее, в ужасе он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он в полном бессилии наблюдал за тем, как одно из чудовищ приблизилось к женщине и нежно опустило свою огромную лапищу на ее голый, раздутый до необычайных размеров живот. Чудовище погладило его и сорвало с тела женщины остатки одежды. Пол увидел растянутую до предела кожу.

"Я должен что-то сделать, чтобы хоть как-то помочь ей", - пронеслось в голове у Пола.

Он весь задрожал. Ему так хотелось снова потерять сознание и провалиться в пустоту. Он понимал, что все равно ничем не в состоянии ей помочь.

В животе Луизы Кларк началось какое-то движение, словно палец двигался под одеялом, сшитым из человеческой кожи. Луизу всю передернуло, ее спина выгнулась, рот открылся, чтобы закричать, но из горла не вырвалось ни звука, она только резко вдохнула воздух.

Ее глаза открылись и остановились на лице Пола. Она смотрела ему прямо в глаза одну бесконечно долгую секунду, показавшуюся ему вечностью. Он никогда не видел ни на чьем лице такой муки и боли.

"Боже, она знает, что происходит, - пронеслось в голове у Пола. - Она осознает, что сейчас должно случиться!"

Луиза мотала головой из стороны в сторону по грязному полу, на котором лежала. Ее движения становились все более неконтролируемыми, в раздутом животе что-то шевелилось, готовое вырваться наружу. Ее рот снова открылся, и на этот раз она на самом деле закричала, причем так, что у Пола чуть не лопнули барабанные перепонки. В ее крике смешались боль, предсмертная агония и осознание ужаса происходящего.

Ее живот разорвало, вверх начала бить фонтаном кровь, вылетали куски каких-то тканей. Она продолжала кричать, пока была жива. Ближайший к Луизе Кларк чужой запустил лапу в ее пульсирующее тело и вынул оттуда крошечного паразита...

Луиза Кларк умерла с открытыми глазами. Она выполнила свое предназначение - то, что выбрали для нее прыгающие вокруг чужие. Они достали из тела Луизы еще два ужасных существа, испачканных кровью женщины. Взрослые твари возбужденно шипели, держа в лапах маленьких, пока еще слабых,

корчащихся детенышей. Новорожденные чужие отличались от пауко-подобных созданий, которых Пол видел ранее в этой же пещере. Они были более вытянутой формы, чем-то напоминали угрей. "Наверное, те, похожие на пауков существа, были первой ступенью эволюции, - пронеслось в мозгу у Пола, и тут ему в голову ударила страшная мысль, заставившая содрогнуться: - Она ведь родила тройню!"

Юношу вырвало. Он удивился этому: он уже давно не принимал пищи, а все, что было съедено на корабле, вылетело из него в первый час в этой пещере. Теперь из горла полезли куски окровавленной плоти. Увидя ее и почувствовав ее запах, Пол весь содрогнулся, и из него снова пошла рвота.

Чужие не обращали на него никакого внимания. Они начали кричать, причем злобно и сердито. Пол поднял голову. Ощущение рвоты до сих пор оставалось у него в горле. Ему было плохо, и он боялся лишиться рассудка, а поэтому, в страхе, не смог мгновенно вникнуть в происходящее.

Новорожденные умирали. Двое уже совсем перестали двигаться, а меньше чем через минуту и третий издал набый писк и тоже прекратил дышать.

Детеныши были мертвы.

Чужие продолжали кричать, их вопли эхом отдавались в пещере с высокими стенами. Чудовища были азъярены. Внезапно Полу показалось, что в их голосах тышится что-то еще, не только гнев...

Разочарование? Отсутствие веры в свои силы?

Страх?

Что-то определенно было не так.

- С того дня я держал глаза и уши открытыми, впитывая любую информацию, которая могла бы помочь мне спастись. Я поклялся себе, что найду способ бить их всех. В стае появилась какая-то болезнь, и кие оказались ей подвержены. Я понял, что мне "обходимо найти ее причину, а потом каким-то обра-ом использовать свои знания... Я поклялся себе, что выживу, стану самым ужасным врагом чужих, таким, какого они еще никогда не встречали на своем пути. Я до сих пор не знаю, зачем меня тогда водили в родильную пещеру. В тот день, по правде говоря, меня это совсем не волновало. Я знал одно: я жив и намеревался найти способ, как не погибнуть в этом аду, да и вдобавок ко всему заставить тварей пожалеть, что они не прикончили меня первым.

Чёрч внимательно посмотрел на молча слушавших его Креспи и МакГиннесс и продолжил свой рассказ:

- Когда меня вели из родильной пещеры, я внимательно оглядывал все, что попадалось на моем пути. Я увидел то, что находилось там и раньше, но на что я в панике не обратил внимания в предыдущие дни, - в пещере лежало много мертвых и разлагающихся трупов чужих. В каждом углу были горы маленьких паукоподобных паразитов. Их тела буквально устилали пол. Рядом с ними находились подобные угрям новорожденные - точно такие же, как те, что родила Луиза. Некоторые взрослые особи вели себя не так, как остальные, - они делали все, как в замедленной видеосъемке, а значит, были поражены какой-то непонятной болезнью. Они с трудом передвигались, вяло поднимали и опускали свои лапищи, по их телам иногда пробегали судороги. Меня отвели в новое помещение, и я увидел там то, что осталось от Хьюетта и Джохансона. Они были еще живы, но уже не могли узнать меня.

Чёрч замолчал, вспоминая округлившиеся и выпученные глаза членов экипажа, широко открытые рты, пустые выражения лиц. Доктор потряс головой и снова заговорил:

- Меня подвели к еще одной зловонной луже, но я не стал ждать, пока чудовища заставят меня выпить из нее слизь. Я сделал огромное усилие над собой и сам опустил лицо к этой мерзости, притворяясь, что с готовностью пью. Я надеялся, что если буду в точности выполнять их желания, то со мной не сделают того, что превратило членов экипажа в существ, лишь отдаленно напоминающих людей. Избранная мной тактика с самого начала оказалась правильной. Успех пришел сразу же: если мне удавалось предугадать желания чужих, они не издевались надо мной. А мои друзья уже не могли о себе позаботиться.

Чёрч снова замолчал. Креспи и МакГиннесс совсем не требовалось знать, как он кормил двух умирающих мужчин, как переносил в своем рту безымянных, извивающихся паразитов и перекладывал в их рты, как наблюдал за лицами Хьюетта и Джохансона с идиотскими выражениями и улыбками, когда они проглатывали этих паразитов...

- Так что, когда я видел, что чудовища занимаются чем-то, в чем я мог им помочь, я обязательно принимался за работу, всячески показывая, что не намерен создавать им лишних проблем. Вскоре чужие перестали стеречь меня так, как вначале: мне предоставили относительную свободу действий. Я принялся обследовать место, в котором находился. Я собрал пробы органических веществ, которые только мог найти, и спрятал их в небольшом углублении в полу. Я начал проводить эксперименты, проверяя, как соединяются эти вещества. Личинки или пиявки, или кто они там были в этих лужах слизи по всей пещере, выделяли какой-то коллоидный раствор, который чужие использовали как лекарство. После многочисленных проб и ошибок я обнаружил, что выделения этих личинок разрушают черные шкуры чудовищ, то есть ядовиты для чужих. Твари пытались сделать нас невосприимчивыми к инфекции, от которой страдали сами. Как я предполагаю, они проводили на нас эксперименты, чтобы найти панацею от своих бед.

Чёрч вздохнул, вспоминая случившееся с ним сорок лет назад, помолчал несколько секунд и снова поднял глаза на Креспи и МакГиннесс.

- Прошло много дней, может, даже недель, пока я наконец обнаружил что-то, что были не в состоянии понять мои тюремщики. У меня в руках был ключ к их выживанию. Я сразу же начал применять свою находку на практике, используя большие количества ядовитого вещества, чтобы уничтожить этих чудовищ. Меня поражало, как хорошо работала моя схема: через несколько дней чужие начали умирать от заражения крови. Я использовал любую возможность, чтобы претворить в жизнь этот... биологический саботаж (тут весьма сложно подобрать правильное определение). Я искал дальше, с каждым днем объем моих экспериментов увеличивался и они усложнялись. Мысли о побеге отошли на второй план: результаты моей работы интересовали меня гораздо больше. Пробирками служили черепа моих погибших товарищей, я вообще использовал все, что только попадалось под руку и что могло бы помочь в поиске решения...

Чёрч вспомнил свои наблюдения за чужими, ощущение власти над ними, от которого кружилась голова и которое усиливалось после смерти очередного чудовища. Раньше ему внушалась мысль о том, что эти существа неуязвимы, их практически невозможно убить, - но тут он продолжал жить среди них, травил их, обманывал, узнавал их секреты.

Эксперименты так захватили его, что он уже давно перестал думать о том, какой его ждет конец...

Пол продвигался по туннелю к своей секретной нише и хихикал про себя.

"Сегодня умерло еще четверо. Четверо!" - думал он.

Последний свалился прямо у его ног. Скрюченные, темные лапы чудовища тянулись вперед, из горла доносились слабые звуки, все движения стали медленными, оно очень страдало...

Пол почувствовал движение у себя за спиной, остановился, опустив голову, ожидая, пока чужой пройдет мимо. Они больше не обращали внимания на юношу, не видели его: он стал для них еще одной тенью, безобидной и...

До его костлявого плеча дотронулся холодный коготь. Чудовище тихо шипело, оно уже заболело непонятной болезнью. Чужой развернул его и подтолкнул в направлении, противоположном тому, куда шел Пол. Тварь последовала за юношей.

Пол решил, что его ведут кормить. Куда же еще? Он нахмурился и с несчастным видом пошел впереди чужого. Все люди уже умерли, наверное, много дней тому назад. В животе у Пола все сжималось при мысли о еде, одновременно появился позыв к тошноте, потому что его всегда кормили какой-то гнилью. Ни о какой калорийности здесь не могло быть и речи.

Они дошли до входа в тускло освещенный туннель. Пол завернул в левый отсек, где хранились остатки еды. Это существо когда-то звали Эмис...

Чужой зарычал на Пола. Юноша повернулся к нему в удивлении. Чудовище все еще стояло у разветвления и ждало его. Сбитый с толку Пол повернул назад. Куда еще можно было отсюда идти? Чудовище схватило его за руку и потащило к возвышающейся груде трупов чужих. От разлагающейся лассы шел ужасный смрад.

За кучей скрывался еще один проход: узкий и темный.

Пол улыбнулся, несмотря на свою неуверенность. Его вели в какое-то новое место, где он пока не успел побывать со своими ядами. Не исключено, что там имеется еще одна лужа с личинками...

"Неужели пришел мой черед умереть?" - пронеслось в голове у юноши.

Он заставил себя не думать о смерти, а сконцентрироваться на том, чтобы взять ситуацию под контроль. Чудовище снова зашипело, и Пол быстрым шагом пошел по туннелю. По пути они никого не встретили, было очень темно, но через некоторое время Пол заметил свет впереди: проход открывался в широкое помещение. На губах юноши снова появилась улыбка.

Он услышал стоны умирающих чужих. Он уже научился определять по их крикам, кто болен, а кто еще нет. У входа стояло пять чудовищ, они расступились, гобы дать ему пройти.

Юноша быстро огляделся вокруг. Улыбка сошла с его лица, и он нахмурился. Он не заметил в помещении никакой лужи с личинками, в центре находилось что-то огромное, по форме напоминающее колыбель, построенное из гигантских паутин. Это образование занимало большую часть помещения. Кроме него, здесь ничего не было. А в центре колыбели лежала человеческая фигура.

Это оказалась его мать.

Пол почувствовал, как внутри у него что-то сжалось умерло. Он считал, что больше уже ничто не сможет затронуть его сердце, никакая жестокость, никакое зверство, но ошибся.

Наверное, Люсиан Чёрч много дней не переставала сопротивляться: боролась столько, сколько могла. От ее рук и ног остались лишь обрубки: их откусили или оторвали. Концы загнили. Ее кожа была покрыта дюжинами, сотнями рваных ран, оставленных когтями и зубами.

Это казалось невозможным, невероятным, но его мать все еще была жива! Пол услышал, как она дышит, слабо и медленно, но тем не менее дышит. Она оставалась без сознания. Каждый ее вдох зловонного воздуха словно ножом ударял в то, что осталось от его души...

Один из чужих грубо подтолкнул его вперед. Ему не дали остановиться, пока он не свалился в эту же колыбель, на свою мать...

- Нет!!! - застонал Пол.

Разум покидал его. Юноша осознал наконец, зачем его привели сюда, он понял, что сейчас сойдет с ума.

Чужие хотели, чтобы они спарились, а в результате получились новые, здоровые инкубаторы.

Пол почувствовал, что помещение плывет у него перед глазами, спускается тьма, он ничего не видит.

Он понял, что не сможет долго Оставаться в сознании, а упадет в бездну. Юноша склонился над своей матерью, чужие подошли поближе и начали с ликованием шипеть.

Пол вспомнил ее улыбку, ее смех, то, как она обычно дотрагивалась до волос, если нервничала. Все это безвозвратно ушло, было отнято от нее навсегда...

Он нежно опустил свои дрожащие руки на распухшее горло своей матери и сделал то, что только можно было сделать в этом случае, чтобы прекратить ее страдания.

Одно из чудовищ завопило, попыталось остановить Пола, но оно было ослаблено болезнью - и опоздало. В последние секунды своей жизни Люсиан Чёрч открыла глаза, они начали вылезать у нее из орбит. Она увидела, что ее душит ее же собственный сын, а он увидел боль и безумие в ее взгляде.

Но не только их: в самый последний момент в глазах Люсиан Чёрч появилась благодарность. Пол заплакал. Он снова и снова произносил ее имя, а помещение кружилось вокруг него все быстрее и быстрее, чужие схватили его и стащили с ее изуродованного трупа.

В глазах у Пола все потемнело. Он потерял сознание.

- Когда я снова пришел в себя, я оказался привязан к одной из стен их родильной пещеры. Чужие понимали, что у них остался последний шанс. Они принесли зародыш и показали его мне. Болезнь уже охватила их всех, даже зародыша. Он был слабым и беспомощным. Взрослые особи вынули его из какой-то оболочки. Один чужой силой раскрыл мои губы и протолкнул зародыша вниз по трахее мне в грудь.

Чёрч замолчал на несколько секунд, понял, что не в состоянии продолжать свой рассказ, по крайней мере пока. Прошло столько лет, а он отлично помнил, что происходило тогда, ему пришлось многократно пережить тот ужас в кошмарных снах: цепкий хвост сворачивается, загибается, проходит по его горлу, ему нечем дышать...

Чёрч поднял глаза и увидел Креспи и МакГиннесс. Они ждали продолжения. По выражениям их лиц невозможно было понять, что они думают в этот момент. В конце концов молчание нарушил Креспи, спросив тихим слабым голосом:

- Но как... Как вы уцелели?

Чёрч кисло улыбнулся:

- А кто говорит, что я уцелел?

Глава 22

Чёрч внимательно посмотрел на лица Креспи и Мак-Гиннесс, увидел, что они поражены и шокированы, и решил открыть им все до конца. Требовалось еще много всего сделать, а эмоции, испытываемые им теперь, несколько отличались от тех, которые он ожидал, начиная рассказ. Чёрч надеялся на катарсис, понимание, но сейчас он чувствовал себя... грязным. "Все придет позднее", - решил он.

- Наверное, я подумал, что меня в конце концов убили, но это блаженное забытие прошло, и я проснулся. Я был один и чувствовал тяжесть в груди - там сидел паразит. Мне было мерзко и противно. Это ощущение того, что ты несешь в себе больного зародыша чужого, ни с чем не сравнимо. Его невозможно описать. Он постоянно шевелился внутри меня, и я знал, что меня ждет. Из-за болезни чудовища были ослаблены и не смогли крепко меня привязать. Я без труда оторвался от стены. Ко мне не подошло ни одно из них и не остановило меня. Везде вокруг стоял запах смерти: от умерших чужих и людей...

В пещере царил полутьма, пахло гнилью и разлагающимися трупами. Качаясь и падая, я пошел прочь. Я понял, что схожу с ума от пережитого ужаса и от того кошмара, который ждал меня впереди. Я не стал искать своего отца. У меня не было ни малейшего желания видеть, что они с ним сделали. Мне хотелось одного: умереть, но только не в этом жутком логове.

Выход из пещеры никто не охранял. Я понял, что все твари мертвы. Тем не менее я все равно ожидал, что меня каким-то образом остановят. Я не допускал мысли, что мне дадут вот так просто взять и уйти, словно и не было того кошмара, который довелось испытать. Но я вышел на открытый воздух, из ада на свет Божий, в то место, которое когда-то показалось мне Раем.

Свежий воздух, яркий свет были чем-то совершенно новым для моих растерзанных чувств. Я упал рядом с выходом из логова, но был счастлив, осознавая, что по крайней мере умру под лучами солнца, а не в мрачной пещере.

Через какое-то время я понял, что могу встать и идти дальше. Я проследовал мимо корабля контрабандистов и подошел к "Инкунабуле". Наш корабль совсем не пострадал, все системы работали прекрасно.

Я почувствовал, что я наконец дома, в своем уютном родном корабле, где я знал каждый уголок. Мне показалось, что меня окружают дружелюбные привидения, любящие меня. По земному календарю я вычислил, что находился в логове сорок три дня, а не вечность, как мне представлялось.

Я подумал о своих родителях, друзьях и чужих, вместе лежащих мертвыми в той пещере, практически в объятиях друг друга. Они соединились в смерти. Я один выжил в этом апокалипсисе. Я выжил, но я не могу сказать, что я уцелел. Того Пола Чёрча, который сорок три дня назад приземлился на маленькой планете в "Инкунабуле", больше не существовало. Не исключено, что для этого была причина.

Внезапно мне страшно захотелось жить и начать все сначала. Я не стал раздумывать почему, точно так же как не ломал голову над тем, как я один смог все это вынести и не погиб, но могу откровенно сказать, что желание жить было восхитительным и всеохватывающим, словно на обезвоженную плоть брызнули холодной водой. Я хотел жить не из-за эгоистических мотивов, не для того, чтобы в дальнейшем ублажать себя какими-то плотскими радостями, а для того, чтобы продолжать исследования. Так что, практически сразу же после того, как я ступил на борт "Инкунабулы", я послал сигнал SOS.

Мне потребовалось четыре часа, чтобы отмыться. Я обработал свои раны, а затем воспользовался ультразвуковым оборудованием, имевшимся на корабле, для обследования зародыша у себя в груди. Он умер и разлагался, так что требовалось его немедленно удалить.

У меня абсолютно отсутствовал хирургический опыт, но я собрал имевшиеся на борту медицинские инструменты и приступил к работе. К счастью, мой отец всегда держал на "Инкунабуле" различное медицинское оборудование и лекарства. Операция заняла семь часов, но прошла успешно.

Когда через месяц прибыли спасатели, я лично встретил их. Я мог стоять на ногах, хотя в общем-то мое состояние было плачевным.

Меня очень долго допрашивали. Выяснилось, что чужие на той планете появились благодаря контрабандистам. Они решили разводить каких-то больших жуков и, видимо, взяли не те личинки. Компания посчитала мой опыт бесценным. В качестве компенсации за мои страдания и службу правительству мне предоставили все условия для исследовательской работы. Логовище уничтожили до того, как у меня появилась возможность рассказать о ядовитой сыворотке или о коллоидных пиявках. В этом не повезло нам всем. Я много раз пытался сделать подобную сыворотку - и до сегодняшнего дня мои попытки не увенчались успехом. Больше мне никогда не доводилось ни от кого слышать или самому где-либо натолкнуться на паразитов, плавающих в лужах слизи, таких, как были в той пещере. С тех пор я занимаюсь изучением чужих. И когда-нибудь...

Чёрч замолчал и обвел все вокруг широким жестом:

- Нет никаких норм и правил, регулирующих исследования, проводимые мной на борту этой станции. Моя работа - это богохульство, она ужасна, безнравственна и незаконна. Пока мне еще не удалось найти средство, которое положило бы конец этой чуме. Однако мои эксперименты дали кое-какие неожиданные, удивительные результаты.

Он встретился взглядом с напряженно смотрящим на него Креспи.

- Несомненно, до вас дошли слухи о многочисленных реакциях обмена, самовоспроизводстве мозговых тканей, приобретенных ультрасенсорных способностях у чужих, так называемой "сыворотке смерти"...

Темные глаза Креспи внимательно посмотрели на Чёрча. Он заинтересовался.

- Сыворотка смерти? - переспросил полковник. - Это ваша работа?

- Да, - кивнул Чёрч, - результаты помогут нам...

- Результаты?! - сделала шаг вперед МакГиннесс, перебивая его, кипя от злости. - Вы убили этих людей ради науки?

Чёрч прямо встретился с ней взглядом.

- Я никого не убивал, ответил он. - Я только забрал в свою лабораторию трупы солдат, погибших во время несения службы. Химикаты, выделяемые их телами, бесценны, они - ключ к окончательному решению. Шрамы, извращения, мутации неизбежны, хотя, конечно, неприятны. По каждой реакции делаются за

меры, ведется строгий учет. Результаты используются в создании новых версий телепатина и других синтезированных химикатов, которые в конце концов положат конец угрозе, представляемой чужими. И вы обвиняете меня в убийстве? МакГиннесс, вы теперь знаете правду. Перестаньте изображать из себя невинную девочку.

Сбитая с толку, МакГиннесс подняла глаза на Креспи.

- Я даже не представляла, что он... - начала женщина.

Чёрч нахмурился:

- Прекратите, пожалуйста. Посмотрите на себя. Вы - опытный фотограф и показывали Креспи снимок, на котором изображены вы с Дэвидом Ленноксом. Прекрасный монтаж. Вам даже удалось убедить Креспи, что вы были помолвлены с Ленноксом.

Она была шокирована его обвинениями.

- Что...

Чёрч с грустью посмотрел на человека-компьютер, который не так давно был его помощником:

- Дэвид согласился стать донором. Он верил в меня. Вы его совсем не знали...

Доктор снова повернулся к МакГиннесс и Креспи. Женщина все еще была в ярости и, заикаясь, снова закричала:

- Вы... вы... лжец!

Чёрч грустно покачал головой и снова перевел взгляд на Дэвида:

- Я знаю, что говорю. Мы с Дэвидом были любовниками.

- Нет!!! Он врет. Креспи, не слушайте его!

Чёрч опять повернулся к ним, но на этот раз обращался только к Креспи, причем очень твердым голосом:

- Подумайте о том, что я вам рассказал. Подумайте хорошенько, Креспи. Мортенсон был шпионом Компании Гранта. Адмирал Тавес знал об этом. Тавес сам догадался, на кого работал лейтенант. Приказом по станции Мортенсон находился под постоянным наблюдением, но каким-то образом ему удалось на время от нас ускользнуть - в результате он погиб. Шэррон МакГиннесс - его напарница.

Женщина в панике переводила взгляд с Креспи на Чёрча и обратно.

- Это ложь! - крикнула МакГиннесс.

Чёрч сурово посмотрел на нее:

- Это решит военный трибунал. А теперь, полковник, я прошу вас арестовать эту женщину и...

- Креспи... Тони, пожалуйста! Он убьет меня!

Креспи колебался. Вначале он посмотрел на Чёрча, потом на МакГиннесс. По его лицу было видно, что он все еще в нерешительности. Чёрч считал, что если Креспи все-таки человек здравомыслящий, то он поймет, что доктор говорит правду и другой выбор невозможен. Чёрч ждал, гадая, что же решит полковник, на самом ли деле он так умен, как представляется.

МакГиннесс стояла вполоборота к приоткрытой двери в коридор. Чёрч посмотрел на нее и подумал, что она бросится бежать, если Креспи примет правильное решение.

И тогда доктору придется отвечать на множество вопросов, которые, естественно, возникнут у полковника.

Двое мужчин и женщина стояли молча, составляя треугольник, на одном углу которого была надежда, на втором - отчаяние, на третьем - правда. Они все ждали, застыв на месте, как бы скованные одной цепью, разбить которую могло только принятое решение.

Глава 23

Креспи внимательно выслушал рассказ Пола Чёрча. Он был поражен, потом ему стало физически плохо, затем он испытал благоговейный трепет. Другой человек не смог бы пережить подобные испытания, тем более подняться в дальнейшем до тех высот, на которые поднялся Чёрч. Он жил среди этих мерзких существ, изучал их, а затем голыми руками и силой своего ума уничтожил все стадо.

А теперь Чёрч выступает с обвинениями. Изможденный и усталый Креспи был в замешательстве и не мог сразу же разобраться в ситуации. Он внимательно посмотрел на доктора, подумал о том, что тот сказал, встретился с ясным, прямым взглядом уверенного в себе и в своих словах человека. Если он врет, то у него это получается очень убедительно.

Затем Креспи перевел взгляд на МакГиннесс, женщину, которую, как ему казалось, он уже хорошо изучил. Ее глаза округлились, в них стояли испуг и мольба. Она была с ним честна, не так ли?

Пластиковая карта с кодами открыла вход в скрытую лабораторию. МакГиннесс провела его сюда, была так же поражена увиденным, как и он сам.

Только... только делает ли это ее невиновной?

В ее версии, несомненно, имеются пробелы, но они есть и в версии Чёрча. Все дело в том, кому из них он поверит. Слово МакГиннесс против слова Пола Чёрча. Если она наврала ему насчет того, сколько членов экипажа погибло за последние три года - а подобное ш исключено, - то она могла врать и обо всем остальном...

А Мортенсон? Что он на самом деле делал с теми костюмами? МакГиннесс утверждает, что он занялся ими, потому что приказ по станции обязал его заменить фильтры. Но здесь снова оказывается ее слово против слова Чёрча.

Креспи посмотрел на доктора и попытался проанализировать все, что ему известно. Чёрчу не составит труда убить их обоих, даже не потребуется напрягаться для этого с его-то знанием биоанализа. Зачем ему настаивать на аресте МакГиннесс, если он хочет отправить ее на тот свет или хочет отправить на тот свет их обоих? Он признался во всем, заявил, что его работа жестока, не вызывает положительных эмоций, даже противозаконна. Тем не менее он не ищет одобрения, не пытается оправдаться за содеянное.

И что делал чужой в центральной лаборатории, где находится кабинет Чёрча? Кто еще мог его туда впустить?

За этой мыслью последовала другая: как МакГиннесс могла знать о пластиковой карте с кодами и не знать о чудовище?

Креспи закрыл глаза. Его раздирали на части противоречивые эмоции. Где правда, а где ложь? Он или она? Компромисса быть не могло. Он хотел бы прислушаться к своей интуиции, но она молчала.

Креспи устал, очень устал, он желал лишь одного: чтобы это испытание поскорее закончилось и он мог бы спокойно лечь и заснуть...

МакГиннесс пришла в негодование от выдвинутых против нее обвинений. Она злилась и страшно боялась, что Креспи все-таки прислушается к Чёрчу. Чего он ждет? Что за внутренняя борьба раздирает его? Почему он вообще обращает внимание на откровенную ложь Чёрча?

- Я... - прошептал Креспи. - Простите. - С этими словами он открыл глаза и посмотрел на нее: - Простите, но я... МакГиннесс, мне придется...

Она отшатнулась от него, почувствовала, как ее рука ударилась о приоткрытую дверь, ведущую в еще один коридор, обернулась. Это был какой-то длинный, тускло освещенный туннель.

- Вы - чудовища,- выдавила из себя МакГиннесс.

Она не верила своим ушам. На ее глаза навернулись слезы.

"Этого не может быть!" - только и подумала она и бросилась бежать.

Креспи попытался ее схватить, но не успел: женщина увернулась. Ее шаги гулко отдавались в металлическом коридоре, по которому она куда-то неслась.

- МакГиннесс!

Полковник обернулся к Чёрчу, увидел, как доктор направляется к пульту управления, встроенному в стену.

- Бегите за ней! - приказал Чёрч. - Отсюда я могу контролировать все двери на станции. Мы загоним ее в угол.

Креспи бросился в туннель...

"Чёрч был прав. Боже, каким же идиотом я оказался..."

Он жил, словно в кошмарном сне. События разворачивались слишком быстро. Полковник будто сел на скоростной поезд, и поезд помчался куда-то в неизвестном направлении - вне пределов разума и здравого смысла. Интуиция отказывалась помогать, о приходилось полагаться на то, как поведет себя подозреваемый, чтобы определить, где правда, а где ложь.

Креспи добежал до конца коридора, повернулся и увидел мелькнувшую фигуру МакГиннесс, заворачивающую за угол. Полковник слышал, как закрываются какие-то двери, ограничивая свободу ее передвижений, запирая ее в замкнутом пространстве.

- Сдавайтесь, МакГиннесс! - крикнул Креспи.

Его слова повторило эхо. Она, несомненно, услышала их, но все равно продолжала бежать дальше.

Еще один поворот, какое-то движение впереди, он приблизился к ней, расстояние между ними сокращалось. Он злился, сильно топал ногами, его шаги становились все тяжелее.

"Ну почему ей удалось ввести меня в заблуждение? Почему я был так слеп?" - проносилось в голове у Креспи, когда он заворачивал еще за один угол.

Он почти настиг ее. МакГиннесс застонала, поняв, насколько он приблизился к ней, и снова бросилась вперед, вкладывая последние усилия в этот рывок.

- Глупец, глупец, - повторяла она'.

Креспи сделал нечеловеческий прыжок вперед - и МакГиннесс оказалась загнанной в угол, прижалась спиной к стене. Ее лицо исказил ужас...

- Нет!!! - закричала она.

МакГиннесс смотрела совсем не на Креспи, а на то, что было за его спиной, там, откуда они прибежали.

Креспи повернулся. Дверь за ним захлопнулась. Звук металла, ударяющегося о металл, разнесся по всему коридору, его несколько раз повторило эхо, Полковник был доволен, хотя и обливался потом.

МакГиннесс поймана, теперь она уже не скроется.

Выражение полнейшего ужаса у нее на лице заставило его на минуту остановиться.

- Я не сделаю вам больно, - сказал он.

Его обидело то, что женщина боится его, но казалось, что она не слышит его слов.

- Он поймал нас, - прошептала МакГиннесс.

Почему-то сердце Креспи забилось чаще, чем когда он преследовал женщину по коридорам станции. Потом оно опустилось. У него заныло в животе, и ему вообще стало как-то не по себе. МакГиннесс подняла глаза вверх. Креспи проследил за направлением ее взгляда и тоже посмотрел туда. Пол Чёрч подошел к перилам площадки над вольерами и обратился к стоявшим внизу:

- Вам следовало послушаться ее, Креспи.

Чёрч захватил их в плен. Доктор улыбнулся и скрестил руки на груди.

Креспи прислонился к стене, в ушах у него звенело, сердце учащенно билось. Он злился на самого себя и не знал, что теперь придумать.

Он сделал неправильный выбор, и это будет дорого стоить и ему, и МакГиннесс.

Глава 24

Чёрч стоял на обзорной площадке и улыбался. Он считал Креспи разумным человеком. Рассказанное доктором имело смысл, могло сойти за правду, только на самом деле это была ложь. Очевидно, Креспи не так умен и сообразителен, как представляется. В таком случае Чёрчу требуется другой помощник - более способный, чем этот полковник.

Чёрч взглянул вниз, на пленников, прижавшихся к стене. Он наслаждался моментом. Ему, конечно, здорово помогла женщина: по ее лицу стало понятно, что она запаниковала, потом начались неистовые отрицания, крики, а в конце концов она бросилась бежать. МакГиннесс повела себя именно так, как предполагал доктор.

Вернее, надеялся.

Однако это уже не играет роли, потому что она сделала то, что он хотел. Вести себя подобным образом заставил ее доблестный, но глупый рыцарь.

Конечно, Чёрч мог бы прямо сейчас покончить с ними - но тогда он не получит никакого удовольствия, а доктору хотелось немного поразвлечься. Все получилось гораздо лучше, чем он ожидал: Креспи сам сделал выбор, а теперь полковник здорово помучается от осознания того, что поставил в затруднительное положение и себя, и МакГиннесс, отказавшись прислушаться к ее словам...

Сейчас Креспи удивляется сам себе. Его лицо стало пунцовым, он что-то бормочет себе под нос, даже слюна начала брызгать у него изо рта от возмущения.

- Чёрч, что, черт побери, вы делаете?

Доктор грустно покачал головой:

- Пожалуйста, не надо драматизма. Вы льстите себе, удивляясь, что вас так легко обвели вокруг пальца. Вас можно купить за одно печенье, обмануть, произнеся всего лишь три слова. На самом деле даже я удивился, что вы так быстро отказались от правды ради лжи, которая прозвучала для вас более убедительно.

Креспи молчал, виновато поглядывая на МакГиннесс.

"Очень мило, - усмехнулся про себя Чёрч. - Он ушел после того, как описался у нее на ковре, испытал по этому поводу угрызения совести, а потом вернулся с букетом роз со словами: "Дорогая, это тебе. Мне очень жаль, что я все испортил, но ты ведь простишь меня?" Типично для таких, как Креспи". Чёрч фыркнул и в этот момент почувствовал, как его намерение становится все тверже. Ему было очень жаль, что все получилось именно так: трогательно и безнадежно.

- Вы - раб эмпирической правды, - усмехнулся Чёрч. Он явно издевался над полковником. - Раб нежности и света. А что они из себя представляют на самом деле? Протетические абстракции, зачатые мозгами в стадии эмбрионов, не способными справиться с правдой. Где существует добро? Только в ваших пустых головах. Боже, если бы вы только знали, какими вы мне представляетесь... вы, люди.

И Креспи, и МакГиннесс пришли в замешательство.

- Но вы же - чело...- открыл рот ничтожный человечешка Креспи.

Чёрч вздохнул:

- Заткнитесь. Вы что, всегда верите в то, что появляется у вас перед глазами? Судите по внешнему виду? Я уже открыл вам правду, но вы не слушали. Я не уцелел в том логове. Вы создаете образ прекрасного солдата, гордящегося своими умственными способностями и героизмом, но на самом деле вы - глупый молодой лоботряс, ограниченный, ставящий перед собой лишь малые, бессмысленные цели, в голове у которого пролетают только какие-то инфантильные мыслишки. Разве вы не понимаете, что вы ниже моего презрения?

Вы не лучше, чем Мортенсон, чем кто-либо другой. Просто еще одно теплое тело.

Чёрч на самом деле рассердился. Правда, его это не удивляло. Он так надеялся на Креспи, даже в какой-то момент думал, что полковник стоит на грани понимания, на грани того, чтобы отказаться от устоявшихся, заранее обусловленных, узких и ограниченных основ морали и принципов поведения и двигаться дальше...

Ему было больно от того, что он ошибся, а за болью всегда следовал гнев. В следующий раз он постарается свести свои ожидания, надежды на кого-то к минимуму.

"Но ты же говорил то же самое после того, как умер Дэвид, - сказал внутренний голос. - Следует учиться на собственных ошибках".

Он почувствовал, как гнев спадает и исчезает совсем. Переоценку возможностей Креспи нельзя было считать виной полковника. Креспи также нельзя было упрекать за то, что он не поверил МакГиннесс. У людей вообще есть отвратительная привычка подводить друг друга и умирать, не достигнув цели, или жить без какой-либо цели вообще, или вдруг потерять ее. К тому же они оправдывают свое существование лицемерными, самодовольными, эгоистичными нападками на других людей...

В некотором роде то испытание в лабиринте, которое Чёрч запланировал для Креспи и МакГиннесс, - это лучшее, что он мог бы для них сделать. По крайней мере, таким образом их жизни не будут абсолютно бессмысленными. И он все еще надеялся на Креспи.

Чёрч поднял руку к регулятору бьющих током устройств, встроенных в стенки вольеров.

- Вам предоставляется честь сделать вклад в мои исследования, мои истинные исследования - в то, что вы увидели в лаборатории, но оказались слишком ограниченными и узколобыми, чтобы понять.

Конечно, вы не сможете оценить, помогли ли вы в строительстве эволюционного моста к созданию высшего существа. Ничтожный человек будет поглощен черным гением чужих - и в конце концов получится оригинальное создание. Оно будет само кормить себя. Ему никто не будет нужен. А я присоединюсь к нему.

После того как Чёрч наконец открыл Креспи и МакГиннесс конечную цель своих поисков, он почувствовал, как его глаза загорелись внутренним светом. Он ощущал себя сильным и неуязвимым...

"Но этим людишкам кажется, что ты просто воешь на луну, - заметил внутренний голос. - Пора заканчивать".

Чёрч улыбнулся. Не было необходимости ничего больше объяснять: Креспи и МакГиннесс слишком замкнуты в себе, чтобы постигнуть Истину. Даже Дэвид ее не понял, а он-то был умнее, чем эти двое, вместе взятые.

Чёрч показал на дверь, ведущую в лабиринт.

- Отправляйтесь туда, - приказал он. - Оба.

Креспи уставился на него, глядя снизу вверх. Его лицо ничего не выражало, однако, когда он заговорил, в его голосе прозвучала нескрываемая ненависть - и ничего больше:

- Идите ко всем чертям собачьим. Да провалитесь вы в преисподнюю.

- Я уже там был, - заметил Чёрч спокойным голосом и слегка нажал на рычаг, на котором держал руку.

Голубые и белые электрические искры вылетели из стены, рядом с тем местом, где стояли Креспи и Мак-Гиннесс. Их обоих передернуло, они, корчась, свалились на пол. У Креспи вырвался какой-то странный прерывающийся стон. Полковник оказался ближе к электрическому разряднику, так что ему досталось гораздо больше, чем женщине. Он кричал от боли низким тихим голосом. МакГиннесс попыталась заорать: "Прекратите!", но у нее ничего не получилось, она стала заикаться, запнулась с открытым ртом. Ее зубы, казалось, накалились добела и светились в полумраке...

Чёрч неохотно снял руку с рычага. Если дать слишком большой ток, то они умрут, даже не воспользовавшись своим шансом, а ему страшно хотелось по-

180

смотреть, как далеко им удастся зайти. С телепатином доктор уже практически разобрался, а те химикаты, которые ему требовались теперь, здорово отличались от него. Некоторые изуверства с объектами экспериментов в его лаборатории были необходимы только в самом начале...

"Тебе больше не надо уродовать трупы, - заметил внутренний голос. - Признайся, что это тебе просто нравится".

Почему у него возникла эта мысль? Она быстро пронеслась у него в мозгу до того, как он понял, что она появилась.

Чёрч потряс головой. Теперь он в основном интересовался генетикой, хотя ему все еще нужно было провести кое-какие химические исследования. Для того чтобы соединить человека и чужого,

требовалось проделать много работы, и доктору необходимо было найти общие знаменатели, например сходные передатчики гнева.

Для того чтобы от Креспи и МакГиннесс был какой-то толк, они должны немедленно отправляться в путь, а то через час появятся техники и начнут стучать в дверь.

- Ну где же ваш азарт? - обратился Чёрч к стоявшим внизу. - Если вы пройдете сквозь лабиринт, я дарю вам жизнь.

Его слова прозвучали фальшиво даже для него самого, но ему требовалось дать им хоть какой-то стимул.

МакГиннесс на коленях подползла к упавшему полковнику, медленно встала сама, а потом помогла и ему подняться на ноги.

- С тобой все в порядке? - поинтересовалась она.

Он откашлялся и покачал головой:

- Нет.

МакГиннесс взяла его за руку, и они направились к двери.

"Прекрасно!" - подумал Чёрч, автоматически пошире открывая им ее.

Когда они переступали через порог, чтобы начать свой путь по темному коридору, он крикнул им вслед:

- Будьте очень внимательны в начале! Такое испытание еще надо поискать!

Чёрч нажал на нужный рычаг, чтобы запечатать их в лабиринте, и поспешил к видеомониторам.

Большой экран мигал, показывая, как Креспи и МакГиннесс стоят у закрывшейся за ними двери и тихо разговаривают.

- Простите меня, МакГиннесс, - извинялся Креспи. - Мне в самом деле очень жаль, что все так получилось.

Она улыбнулась с легкой иронией. Чёрч отметил про себя, что камера стоит как раз под нужным углом, чтобы в точности заснять выражение ее лица.

- Слишком поздно для извинений, полковник, - заметила женщина.

"Юмор висельника", - подумал Чёрч. Похвально. Доктор нажал на кнопку, включающую переговорное устройство:

- А теперь, детки, вперед, а не то я зажарю вас заживо прямо на месте.

Они колебались не больше секунды перед тем, как двинуться дальше. Их глаза округлились в окружавшей их темноте.

Чёрч сел и откинулся на спинку стула с улыбкой на губах.

Он собирался насладиться предстоящим зрелищем.

Глава 25

В туннеле было очень темно и холодно. МакГиннесс поежилась, на ее голых руках появилась гусиная кожа. Женщине очень хотелось бы в этот момент беспокоиться лишь о том, что она одета не по погоде.

Они медленно подошли к закрытой двери в конце туннеля - в единственном направлении, в котором можно было идти. Проход освещали лишь тусклые красные огоньки видеокамер, установленных на стенах. Мак-Гиннесс почему-то решила их сосчитать. В маленьком коридоре их оказалось целых четыре, все под разными углами, чтобы Чёрч выбирал самый подходящий для каждой конкретной ситуации.

- Чертов сумасшедший ученый, - пробормотала она в надежде, что аудиотехника четко донесет ее мнение о Чёрче до него самого. Мало того что их послали на верную смерть, так все еще делается для того, чтобы поразвлечь этого ублюдка...

Креспи посмотрел на нее, потом перевел взгляд на закрытую дверь впереди.

- Мне... - начал он, - мне не следовало его слушать, МакГиннесс. Это я виноват, что мы...

- Нет, вина лежит только на нем, - перебила МакГиннесс. - Он все продумал заранее. Он все равно нашел бы способ перетащить нас сюда, если бы ты

решил, что он врет. Он достаточно силен. Ему просто хотелось посмотреть, как ты все испортишь.

Креспи кивнул и ответил тихим голосом:

- Вот именно. Я все испортил.

- Да уж тут ты постарался, но не забывай о том, что я сама напросилась на эту станцию. Знаешь что, почему бы нам с тобой не разделаться побыстрее со всем этим, чтобы потом сесть и спокойно обсудить все

за чашечкой кофе?

Креспи снова кивнул, на его суровом лице появился намек на улыбку. Они оказались у самой двери. Она внезапно распахнулась. МакГиннесс напряглась, увидела, что то же самое произошло и с Креспи. Они с полминуты стояли на пороге, всматриваясь в темноту в новом туннеле, надеясь заметить хоть какой-то намек на движение, но ничего не смогли разглядеть.

МакГиннесс почувствовала, как напряжение начинает спадать в ее ноющих мышцах. После полученного электрошока она чувствовала себя изможденной, у нее все болело, однако теперь в организме выделился адреналин, он разливался по ее телу, не давая ни на секунду расслабиться. "Вот и прекрасно", - подумала она.

Креспи быстро и целенаправленно пошел вперед. Создавалось впечатление, что он хладнокровно готовится к предстоящему им испытанию. МакГиннесс набрала воздуха в легкие и двинулась вслед за ним.

Креспи напрягся, когда дверь открылась, правда, за ней не видно было никакого движения, не слышалось лязганья зубов или царапанья когтей. Перед ними открывалась чернота, представлявшаяся пустой, проход освещался лишь огоньками видеокамер, через равные промежутки установленных на стенах.

"Наверное, Чёрч использует инфракрасное излучение", - пронеслось в голове у Креспи.

Его мысли путались, ускользали. Он приказал себе внутренне собраться, попытаться забыть о боли во всем теле, его чувства были притуплены недосыпанием, полученным электрошоком, всеми событиями последних дней...

Если он не сможет сконцентрироваться, то они точно погибнут.

"Ты уже, можно сказать, мертв и знаешь это, - заметил внутренний голос. - Если ты в самом деле считаешь, что Чёрч вас отпустит, то ты спишь или витаешь высоко в облаках".

Вот именно, но все равно нельзя сдаваться, к тому же Креспи должен думать не только о себе, но и о МакГиннесс...

Эта мысль заставила его на секунду остановиться. Он нахмурился и попытался повторить весь ход своих рассуждений...

Если бы здесь находился только он один...

"То ты бы нашел способ быстро покончить с собой? - спросил внутренний голос. - Чтобы не мучиться?.. Нет!!! Ну, может быть, нашел бы".

Этот внутренний спор был бессмысленным. Однако мысль о том, что он готов умереть, лишь бы положить конец развлечению Чёрча, задуманной этим сумасшедшим игрой, напугала его даже больше, чем кажущаяся пустой чернота впереди и угроза того, что может поджидать их где-то за поворотом...

"В самом деле? Но ты же уже мертв. Ты умер на астероиде, миллион лет тому назад, когда ты, единственный, спасся в той схватке в той пещере..."

Креспи состроил гримасу, внезапно страшно рассердившись на себя за свои глупые невроты, за страх, который столько лет носил в себе. В эту секунду он почувствовал какую-то ясность, словно закрытая дверь внутри него вдруг открылась, а запертые там привидения были выпущены наружу.

Креспи жив, враг находится где-то рядом, а прошлое не имеет значения. Если с таким подходом к делу его можно назвать молодым безответственным лоботрясом, ну что ж, пусть так, но он не собирается мучить себя, решая вопрос, имеет ли он право еще хотя бы минуту вдыхать воздух полной грудью.

Он пошел дальше, внезапно поняв, что больше ему не хочется спать вечным сном и все чувства у него обострены. МакГиннесс следовала за ним.

И в этот момент Креспи лицом к лицу столкнулся с чужим, которого они с МакГиннесс случайно разбудили.

Чудовище завопило и протянуло к Креспи свою лапищу. С его ужасающего вида зубов капала слюна. Полковник отшатнулся от чудовища и натолкнулся на МакГиннесс. Он уже повернулся к пустому коридору, из которого они только что вышли...

- Дверь, осторожно! - закричала МакГиннесс испуганным голосом и успела оттолкнуть его, когда гидравлическая дверь становилась на место, запечатывая их в одном помещении с вопящим демоном. Креспи снова повернулся к чудовищу, сжал руки в кулаки, готовый умереть в борьбе...

Чужой тоже хотел сразиться с ними. Его визг перешел в шипение. Он вытянул вперед свои огромные лапы - но почему-то не приближался к людям.

Оказалось, что он привязан к левой стене, металлическая цепь опоясывает его торс и закрепляется на арматурном стержне. Хвост чудовища бился, об пол, не принося никому вреда, периодически обвиваясь вокруг туловища. Чужой разъярился - но был бессилён сорваться с привязи.

- Ему до нас не добраться, - заметил Креспи, чтобы успокоить не только МакГиннесс, но и себя.

Женщина, несомненно, сама была в состоянии увидеть, что чудовище привязано.

- Пока этого не хочет Чёрч, - ответила она тихим дрожащим голосом.

Креспи всей душой ненавидел доктора. Полковник обводил глазами окружающую их тьму в поисках хоть какого-нибудь выхода, чтобы миновать привязанное к стене чудовище до того, как сумасшедший ученый спустит его с цепи.

Чёрчу надо молиться, чтобы они с МакГиннесс никогда не вышли живыми из этого лабиринта.

Чужой на мониторе скалил зубы и шипел. Он был голоден и в отчаянии пытался дотянуться до людей, отшатнувшихся назад.

Автоматически закрывающаяся дверь разрубила бы Креспи пополам, если бы МакГиннесс не успела оттолкнуть его в сторону. Женщина, как оказалось, быстро соображала, гораздо быстрее, чем предполагал Чёрч.

Привязанное чудовище стонало от голода.

"Тихо, тихо, малыш, - успокаивал его про себя Чёрч. - Моя собачка хочет печенья?"

Рука Чёрча потянулась к рычагу, отстегивающему цепь, которой чужой был прикован к стене, и застыла над ним. Доктор подумал, что сейчас у Креспи и Мак-Гиннесс довольно высокий адреналин, но он надеялся, что они достигнут даже более высокого уровня, если еще немного продержатся, а поэтому решил пока не спускать чудовище с цепи. Чёрчу требовалось, чтобы их гнев дошел до высшего предела. Креспи уже устал, не исключено, что и женщина тоже, но их ненависть должна еще усилиться, а злость на него расцвести в очень милый тестостерон...

- Ему до нас не добраться, - заявил Креспи.

"О, браво! Как мы быстро соображаем. Какие мы наблюдательные и проницательные".

- Пока этого не хочет Чёрч, - ответила МакГиннесс. Ее голос звучал испуганно и настороженно.

"Вы абсолютно правы, - шептал Чёрч. - Вы попали как раз в точку, мадам".

Она говорила совсем другим голосом, не тем, что минуту назад, когда ругала его, обзывая последними словами.

Чёрч улыбнулся. Может, ему стоит повесить табличку на двери своего кабинета или поставить на письменном столе и выгравировать на ней данную МакГиннесс характеристику: "Полковник Чёрч, чертов сумасшедший ученый". Его коллегам, наверное, понравится.

Женщина точно знает, кто сейчас контролирует ситуацию, кто решает, уцелеют они или нет. А понимает ли это Креспи? Или он до сих пор думает, что каким-то образом выиграет у Чёрча? Неужели полковник настоль-ко инфантилен?

Чёрч мог им сопереживать, понимал их бессилие, отчаяние от крушения планов и надежд, жажду жизни. Они во многом походили на чужих, изучением которых занимался Чёрч. Доктору было даже иногда жаль людей, в особенности когда все их надежды и мечты рушились после того, как он один раз нажимал на кнопку. Однако после бесчисленных лет наблюдений он увидел Истину, он знал больше, чем они когда-либо смогут постичь. А результат должен стать верхом всех достижений, великолепной победой, правда завоеванной весьма неприятными средствами. Он не маньяк-эгоист, желающий стать богом, он...

Чертов сумасшедший ученый!

Чёрч рассмеялся. Эта характеристика ничем не хуже остальных.

Он посмотрел на монитор и нажал на нужную клавишу, чтобы взглянуть на происходящее в лабиринте под новым углом зрения. Креспи заметил лестницу, ведущую на другой уровень лабиринта - следующий шаг в их суровом испытании.

Чёрч снова улыбнулся и нажал еще на одну клавишу. Пришла пора Креспи узнать, кто здесь контролирует ситуацию.

Глава 26

Креспи показал пальцем в дальний конец закрытого туннеля. Здесь было так темно, что даже его вытянутая вперед рука имела лишь смутные очертания.

- Смотри: вон там.

МакГиннесс повернулась туда, куда показывал Креспи, но увидела только какие-то тени и тусклые огоньки видеокамер, правда, через несколько секунд она с трудом рассмотрела в дальнем углу ступеньки лестницы, привинченной болтами к полу.

Креспи и МакГиннесс вместе прижались спинами к стене, противоположной от шипящего и вытягивающего вперед лапы чужого, и стали медленно продвигаться к лестнице. Они остановились вне досягаемости его когтей - но всего лишь в нескольких сантиметрах... Мак-Гиннесс прилагала все усилия, чтобы не запаниковать в открытую, пыталась не думать, что может сделать Чёрч одним нажатием какой-то клавиши. Ему стоило лишь спустить чудовище с цепи...

Креспи и МакГиннесс прошли мимо твари. Чужой визжал в истерике. Скорее всего, он был голоден, горел желанием сорваться с привязи и впиться зубами в свежее мясо...

МакГиннесс приказала себе не думать об этом. Слева от них она увидела еще какую-то дверь, тоже плотно закрытую. Перед ними лежал лишь один возможный путь - вверх.

Креспи не сводил глаз с неистово бьющегося на цепи чужого. Полковник жестом показал МакГиннесс, чтобы она первой поднималась по лестнице. Женщина схватилась за самую высокую перекладину, до которой могла дотянуться, и полезла вверх.

МакГиннесс считала, что продвигается очень медленно. Лестница казалась бесконечной. Свет, поступающий откуда-то сверху, стал лишь чуть-чуть ярче. Мак-Гиннесс радовалась, что удаляется от шипящего черного чудовища, но, по крайней мере, этот чужой привязан. Не исключено, что, поднявшись по этой лестнице, она окажется в их логове, где несколько особей только и ждут, чтобы...

Внезапно в памяти всплыли картины детства: как она играла в прятки с какой-то подружкой, имя которой давно забыла, в заброшенном доме. По жребию водить выпало ей, и за каждым углом МакГиннесс ожидала встретить какую-то тень, задерживала дыхание, сердце колотилось у нее в груди... Ее ни на секунду не оставляло чувство, что в любой момент ее может ждать какой-то сюрприз...

- Видишь что-нибудь? - послышался хриплый голос Креспи снизу.

Она думала, что поднялась гораздо выше. Креспи был лишь метров на десять ниже ее.

МакГиннесс снова подняла голову, чтобы в сотый раз проверить, не появилось ли хоть что-нибудь впереди.

Над ней нависал потолок тьмы.

- Слишком темно! - крикнула она в ответ.

Чужой тихо шипел в своем углу. МакГиннесс поднялась на одну ступеньку. Потом еще на одну. Ее ладони стали влажными.

Она снова посмотрела вверх. Источник света стал гораздо ближе, теперь она могла разглядеть, где кончается лестница. Впереди открывался какой-то проем.

Выход?

"Слава тебе Господи! Слава тебе Господи!"

- Мне кажется, я что-то вижу! - возбужденно крикнула она Креспи. - Здесь относительно светло и...

Внезапно перед ней мелькнула какая-то тень. Мак-Гиннесс резко подняла голову. Она поняла, что это и есть та скрытая угроза, которую приготовил им Чёрч.

Чужой подпрыгнул к ней, зарычал прямо ей в лицо, несколько капель его слюны упало ей на подбородок, впереди начала выдвигаться его страшная челюсть...

Чудовище схватило ее.

Креспи все слышал - и чужого, и крик ужаса Мак-Гиннесс. Полковник схватился за перекладину и стал быстро подниматься вслед за ней.

- Шэрон!!!

- Спускайся назад! Назад!

Креспи поднял голову вверх и увидел, что чудовище держит МакГиннесс за плечо. Женщина отпустила перекладину и неистово болтала ногами в воздухе, стараясь высвободиться из страшных лап.

Послышался звук разрываемой одежды. МакГиннесс оказалась на полметра ниже. Чужой ревел. Она висела лишь на клочке материи...

"Почему он не поднимает ее вверх?" - пронеслось в голове у Креспи.

Материал быстро рвался дальше...

Креспи спустился назад на пол и приготовился поймать МакГиннесс, когда она упадет вниз, чтобы по крайней мере смягчить удар.

Послышался еще один вопль, значительно ближе к Креспи. Он в страхе обернулся. В помещении, где он стоял, загорелась маленькая тусклая лампочка, осветив привязанного к стене чужого.

Послышался щелчок, ясно различимый среди воплей чудовищ. Когда до Креспи дошло, что означает этот щелчок, он показался ему даже непомерно громким.

Чёрч спустил чужого с цепи.

МакГиннесс закричала Креспи, чтобы он спускался вниз, потому что, если тварь ее отпустит, она, падая, собьет полковника со ступенек.

Ее пронзила острая боль, грязные когти чужого глубоко впились в ее левое плечо. Он суетился, пытаясь поднять ее и подтащить поближе к себе.

Ему это никак не удавалось. Женщина почувствовала, как дрожит его тело, поняла, что он здорово ослаблен и ему не хватит сил, чтобы поднять ее.

МакГиннесс начала вертеться, бить ногами по воздуху, стараясь сорваться с лапы чужого. Вначале она почувствовала, как разрывается ее кожа. На теле остались длинные царапины, но, главное, чудовище отпустило ее...

Правда, не совсем. Тварь все еще держалась, неистово вопя. Ее длинные когти запутались в рубашке женщины.

МакГиннесс казалось, что привязанный чужой внизу вопит в ответ на крики находящегося наверху.

Внизу зажегся какой-то тусклый свет, он проник и наверх, где висела она. МакГиннесс увидела, как по ее коже течет алая кровь, заливая разорванную ткань. Теплая кровь достигла ее груди и покатилась ниже...

- Отпусти! - диким голосом закричала она.

МакГиннесс дернулась еще раз, рубашка разорвалась, чужой злобно зашипел - но она уже падала вниз, обхватив руками голову.

"Нужно согнуть колени", - пронеслось у нее в голове.

Она ударилась об пол - очень сильно, - почувствовала, что здорово повредила одну лодыжку, боль пронзила нижнюю часть ноги, но женщина успела собраться в группировку прямо перед тем, как приземлиться. МакГиннесс поняла, что даже может встать...

Она огляделась вокруг. Теперь нижнее помещение показалось ей ярко освещенным. МакГиннесс увидела Креспи и чужого, который больше не был привязан.

Не обращая внимания на боль, женщина быстро похромала к Креспи и встала рядом с ним. Да и идти-то в общем было больше некуда.

Чужой согнулся пополам, шипел, но не приближался к ним.

- Чёрч довел его до такого состояния, - шепотом заметил Креспи.

МакГиннесс сразу же поняла, что полковник имеет в виду. Эксперименты, проводимые доктором, ослабили чудовищ, именно поэтому чужой, сидевший наверху лестницы, не смог поднять ее. И этот не бросался на них, а чего-то ждал. Он, видимо, хорошо усвоил, что еще до завершения атаки по нему ударит электрический ток. Наверное, он размышлял, как быстрее до них добраться...

А следовательно, у них есть шанс.

Она слышала все приближающееся шипение над головой - чудовище, из лап которого ей удалось вырваться, спускалось вниз по металлическим перекладинам и, скорее всего, готовилось к прыжку.

Женщина почувствовала какое-то движение позади себя. МакГиннесс обернулась в панике и услышала еще какое-то шипение, но не такое, как издавали чужие.

За их спинами открылась дверь, за которой начинался еще один темный коридор.

- Дверь! - крикнула МакГиннесс.

Креспи тоже обернулся, увидел проем и, не колеблясь, схватил женщину и с силой подтолкнул ее туда.

- Вперед! - приказал он.

Она буквально влетела в новый коридор, пошатнулась, приземлилась на четвереньки, вскочила на ноги и посмотрела назад.

К чужому, который был ранее привязан внизу к стене, присоединился второй - тот, что спустился по лестнице с верхней площадки. Они уже готовились прыгнуть на Креспи или нестись вслед за ними по туннелю.

Дверь начала медленно закрываться... Креспи бросился к ней, совершив огромный прыжок, пролез в узкий проем. Чудовища следовали за ним по пятам.

МакГиннесс увидела, как вперед тянется черная лапища, но не могла ничего предпринять, чтобы остановить ее. Лапа с силой ударила Креспи, он упал, но уже за дверью.

Лапа осталась там, откуда им удалось сбежать. Дверь плотно закрылась.

Все вокруг было залито кровью.

Глава 27

Чёрч нахмурился, увидев, как Креспи, пролетев сквозь проем, упал. Его спина представляла собой ужасное зрелище: с нее свисали куски мяса, она была вся разорвана.

"Все произошло слишком быстро, - подумал Чёрч. - Но, наверное, этого и следовало ожидать".

Если Креспи мертв, то нет смысла выпускать еще одного чужого, а то от полковника вообще ничего не останется, потому что чудовища очень голодны и тут же его сожрут.

Чёрч наблюдал за МакГиннесс, бросившейся к Креспи. Наблюдал и ждал.

- Креспи? Тони?

МакГиннесс опустилась рядом с ним на колени, подняла голову, быстро обвела взглядом коридор, увидела, что в нем нет ни одного чудовища, снова повернулась к Креспи. У нее самой все болело, ей было страшно, причем гораздо страшнее, чем раньше: она боялась остаться одна в этом аду.

Креспи лежал лицом вниз, без движения, рубашка на его спине вся набухла от крови и была разорвана сверху до пояса.

"Господи, не дай ему умереть, не дай мне остаться здесь одной", - молилась МакГиннесс.

Она сняла с себя разорванную рубашку, сложила ее и начала осматривать спину Креспи, чтобы найти то место, откуда била струя крови. Крови было так много, что представлялось невозможным определить, где самая глубокая рана, куда именно нужно приложить ткань.

Креспи застонал, пошевелился, а потом скривился от боли.

- Ты ранен, - прошептала женщина. - Не говори ничего, лежи и не двигайся.

МакГиннесс положила руку ему на затылок и погладила его коротко остриженные волосы. Она была очень испугана и просто не представляла, что делать дальше.

"Он умрет, если ты так и будешь сидеть и жалеть себя, - сказал внутренний голос. - Вы оба умрете, если ты ничего не предпримешь".

Она знала это, но не могла заставить себя встать.

Она ни за что не оставит его умирать одного.

Креспи казалось, что его спину жгут раскаленным железом или на нем загорелась рубашка и огонь перешел на кожу... Он застонал и попытался пошевелиться.

Боль была просто нестерпимой, казалось, что она распространилась на все клеточки тела, словно его безжалостно били кнутом или содрали кожу с костей. Раны горели, он чувствовал, что из них все время идет кровь, и понимал, что его состояние весьма плачевно...

МакГиннесс находилась рядом, дрожащим тихим голосом говорила, чтобы он спокойно лежал и не двигался, нежно гладила его по голове. Креспи закрыл глаза и постарался сконцентрироваться на ее руке, на ощущении от прикосновения женщины. У него в памяти всплыли давно забытые картины детства - убаюкивающая колыбельная, женские пальцы, дотрагивающиеся до него...

Креспи понял, что умрет, истекая кровью на грязном полу в темном лабиринте, или его разорвут чужие, которых выпустит Чёрч.

Чёрч!

Креспи смог собраться, произнеся про себя имя доктора. Несмотря на боль, он думал сейчас о человеке, который довел его до этого состояния и которому удавалось долгие годы скрывать от всех

свою темную сторону. Он умело замаскировался. Он врал Креспи в глаза, а потом послал его на смерть - и все только для того, чтобы проводить свои изуверские эксперименты. Этот человек убьет Шэрон МакГиннесс, прекрасную женщину, сидящую сейчас рядом с Креспи и готовую умереть вместе с ним.

Пол Чёрч!

Внезапно внутри Креспи загорелся новый огонь, он был сильнее боли, раздирающей его тело, оказался исключительно интенсивным и ярким. Креспи открыл глаза и сквозь красную пелену увидел находящийся во мраке коридор.

Очень медленно, прилагая невероятные усилия, Креспи поднялся, почувствовал напряжение в своем израненном теле, а потом из ран на спине с новой силой хлынула кровь.

Он попытался встать и упал бы, если бы не Мак-Гиннесс, которая находилась рядом и поддержала его. Креспи заметил, что она тоже ранена, кожа на ее плече разорвана, кровь из ран, оставленных когтями чудовища, запеклась на туго обтягивающей ее тело майке.

- Тебе... не следовало устраивать стриптиз ради меня, - попытался пошутить он, но из глотки вырвался лишь хриплый шепот.

- Тони...- ответила она, вложив в это слово все, что испытывала в этот момент. Выражение ее лица говорило о том же самом: беспокойстве, заботе, страхе, замешательстве и боли.

Креспи постарался улыбнуться:

- Я... со мной все в порядке. И я выведу тебя отсюда.

Они пошли по тускло освещенному коридору. Креспи думал о том, что он не позволит Чёрчу остаться в живых после всего этого.

Чёрч улыбнулся и молча поаплодировал силе воле Креспи. Такая целеустремленность! Поразительно, на что оказывается способен человек, поставленный в экстремальные условия. И пленники все еще на что-то надеются, зная, что надежда - это единственное, что у них остается.

Доктор нахмурился, вспоминая, как тяжело находиться в таком состоянии: жить только надеждой. Чёрч подумал о темных, отвратительно пахнущих туннелях в той пещере на маленькой планете, черных чужих.

Потом он почему-то представил, как скальпель входит в холодное тело...

Ему не хотелось больше играть, он вздохнул в разочаровании, что все так быстро завершилось, но решил, что так будет лучше. Желал он того или нет, но часть его все равно оставалась человеком и определенным образом реагировала на то, что он видел на мониторе. Конечно, это слабость, но он не мог отрицать ее.

Все закончилось.

- Прощайте, доктор Креспи. Прощайте, МакГиннесс, - сказал он. - Мне было интересно с вами.

С этими словами он нажал еще на одну клавишу, выпускающую из вольера последнего чужого.

Создавалось впечатление, что Креспи что-то искал. Его полные боли глаза бегали по темным стенам, когда они с МакГиннесс медленно и шатаясь пробирались по коридору.

МакГиннесс была поражена и одновременно испытывала облегчение от того, что Креспи все еще мог идти, вообще оказался в состоянии передвигаться, но понимала, что долго это не продлится - силы его угасали. Его спина стала одной большой раной, когти чудовища разорвали мышцы на куски, свисающие со спины. За ними тянулся кровавый след. Кровь капала и с его спины, и с пропитанных ею брюк.

Казалось, что в этой части лабиринта нет выхода, потому что дверь на противоположном конце, к которому они пришли, была заперта. Она слабо освещалась из какого-то проема наверху, начинавшегося в метре за пределами их досягаемости. Свет был мрачным и тусклым.

Буркнув что-то себе под нос, Креспи начал колотить ногой по стене, в привинченное болтами устройство, бьющее электрическим током. Это было совсем небольшое приспособление, чуть больше кулака, а если оторвать его от стены, то как оружие оно не принесет никакой пользы. Но вот металлическая подставка, на которой оно держалось, - это совсем другое дело...

- Помоги мне, - прошептал он и остановился. Он дышал часто и неровно, его бледный лоб покрывали капельки пота.

МакГиннесс тоже ударила по стене, попав каблуком в самую металлическую подставку. Они стали работать по очереди, оба вспотели и стонали от боли.

Удары Креспи были тяжелыми, его лицо стало пунцовым, он бил по металлу с нечеловеческой силой. Полковник начал что-то несвязно бормотать, слова вылетали вместе с каждым ударом:

- Чёрч... хочет... показать нам... но я... сам... вначале... покажу ему!

В конце концов послышался страшный треск и подставка свалилась на пол: им удалось согнуть металл рядом с одним из крепежных винтов. Электропровод все еще присоединялся к стене и злобно шипел на них. Из него вылетали маленькие голубые искорки.

Креспи нагнулся, радуясь победе и крича от боли, и подхватил толстый, тяжелый металлический стержень, длиной с руку от кисти до локтя. Каждый конец оказался слегка загнут - в тех местах, где стержень прикреплялся к панели.

- Я убью его, - сказал Креспи и искренне верил в это и сердцем, и душой.

Глаза полковника казались черными, в них горела ненависть, бледные губы вытянулись в узкую линию. Во всем его облике чувствовалась целенаправленность.

МакГиннесс кивнула, зная теперь, что заставляет Креспи двигаться дальше. Черт побери, он точно приложит все усилия, чтобы выполнить свое обещание. Он был полон ненависти. МакГиннесс наблюдала за выражением его глаз и надеялась и молилась, чтобы случайно не оказаться на его пути. Креспи определенно был плох, но нацелился на осуществление задуманного, пришел в ярость и не замечал больше никого и ничего вокруг.

МакГиннесс посмотрела на закрытую дверь позади них, потом перевела взгляд на ту, что была впереди.

- Куда теперь? - спросила она.

Креспи уже открыл рот, чтобы ответить, но она так никогда и не узнала, что он хотел предложить, потому что сверху раздался дикий рев, послышалось движение. Чужой был совсем близко.

Креспи поднял металлический стержень и посмотрел на отверстие в потолке.

.- Отойди, - властно приказал он МакГиннесс.

Стук тяжелых шагов теперь казался громче. Над отверстием появилась тень и заслонила собой тусклый свет.

Послышался лязг зубов, потом ожидаемое шипение. Это чудовище тоже определенно было голодно и предвкушало, как с жадностью вопьется в человеческую плоть.

Чужой прыгнул вниз, готовый к атаке, все его туловище напряглось, и оно уже собралось наброситься на людей...

Тут вперед вышел Креспи. Его глаза горели.

Он замахнулся металлическим стержнем, из горла у него вырвался какой-то воинственный клич, в котором смешались ненависть, гнев и боль. Он нацелился в блестящую, вытянутую голову чудовища - и нанес удар, вложив в него весь остаток сил.

Бах! - металлический стержень попал в цель - прямо в черепную коробку чужого.

- Нет!!! - закричала МакГиннесс, отшатываясь назад.

Дверь в конце коридора открылась как раз в тот момент, когда взревело чудовище. Из него брызнула шипящая кислота, потом полилась ручьем, сильным стремительным потоком - на металлический стержень, на стены и на Креспи.

Невероятно, но чужой повернулся и бросился в открывшуюся дверь.

Креспи рухнул на пол.

Полковник почувствовал, как кислота из тела чудовища попадает на него, как густой, ядовитый поток с всплеском льется ему на грудь. В этот момент дико закричала МакГиннесс.

"Неужели придется умереть вот так..."

Это была его последняя оформившаяся мысль перед тем, как кислота сожгла его одежду и коснулась кожи. Казалось, что все его тело пронзило раскаленным добела железом.

Креспи упал, колени сами собой подогнулись - горело все, каждая клеточка тела, - он рухнул на спину и даже не мог кричать, боль слепила его, пальцы скрючило, потом они сами сжались в кулаки у него перед глазами.

"Я мертв. Нет, еще жив. Этот подонок Чёрч..." - пронеслось в голове у Креспи.

Каким-то образом он нашел в себе силы, открыл рот и закричал. Получился ужасный вопль отчаяния, в котором соединились весь его гнев и вся его боль, он вложил всю свою душу в этот долгий, ужасающий звук.

Он умирал, а Чёрч все еще был жив.

МакГиннесс закрыла лицо руками, когда у Креспи вырвался этот разрывающий душу крик. На ее глаза навернулись непрошеные слезы. В этом кошмарном звуке слышалась такая мука, такое отчаяние...

Пошатываясь, она бросилась к нему. Его боль стала ее болью, ее горем. Она старалась быть очень осторожной, чтобы не попасть в шипящие лужи кислоты. Наконец женщина склонилась над Креспи. Он все еще был жив. Наверное, эксперименты Чёрча ослабили защитные механизмы чужих и сделали кровь чужих не такой ядовитой, как у живущих на свободе особей.

МакГиннесс слепо надеялась - какую-то секунду, - что он выживет, что его еще можно спасти...

"Все не так плохо, как кажется, не может быть так плохо. Он выкарабкается", - думала она.

Женщина нежно подняла его голову, положила на свое трясущееся колено, потом взглянула на его грудь и живот - и быстро отвела взгляд. Передняя часть его тела представляла собой дымящуюся массу - смесь крови, плоти и раздробленных, растворяющихся в кислоте костей.

МакГиннесс взяла его руку в свою, почувствовала, как пальцы Креспи слабо сжали ее ладонь. Он был практически без сознания, она увидела, как после каждого его вдоха что-то булькает у него в нижней части живота. У нее начала подниматься к горлу рвота. Когда полковник открыл рот, чтобы что-то сказать, кровь запила его бледные губы и окрасила их в красный цвет.

Его глаза закатились. Он посмотрел на нее стеклянным взглядом, словно видел не ее, а кого-то или что-то еще, где-то совсем в другом месте. Креспи умирал.

МакГиннесс чувствовала, как слезы катятся у нее по щекам. Она не думала, что полковнику удастся что-то сказать, - но он заговорил, очень тихо, шепотом. Женщина склонилась поближе. Ее волосы прилипли к мокрому от слез лицу.

- Наверное... это все,- пробормотал Креспи заплетающимся языком.- Я... мне холодно...

- Мне так жаль...- прошептала МакГиннесс. Поток слез еще усилился. У нее в горле стоял комок. -

Мне так жаль, что я не могу для тебя ничего сделать, - закончила она фразу.

Он лежал с закрытыми глазами, но теперь открыл их, и в его затуманенном взоре промелькнул какой-то живой огонек.

- Можешь, - выдохнул он, затем закашлялся, обрызгав МакГиннесс маленькими красными капельками. - Не позволяй... не позволяй им... - Он снова

закашлялся, попытался отвернуть голову в сторону, но не смог. - Не дай ему... Убей меня.

Пожалуйста.

Она почему-то знала, о чем он попросит, и его слова оказались настолько ужасны, насколько она в страхе предполагала. Они вывели ее из оцепенения. Ее сердце что-то кричало ей в гнев, голова пошла кругом.

- Нет, я не могу, не заставляй меня...

Казалось, что он ее не слышит:

- Убей Чёрча... иди... убей его...- Он поймал глазами ее взгляд и смотрел ей прямо в душу.

Каждое слово давалось ему с огромным усилием: - Пожалуйста... Шэрон, пожалуйста...

Слова превратились в литанию, в тихое пение над умирающим, повторяемое вновь и вновь. Она видела в его глазах то, что он был уже не в силах досказать, его последнюю просьбу, мольбу: "Пожалуйста, Шэрон. Я не хочу умереть зря. Попробуй что-нибудь сделать, чтобы моя жертва оказалась не напрасной".

- Пожалуйста... пожалуйста,- удалось ему выдать из себя.

МакГиннесс склонилась к нему, поцеловала его в лоб дрожащими губами. Ее слезы капали ему на волосы. Затем она отошла назад, сжала руками свою голову, собираясь с силами. Она старалась ни о чем не думать в этот момент.

Тони Креспи закрыл глаза, морщины на его лбу разгладились.

- Отдыхай, - прошептала МакГиннесс и одним быстрым движением резко повернула его голову.

Послышался разрывающий душу треск, когда ломались позвонки. Этот звук показался МакГиннесс ужасающе громким в тихом пустом туннеле.

Глава 28

Она какое-то время сидела рядом с телом Креспи, положив его голову себе на колени. У нее не осталось больше сил даже оплакивать его. Креспи был хорошим, честным человеком. В конце жизни ему пришлось просить освобождения в смерти у женщины, которую он практически не знал и которая теперь держала его в своих объятиях.

МакГиннесс стонала над его трупом, издавая какие-то высокие звуки, напоминающие звериный вой. Ей так хотелось расплакаться - но у нее по щеке скатилась лишь одна скупая слеза. Боль внезапно оказалась слишком сильной для простых рыданий. МакГиннесс сожалела о том, что теперь они уже никогда не станут друзьями, она страдала 'за' него - потому что его последние минуты были такими мучительными. Женщина была измождена - и физически, и морально - и предалась своему отчаянию. "...Шэррон, пожалуйста..." - вспомнила она.

Через какое-то время МакГиннесс нежно опустила его голову на пол, встала и сверху вниз посмотрела на безжизненное тело Креспи. Его лицо больше не искажалось от боли, по крайней мере выражение было умиротворенным.

Откуда-то из-за открытой двери она услышала жалобный вой раненого чужого, эхом разнесшийся по лабиринту. Это был звук горечи и утраты, похожий на то, что только что вылетало у нее из горла. В крике чужого слышались гнев и боль. Он был еще одной жертвой...

МакГиннесс распрямила плечи и повернулась. Она почувствовала, как внутри нее нарастает что-то огромное, не поддающееся описанию или определению. Это был не только гнев, но только злость, не только ненависть, а гораздо большее... Ей показалось, как холодная ледяная рука сжала ее сердце, а по венам начал пульсировать жидкий азот. Непонятное чувство охватило ее всю, словно накрыло океанской волной. Она сама стала этим чувством, горечь утраты и грусть прошли, словно их никогда и не было.

МакГиннесс, не торопясь, повернулась к двери и пошла твердо и целенаправленно.

Она должна была выполнить обещание.

Чёрч внимательно изучал монитор. Он был в замешательстве. Чужой убежал. Идеальная убивающая машина обратилась в бегство, и он не знал почему. Это было беспрецедентно, неслыханно.

Доктор увидел, как МакГиннесс резко повернула голову умирающего Креспи, сломав ему позвонки, а потом принялась его оплакивать. На это зрелище было бы больно смотреть, если бы только оно не приводило Чёрча в такой гнев, потому что утрата была потрясающе невероятной. К тому времени, когда доктор доберется до мозга полковника, он превратится в мягкую кашу, с которой уже практически Ничего нельзя будет сделать. Чужой должен был убить их обоих, тогда Чёрч сразу же бросился бы в лабиринт, и меньше чем через минуту у него уже были бы новые образцы...

Чёрч нашел чужого на мониторе меньшего размера, увидел, что тот сидит, съежившись, в конце одного из туннелей. С головы чудовища на пол, сделанный из кислотостойкого сплава, капала едкая кровь. Приглушенные крики были трогательными и жалостливыми.

Почему он бросился бежать? Боль, наоборот, обычно подстегивала этих существ. Они целенаправленно и целеустремленно шли к жертве, и ничто не сбивало их с избранного пути.

Случившееся просто невозможно...

Но все равно это произошло, и должно быть какое-то объяснение этого провала. Может, здесь имеет место какая-то аномалия?

Да, наверное. Чёрч с облегчением кивнул. Перед ним редкий случай, исключение из правил - уродец. Также вполне вероятно, что инстинктивное поведение чужого было каким-то образом изменено сильнейшим ударом по голове, потому что этот удар мог что-то разрушить, а в результате существо потеряло способность видеть...

- Чёрч!!! - внезапно прогремело у него в ушах.

В удивлении он посмотрел на основной экран. Камера была направлена прямо на МакГиннесс.

Женщина уставилась на него холодными немигающими глазами, сжала кулаки.

- Чёрч, ты меня слышишь? Я тебя убью, ублюдок!

Доктор тоже уставился на нее, и неожиданно его захлестнула холодная волна...

Страха?

Нет, он этого не допустит. Ни в коем случае.

Чёрч нажал еще на одну кнопку, открыв дверь, ведущую в первое помещение. Два находившихся там чужих бросились вперед, мимо трупа Креспи. Все их чувства были нацелены на живого человека, на жертву, которая пока еще могла двигаться.

Доктор хотел видеть ее мертвой.

Чем скорее, тем лучше.

МакГиннес бежала по лабиринту, ей было очень холодно. Она инстинктивно выбирала себе дорогу. Она не знала, что с ней произошло, но ее это и не волновало. Главное, что эта внезапно появившаяся в ней сила поможет ей достичь поставленной цели.

"Я стала машиной, как чужие, - думала МакГин-несс, - инструментом в руках кого-то, кого я не знаю, и все это выше моего понимания..."

Да, все это было неважно. Ее цель - добраться до Чёрча и сделать то, что она должна сделать. Только это имело смысл. За спиной она слышала шипение и вопли по крайней мере двух чужих. Их тяжелые шаги гулко отдавались в темных пустых коридорах.

"Надо каким-то образом повернуть назад, чтобы оказаться в том, первом помещении и выйти в лабораторию Чёрча".

Она ни секунды не сомневалась в себе. Страх прошел. Единственное, что ее беспокоило, так это то, что ее убьют до того, как она успеет добраться до Чёрча, но и это беспокойство было каким-то не связанным со всем остальным и беспристрастным. Это чувство было проанализировано - как бы со стороны - и сразу же отмечено в сторону как маловероятное. Ее отчаяние и страх, испытываемые ранее, представлялись теперь, как в тумане, сном, привидевшимся кому-то другому.

У нее в голове не сформулировалось никакого четкого плана. Она просто бежала по лабиринту.

Женщина понимала, что ей не удастся убежать от чужих и спрятаться в каком-нибудь закутке в надежде, что они пронесутся мимо. Они все равно почувствуют ее, или Чёрч ударит ее электрическим током - ведь его оборудование установлено по всему лабиринту.

Она начала размышлять, почему Чёрч до сих пор не убил ее, например, тем же электрическим током, не зажарил ее заживо. Не успев задаться этим вопросом, она уже знала ответ: не позволяло его самолюбие. Он хотел стать свидетелем драматического конца, видеть, как она кричит в агонии, пытаясь сопротивляться, на нее наступают чудовища, разрывают ее своими лапами...

Чёрч будет разочарован. И он умрет.

МакГиннесс надеялась, что он окажется настолько самоуверенным, что откроет ту первую дверь, что у него возникнет непреодолимое желание лично понаблюдать за тем, как она умирает, - не по монитору, а в его присутствии. Он забудет о мерах предосторожности. Она думала, что подобное вполне может произойти, хотя, конечно, могла и ошибаться...

"Если я ошиблась, то я найду другой способ разделаться с ним".

Эта мысль мгновенно заглушила остатки ее беспокойства. Если есть хоть какой-то способ добраться до Чёрча, она это сделает.

МакГиннесс добежала до очередного поворота и завернула, не думая. Звуки, издаваемые чужими у нее за спиной, становились все ближе и ближе.

Чёрч наблюдал за бегущей по лабиринту МакГиннесс. Казалось, что она выбирает дорогу наугад. Два глупых гигантских существа, пошатываясь, преследовали ее. Расстояние между ними и МакГиннесс сокращалось. Хотя они и были ослаблены, потому что Чёрч постоянно держал их впроголодь, они все равно могли передвигаться быстрее, чем женщина. Так что осталось совсем недолго ждать...

Доктор почувствовал, как к нему возвращается уверенность. Это было приятное чувство. Эксперимент подходил к концу, и он ощутил некоторое сожаление, потому что несколько минут назад позволил себе поддаться слабости'. Если бы он был тверд, то Креспи не умер бы зря...

МакГиннесс завернула еще в один туннель, опять не колеблясь, - и Чёрч понял, куда она направляется.

Он улыбнулся и нажал на кнопку, открывающую дверь в вольер под обзорной площадкой. Прекрасно! Она присоединится к нему в последнее мгновение, возможно, это компенсирует потерю Креспи... Она внезапно остановилась и застыла в коридоре "Д". На ее лице не выражалось неуверенности, которую она должна была чувствовать. Ее грудь вздымалась и опускалась от частого дыхания, волосы взмокли от пота. Она быстро уставала, наверное, больше была не способна бежать... Чёрч весело рассмеялся, в надежде, что она успеет выйти в самое большое помещение до того, как его собачки до нее доберутся. Доктор хотел видеть ее просящие глаза, когда она будет умолять его о быстрой смерти.

МакГиннесс преодолела еще один поворот и снова с легкостью побежала дальше: у нее открылось второе дыхание. Она не задавалась вопросом, откуда появились эти инстинктивная напористость и внутренний импульс, гнавшие ее вперед, как она смогла добраться сюда, продержаться так долго. Она не спрашивала себя, откуда ей известно, где именно нужно поворачивать, она просто знала, что с каждым шагом приближается к Чёрчу. Внезапно интуиция заговорила, произнесла одно-единственное слово:
- Подожди.
МакГиннесс застыла на месте, тяжело дыша. Голова была ясной. В мозгу появилось одно это слово, и она подчинилась ему, не сомневаясь, что это как раз тот приказ, который нужен. Она была уверена в его правильности, как уверена в своем имени. Ей даже показалось, что это говорил Креспи.

Чужие приблизились к ней. Их высоченные тела посылали огромные тени, когда они вприпрыжку передвигались по лабиринту, ориентируясь на ее страх... Они уже практически подошли ко входу в коридор "Д", им требовалось лишь несколько секунд, чтобы добраться до застывшей на месте МакГиннесс. Чёрч уже считал, что она - труп, и склонился поближе к монитору.
Чужие повернули не в тот проход.
Пораженный Чёрч приподнялся со стула.
- Что!..- закричал он.
Чудовища неслись по пустому туннелю, шипели и визжали, они бежали от МакГиннесс, направляясь к раненому собрату, который все еще сидел, скорчившись, в углу, истекая кровью и постанывая от боли. Он утратил свои экстрасенсорные способности.
Он ослеп и боялся.
И они не узнали его как себе подобного.
Чёрч в ужасе застыл на месте и наблюдал, как два чужих набросились на раненое существо, впились в него своими огромными когтями, начали разрывать на части ужасающего вида зубами. Раненый чужой визжал, в страхе пытался сопротивляться, потом схватил одного из нападавших за упряжь, закрутил ее и принялся душить. Тот, которого схватили, рухнул на пол и дико закричал от боли. Он лежал на холодном полу, изредка судорожно дергаясь.
А потом умер.
Второй нападавший бросился вперед, впились когтями в спину убийцы, который застыл на месте, а затем упал на мертвого чужого, лежащего перед ним. Он не мог больше сопротивляться. Желание сражаться пропало.
В живых осталось только одно чудовище.
Чёрч стоял, не шевелясь, словно пораженный громом. Он никогда не предполагал, что подобное возможно...
Внезапно уголком глаза он заметил какое-то движение. Он перевел взгляд на монитор "Д", его вновь обуял страх, потому что такого просто не могло быть!
МакГиннесс целенаправленно шла дальше.

Она снова услышала голос интуиции и приняла приказ:

- Иди дальше!

Чёрч стукнул пальцем по клавише, регулирующей подачу электрического тока, чтобы подстегнуть последнего оставшегося в живых чужого и заставить его выйти из оцепенения.

Чудовище завопило, резко подняло голову и начало искать обидчика.

Его взгляд остановился на женщине - она двигалась по туннелю. Чужой бросился назад, словно взбешенный охотник в погоне за дичью.

Чёрч выдохнул воздух. Он устал, но снова взял ситуацию под контроль. МакГиннесс, можно сказать, была мертва.

Женщина завернула направо, затем побежала прямо. Свет впереди становился все ярче, практически слепил ее. Наконец остался последний поворот.

Она, тяжело дыша, вбежала в вольер под обзорной площадкой и увидела, как Чёрч подходит к заграждению с улыбкой на неопишимо уродливом лице.

Она смогла.

МакГиннесс повернулась к нему и пошла по полу из какого-то сплава, устилающему загон. Она чувствовала лед внутри себя, нечто большее, чем гнев. Ее черты искажала злость. У нее в голове не было четко оформившихся мыслей, никаких слов, ничего, что могло бы описать глубину отвращения и ненависти, переполнявших ее при виде Чёрча. Она действовала абсолютно хладнокровно, собираясь его убить, и уверенно шла к цели...

В коридоре за ее спиной завизжал чужой. Он бежал сюда, чтобы отправить ее на тот свет.

Чёрч улыбнулся, сверху вниз глядя на МакГиннесс, и постарался, чтобы она не заметила облегчения в его взгляде, когда он услышал крик чужого, приближающегося к ней.

- МакГиннесс, - обратился он к женщине веселым тоном, - я удивлен. Вы дадите мне прекрасные образцы...

"Ну и выражение лица у нее, - пронеслось в голове у Чёрча. - Почему она так на меня смотрит?"

Чёрч на всякий случай протянул руку к электропульту.

- ...а потом, специально для вас, я придумаю, как разместить вас поближе к Ленноксу, чтобы вы какое-то время могли насладиться обществом друг друга.

Она шла через вольер, злобно смотря на доктора холодным взглядом.

К ней сзади приближался чужой.

Чёрч улыбнулся еще шире, расслабился.

- О, а вот и ваш партнер, - сказал он. Внезапно МакГиннесс подпрыгнула вверх, схватилась за одну из видеокамер и подтянулась на ней...

Чёрч автоматически нажал на кнопку, но опоздал: МакГиннесс была уже выше разрядников, держась за камеру одной рукой и подтянув колени к груди. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения.

Чужой завизжал от боли: током ударило его. Чёрч немедленно отпустил палец. Внезапно ему стало трудно дышать.

"Нет! Нет!" - кричало все внутри него.

Чудовище пришло в себя практически мгновенно и прыгнуло на МакГиннесс до того, как женщина успела пошевелиться - и сбilo ее вниз. МакГиннесс упала на пол, сильно ударилась, но мгновенно обернулась.

Она казалась карликом в сравнении с голодной тварью, вытягивающей вперед лапы и готовой сожрать свою жертву заживо...

Чёрч позволил себе по-настоящему улыбнуться. Наконец-то все завершилось.

МакГиннесс заорала нечеловеческим голосом, но не от страха. И она не умоляла о пощаде, как предполагал Чёрч. Это была ярость, первобытная чистая ярость. МакГиннесс оскалилась, сжала кулаки, ее лицо оказалось в нескольких сантиметрах от щелкающих челюстей чужого...

Чудовище опустило голову, заколебалось.

А затем начало медленно отступать.

Глава 29.

МакГиннесс отвела взгляд от униженного чудовища. Женщину совсем не удивило, что оно отступило. Внутри у Шэрон не осталось страха. Она была готова убить, и чужой понял это.

МакГиннесс перевела свой взгляд на Чёрча. Если бы взглядом можно было убить, то Чёрч свалился бы сейчас замертво.

- Ты - мертвец, - прорычала она и снова подпрыгнула вверх, схватилась за ту же камеру и полезла к обзорной площадке.

Выражение лица Чёрча стало просто карикатурным. В нем одновременно смешались страх и неверие в происходящее. Казалось, он забыл, что может пустить ток - стоит лишь один раз нажать на кнопку под рукой. Он забыл все, не в силах поверить в свершившееся у него перед глазами.

- Но ведь ты не принимала никакого телепатина... - начал он, а потом внезапно понял, что сейчас должно произойти.

- Да пошел к чертям собачьим твой телепатин. Ты - мертвец, - повторила МакГиннесс, ей нравились эти слова.

Доктор нажал на звонок, чтобы вызвать охрану. Потом еще и еще раз. Он был в панике.

Чудовище внизу дико визжало, но ничто не могло заставить МакГиннесс отвлечься.

- Я хочу видеть тебя мертвым...

МакГиннесс даже не могла описать, как сильно его ненавидит. Это было даже невозможно представить.

За Дэвида.

За Креспи.

За все, что она потеряла. Он умрет за все это. За жизни, прерванные и исковерканные этим чудовищем. Он умрет. За его маниакальный эгоизм, презрение к людям, жгучий взгляд отвратительных глаз, уродливую улыбку...

"Твою кровь - за их кровь, твою жизнь - за их жизни".

Подъем не доставил МакГиннесс труда, она взлетела наверх и не удивилась этому. Повисла еще на одной камере под нижним ограждением, выдохнула воздух, подтягиваясь на руках, схватилась за верхнее ограждение и перелезла через него. Ее всю охватила холодная ненависть. И она намеревалась выполнить свое обещание.

Чёрч, пошатываясь, отступил на шаг назад. Он все еще не верил в происходящее, и она увидела это по глупому выражению его лица, по испугу, стоящему в глазах. Он - мерзость, злодей, оскорбление всему живому.

Еще один шаг - и он ее.

Доктор был слаб. МакГиннесс не думала, что он сможет вообще хоть как-то противостоять ей.

МакГиннесс схватила доктора за волосы сзади, в том месте, где кончалась голова, и толкнула его вперед, к ограждению. Его идиотское лицо ударилось о гладкую тяжелую металлическую перекладину.

Чёрч удивился, когда сломался его нос. Из его глотки вырвался один-единственный приглушенный возглас отчаяния, к которому примешивался и булькающий звук. Кровь полилась вниз, в вольер, запачкала чистый белый халат, создавая какие-то непонятные узоры, которые казались первозданно красивыми холодно наблюдающей за всем МакГиннесс.

Чёрч начал сопротивляться, когда она прижала его к перекладине, он впился руками в ограждение.

МакГиннесс пыталась вдавить его тело в металл. Раздался треск - какая-то кость сломалась. Женщина наслаждалась беспомощностью доктора, а его стоны казались ей музыкой.

Где-то вдалеке она услышала голоса. Кто-то стучал в запертую дверь, пытаясь попасть внутрь: наверное, крики чужого разнеслись далеко за пределы лаборатории.

"Где, черт побери, вы были час назад?" - подумала МакГиннесс и снова схватила Чёрча за голову, а потом снова начала клонить его вперед.

Снаружи прозвучала автоматная очередь. Кто-то пытался войти.

МакГиннесс резко развернула Чёрча таким образом, что он смотрел ей в лицо, она увидела страх в его глазах, и ей сразу же стало хорошо, она почувствовала, что он наконец понял, кто сейчас контролирует ситуацию.

Внизу под ними завопил чужой. Он был голоден.

МакГиннесс взглянула вниз и увидела чудовище, беснующееся от запаха свежей человеческой крови.

Чужой был ранен, и в его воплях слышались отчаяние и злость. Чёрч уже давно издевался над ним,

подвергая суровым испытаниям, его увезли далеко от родных мест, здесь он постоянно голодал, его били электрическим током, дразнили обещаниями побега и запахами свежего мяса. Его черная кожа приобрела серовато-матовый оттенок, он напоминал птицу с гниющими крыльями, умирал. Его братья уже отправились на тот свет - и все это ради того, чтобы Пол Чёрч нашел свою великую Истину... МакГиннесс улыбнулась, но в ее выражении лица не было ни доли юмора.

Она сжала кулак, замахнулась...

- Стоять! - послышалось у нее за спиной.

МакГиннесс обернулась: в комнату ворвались охранники с автоматами в руках.

Женщина опустила свой огромный кулак на грудь Чёрча - и доктор перелетел через перекладину. Он закричал нечеловеческим голосом, пытаясь хвататься руками за воздух.

- Я сказал: стоять!!!

МакГиннесс подошла к заграждению, посмотрела вниз, увидела, как чужой несется к Чёрчу, протягивает к нему свои изогнутые лапищи, а доктор сжимается от страха, сжимается еще больше... И тут охранники наконец достигли заграждения и взвели свои автоматы. Они все кричали одновременно:

- Доктор Чёрч! Отойдите от него! Я не могу прицелиться!

Чужой схватил Чёрча, стиснул его маленькую голову своими лапищами, с челюстей начала капать едкая слюна.

МакГиннесс оттолкнула одного кричащего охранника, повернулась ко второму, готовая убить и их, если потребуется, если они помешают ее мести...

Последним, что она видела, было дуло автомата, придвигавшееся к ней все ближе и ближе...

Потом она полетела в темноту - и звуки автоматных очередей сопровождали ее в этом полете.

Глава 30

- Как -вы себя чувствуете, доктор? - спросил Тавес.

Чёрч поднял голову от компьютера, с которого считывал информацию, и увидел, что адмирал стоит в дверном проеме. Чёрч вздохнул про себя, но попытался изобразить улыбку и положил на тумбочку прибор дистанционного управления.

- Лучше, адмирал. Фактически, я уже готов снова приступить к работе.

Тавес покачал головой:

- Забудьте пока об этом. Врачи говорят, что еще по крайней мере неделю вам следует побыть в постели.

Адмирал обвел глазами голые стены больничного изолятора, словно никогда раньше не заходил сюда, не заглядывал к Чёрчу по меньшей мере раз в два дня на протяжении последних трех недель. Палата была маленькой, но уютной, стены выкрашены в светло-зеленый цвет, не раздражающий и не возбуждающий. Это было местом отдыха и восстановления сил.

Когда Тавес заговорил вновь, его голос звучал мягко и даже ласково:

- С вами все в порядке?

Чёрч сплел пальцы и посмотрел на них с отсутствующим видом. Над этим вопросом он бился уже несколько дней.

- Я... постоянно думаю о МакГиннесс.

"И это правда", - добавил про себя доктор.

Адмирал нахмурился, и его лицо из просто уродливого превратилось в уродливо-подлое и злобное. На мгновение из прошлого появился гораздо более молодой Тавес - человек, с которым считались и который сумел добиться всех тех звездочек на погонах, что теперь носил. Но дни, когда он участвовал в военных действиях, давно миновали.

Это выражение появилось лишь на секунду - и тут же исчезло.

- Черт побери, вы же смотрели видеозапись! - воскликнул адмирал. - МакГиннесс - хладнокровная убийца, своими руками сломала шею Креспи и могла бы убить и вас, если бы охрана не подоспела вовремя.

Тавес улыбнулся. Наверное, он пытался успокоить Чёрча, хотя его следующие слова прозвучали как извинение смущенного человека:

- Ее вчера забрали десантники. Не беспокойтесь: она сюда никогда не вернется.

Чёрч вздохнул, не желая открывать Тавесу все, что произошло в тот день. Тавес никогда не узнает всех деталей, да он и не хочет этого, он не в состоянии понять те эмоции, которые смогли разделить

доктор и МакГиннесс. Чёрч поднял руку к носу и с отсутствующим видом дотронулся до небольшой повязки.

- Я имел в виду не это, - медленно произнес он, - а то, что она говорила... обо мне. Наверное, ее слова заставили меня задуматься о том, является ли моя работа здесь... правильной.

Тавес нахмурился, подошел к кровати и оперся на спинку. Его лицо стало серьезным, взгляд суровым и немигающим.

- Она - сумасшедшая, Пол. Твоя работа, твои исследования спасли бесчисленное число жизней, ты должен помнить об этом. Если бы не твое противовирусное средство, моя собственная дочь была бы сейчас мертва...

Чёрч скромно кивнул. Тавес очень любил свою младшую дочь, а после того, как Чёрч спас ей жизнь, позволял ему устанавливать на борту "Безымянной" свои собственные порядки. Тавес подписывал разрешения на использование любых средств, вызывал транспортные корабли с пополнением и закрывал глаза на то, что никогда не видел больше людей, прибывших на станцию.

Чёрч внезапно подумал о том, как бы Тавес отреагировал, если бы знал, что происходит на борту на самом деле, а потом еще раз молча похвалил себя за то, что предусмотрительно запер свою тайную лабораторию перед тем, как провести последний, неудавшийся эксперимент.

Адмирал продолжал говорить:

- ...так что не беспокойся ни о чем, в чем тебя обвинила эта сумасшедшая стерва. Никто не поверил ни одному ее слову. Ты - хороший человек, Пол.

Чёрч принялся размышлять над последними словами Тавеса, осложнениями, которые несла его принадлежность к человеческому роду. В любом случае ему никогда не приходило на ум слово "хороший".

- Ты только вспомни, что стало с Креспи,- тихо произнес Чёрч.

Адмирал на секунду утратил серьезный вид и бодрый голос, полный энергии и воодушевления, и заговорил с ложной симпатией в голосе, что случалось довольно редко. Видимо, он старался найти какую-то связь на эмоциональном уровне.

- Мне... жаль Креспи. Мне казалось, что вы смогли бы работать вместе. И уже нашли общий язык.

Чёрч снова посмотрел на свои сплетенные пальцы и медленно про себя сосчитал до трех. Не успел он добраться до цифры "три", как Тавес хлопнул рукой по спинке кровати и показал всем своим видом, что визит окончен.

- Наверное, тебе следует отдохнуть. Я загляну завтра, проверю, как ты себя чувствуешь.

Чёрч улыбнулся ему с благодарностью:

- Это будет очень мило с вашей стороны, адмирал. И спасибо, что зашли. Для меня это много значит.

- Не за что меня благодарить,- ответил Тавес.

Чёрч заметил, что адмирал доволен, улыбка появилась на его суровом лице, передаем, как он развернулся и вышел из палаты.

Как трогательно действовать на кого-то таким образом, что на лице у другого человека появляется выражение удовлетворения, даже у такой напыщенной и безнадежно глупой натуры, как Тавес. На самом деле даже низшие существа заслуживают счастья, как пришел к выводу Чёрч. Тавес - второстепенный персонаж в драме доктора, но он все равно еще не потерял способности чувствовать. Странно, как все меняется...

Чёрч несколько секунд невидящими глазами смотрел в стену и думал о МакГиннесс. Она, в конце концов, отбыла со станции. Он даже смутился тому облегчению, которое испытал после сообщения адмирала. Правда, здесь было не только облегчение, как признался себе Чёрч. Он пытался никогда не врать самому себе и ни в коем случае не брать это в привычку. По правде говоря, если уж быть полностью откровенным, она напугала его, причем очень серьезно.

МакГиннесс вела себя как чужой, когда набросилась на него. Она шла к своей жертве, не думая ни о чем, движимая лишь одним побудительным мотивом - уничтожить. Ей не составляло труда преодолеть физические преграды, настолько сильно было в ней желание добраться до цели. Таким должен быть чужой, созданный им.

Чёрч невольно содрогнулся и протянул руку к прибору дистанционного управления. Ему требовалось чем-то заполнить свои мысли, очистить их от нее и от воспоминаний о своем страхе...

Доктор нажал на кнопку и активизировал инвалидную коляску, стоявшую в ногах кровати. Ему уже удалось кое-что сделать, конечно, неофициально, и сейчас он направится в лабораторию и посмотрит, как там идут дела, а рутинная работа позволит изгнать женщину из его мыслей.

Он пересел в инвалидную коляску, заранее приготовившись к боли, которую принесут эти телодвижения, правда, теперь все болело значительно меньше. Конечно, больше всего пострадало лицо - нос и скула, - но и нога, сломанная при падении с высоты вниз, она ныла до сих пор.

Чёрч вспомнил, как чужой протянул к нему свои огромные лапищи, как из него самого лилась кровь, что приводило чудовище в неистовство. Встретились две судьбы, и обе стороны знали, что такое страх... Чёрч еще раз почувствовал боль, вспоминая, как сломалась кость в бедре, ожоги на теле от капающей на него кислоты... А потом, наконец, пули врезались в тварь, и она упала.

Было уже поздно, в коридоре никого не оказалось, хотя, конечно, его никто не стал бы останавливать. Медики любят давать указания и запрещать одно, другое и третье, но когда дело доходит до выполнения этих указаний, они не всегда проявляют твердость и настойчивость, в особенности в отношении Чёрча. Он уже давно знал, что станция находится под его контролем, но в полной мере оценить свою власть смог лишь в последние три недели.

Чёрч ехал в инвалидной коляске к складским помещениям, колеса бесшумно катились по гладкому полу.

Ему пришлось немного напрячься, приподнимаясь в коляске, чтобы дотянуться до рычага, открывающего очередную дверь. В общем-то, по большому счету, боли больше не было, меньше чем через неделю он должен встать на ноги.

Дверь распахнулась, и он оказался в редко используемом проходе, который ему пришлось хорошо изучить за последние несколько дней. Да, "Безымьянная" - это, по сути своей, лабиринт, тихие коридоры соединяют все со всем, каждая дверь может открыться, если Чёрч того захочет, а за ней будет еще один путь...

Последнее время принесло слишком много сюрпризов, слишком много открытий, которые пугали его и часто оказывались хитрыми и коварными.

Когда он рассказывал свою историю Креспи и Мак-Гиннесс, он не мог сфокусироваться на пережитом им самим страхе, на том, как тот повлиял на него самого, - и он не знал этого до сих пор. Правда, теперь он не сомневался, что те ощущения никогда не покинут его, воспоминания навсегда останутся при нем, а лицо умирающей матери будет стоять перед глазами...

Ему больше не удастся отодвигать прошлое в сторону.

Инвалидная коляска катилась по тускло освещенному коридору, попадая то в тень, то в неяркие лучи ламп, он завернул направо, еще раз направо, потом налево и покатился под небольшим уклоном вниз. Он чувствовал себя неплохо, наверное, даже должен был бы чувствовать себя прекрасно, потому что Мак-Гиннесс больше нет на борту, но с момента ее нападения на него у Чёрча почему-то пропала способность шутить. Теперь все казалось ему тусклым, словно все цвета вокруг были каким-то образом затенены и потеряли свою былую яркость.

"Ты просто устал от лежания в постели, доктор, - сказал внутренний голос. - Вот увидишь - как только встанешь на ноги, все опять будет в порядке..."

Он надеялся на это, хотел, чтобы именно так все и оказалось, но его также не покидало ощущение, что ему никогда больше не удастся добиться такой уверенности в себе, как он испытывал раньше. Он делал ошибки, ситуация выходила из-под его контроля... и он смог вдохновить практически незнакомую ему женщину на ненависть невероятной глубины, такой, что ее даже нереально вообразить. Чёрч не представлял, что подобное вообще возможно...

Многое изменилось. Он так долго пытался отместить от себя все, что осталось в нем от человека, но эта его часть постоянно возвращалась к нему, что-то нашептывала, уговаривала и увещевала. Вначале появился страх, но теперь были и другие чувства, простые и приятные, совсем не похожие на его прошлые иронические забавы, теперь он занимался "исследованием души", причем это заставляло его слишком часто останавливаться и задумываться. Все это затенило суть Истины, она вообще может быть утеряна, если он не предпримет меры предосторожности...

"А это будет так трагично? Подорвет силы и подточит здоровье?"

Он не мог дать ответа, по крайней мере сейчас.

Чёрч вздохнул и, как только инвалидная коляска остановилась, протянул руку за злополучной пластиковой картой. Доктор развернул коляску, приподнялся и вставил карту в отверстие, потом нажал на нужную кнопку и принялся ждать.

Дверь распахнулась, он медленно поехал вперед и снова остановился в центре своей маленькой тайной лаборатории.

Он посмотрел на самый большой резервуар в центре, отметил про себя те незначительные изменения, которые произошли с момента его последнего появления здесь, улыбнулся, потому что увидел прогресс, что все идет как раз так, как ему хотелось бы, причем гораздо лучше, чем в последний раз. Когда-то человеческое тело превратилось в полуискусственную систему, потемнело, часть костей видоизменилась, трансформировалась и постепенно становилась такими, какими хотел их видеть Чёрч. Выступающие на спине лопатки превращались в подобие спинного плавника, не исключено, что из-за влияния водной среды, в которой Чёрч держал экземпляр...

Потом доктор посмотрел на лицо того, кто находился в резервуаре, и здесь улыбка сошла с его собственного. Как и всегда, он не находил что сказать, ничто не могло объяснить, что он испытывал в этот момент, но тем не менее он все равно попытался:

- Я... я надеюсь, что ты меня понимаешь, Тони. Здесь нет ничего личного.

Потемневшее, не имеющее ни чувств, ни желаний, холодное тело Тони Креспи ничего не ответило. Эпилог.

МакГиннесс спала глубоким сном, запертая в небольшой камере на борту транспортного корабля, несущего ее к Земле.

Ей снился человек, которого она когда-то любила, и еще один, которого она могла бы полюбить, если бы у них было больше времени. И, в конце концов, ей приснилось, что она не человек, а тварь с когтями и зубами и длинными седыми волосами - то существо, которое она пыталась убить, но не смогла, потому что оказалась слишком слабой.

Во сне она вернулась обратно на станцию.

И на этот раз она была сильнее...

Конец.